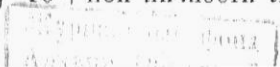

Родина Ломоносова.

(Въ доисторическія времена).

Широкою, всѣмъ извѣстною на Руси славою, пользуется отецъ родной нашей литературы Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, очевидную честь дѣлаетъ наше съ нимъ землячество, и къ великому гению перваго русскаго ученаго мы особенно должны благоговѣть. Если этому чувству дать соотвѣтственный просторъ, тогда оно сосредоточится не только на одной личности Ломоносова, но естествен-

но отольется и на всея ея окружающемъ. Уже много было и говорено и писано относительно самого Михаила Васильевича, но, напримѣръ, о родинѣ его упоминалось только мимоходомъ, вскользь, изъ одной необходимости и никогда въ особо посвященномъ трудѣ, между тѣмъ какъ едвали можно позволить себѣ мысль, чтобъ та родная картина и тотъ родной бытъ, коимъ окруженъ былъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ М. В. Ломоносовъ, не отразились чѣмъ либо съ положительной стороны на его гениальности, т. е. привнесши къ ея зарожденію или развитію свою долю.

Поставивъ себѣ задачу — насколько возможно полно и детально ознакомиться съ родиною перваго и великаго русскаго ученаго, я, предлагаю вниманію любезнаго читателя свой скромный опытъ изслѣдованія родины Михаила Васильевича; въ теченіе десяти лѣтъ тщательнаго труда надъ раскрытіемъ ея исторіи, топографіи, этнографіи, быта, народнаго говора, отъ начала исторической извѣстности и до сихъ поръ, привели меня къ тому окончательному выводу, что первые уроки, гдѣ нашла себѣ выходъ высокая гениальность Ломоносова, были даны именно его родиною. Разумѣется, этотъ выводъ — только мой личный, и онъ еще не видѣлъ критики, а поэтому на вершинѣ моихъ пожеланій является мысль о передачѣ получившагося вывода на судъ и оцѣнку всѣхъ интересующихся именемъ и гениемъ Ломоносова. Это первое, что побуждаетъ меня писать на страницахъ „Извѣстій“ предварительно попросивъ благосклонную уступку во всемъ, что можетъ показаться слабымъ или малозначущимъ.

Самъ по себѣ весь тотъ округъ, которому принадлежитъ исключительная честь — быть роднымъ, такъ сказать, пепелищемъ Михаила Васильевича Ломоносова, округъ, — нынѣ извѣстный вообще подъ именемъ *Холмогоръ*, — т. е. городъ и къ нему прилежація окрестности, имѣетъ настолько цѣнную историческую важность для Архангельскаго края во всемъ давно минувшемъ, что и здѣсь навѣрно многие, если не всѣ, найдутъ естественнымъ согласиться, что Холмогоры въ началѣ своей исторической извѣстности и далѣе въ теченіе семи вѣковъ, кончая эпохою Петра Великаго, были первымъ основнымъ пунктомъ и гражданскаго благоустроенія, и культуры, и церковнаго про-

свѣщенія, и бытового вообще развитія нашего Сѣвера. Это высокое значеніе родины Ломоносова немногимъ извѣстно. О немъ говорилось только отрывочными сообщеніями и то по какимъ либо вызывающимъ обстоятельствамъ, по спеціальному труду, кажется, совсѣмъ не бывало. И очень жаль, если въ этомъ не ошибаюсь.

Холмогоры началомъ своей извѣстности имѣютъ очень выдающіяся событія, которыми обуславливается ихъ далеко не послѣднее мѣсто и вообще въ нашей русской гражданской исторіи. Холмогоры уже въ самомъ началѣ 12-го вѣка получили церковное устроеніе, Холмогоры съ той поры были центромъ новгородской колонизаціи на самомъ Сѣверѣ.

Холмогоры въ средневѣковой періодъ составляли средоточіе всей трудовой, административной, культурной, и церковной дѣятельности, развивавшей жизнь въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи.

Холмогоры очень интересны своимъ прошлымъ и настоящимъ въ отношеніи формъ мѣстнаго простонароднаго говора и богаты преданіями старины. Что могъ, изъ этой области я собралъ, по преимуществу не получившее мѣсто въ литературѣ, и изъ полученнаго матеріала нашелъ доступнымъ воспроизвести связную картину давно минувшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить то, что теперь на вѣки исчезло вмѣстѣ съ тѣми дряхлыми старожилками, которые охотно дѣлились со мною всякими свѣдѣніями, даже иногда дѣтски — наивными.

Оказалось, что комбинація народныхъ преданій и старинныхъ записей, и печатныхъ сообщеній развертываетъ довольно интересныя картины изъ быта доисторической Чуди, издревле населявшей Холмогоры; бытъ этой Чуди современъ началу Руси, далѣе слѣдуетъ картина колонизаціи Холмогоръ новгородцами и постепеннаго обрусѣнія Заволоцкой Чуди. Отсюда исторія переходитъ къ тому укладу жизни въ Холмогорахъ, который подготовитъ цвѣтущее ихъ состояніе близъ эпохи Петра Великаго, и за симъ сама собою вырастаетъ картина Холмогоръ при Ломоносовѣ, главнымъ образомъ современная его дѣтству. Въ дальнѣйшемъ и постепенно Холмогоры начали переуступать свои права и силу городу Архангельску, стали, не сибша, удаляться со сцены,

пока въ началѣ минувшаго столѣтія не вошли въ рамки, общія для всякаго заходнаго городка.

Эти съ бытовой стороны.

Есть еще матеріалы и топографическаго содержанія, тоже имѣющія отношеніе, какъ къ сѣдой древности, такъ и къ послѣдовательнымъ позднѣйшимъ временамъ и здѣсь отыщется не мало интереснаго, если не каждому читателю, то по крайней мѣрѣ всемъ, кто займется родиною Ломоносова для наилучшаго съ нею ознакомленія, ради памяти о ея знаменитомъ уроженцѣ.

Недалеко предстоить двухсотлѣтній юбилей рожденія Ломоносова, именно въ 1911 году 8-го ноября, и читатели „Извѣстій“ окажутъ вѣроятно благосклонное вниманіе къ этому факту; въ расчетѣ на такую мысль, я и рѣшился предать гласности свой опытъ ознакомленія съ родиною Ломоносова, хотя за обширностью матеріала и не во всей его полнотѣ, то по крайней мѣрѣ безъ чувствительныхъ опущеній и пробѣловъ въ исторической послѣдовательности фактовъ, что наиболѣе драгоцѣнно для возможнаго освѣщенія сокрытой во мракѣ давности.

Холмогорскій пригородный округъ, гдѣ родился Михайль Васильевичъ Ломоносовъ, въ цѣломъ составляетъ группу острововъ, тѣсно замкнутыхъ рѣчными рукавами въ водную дугу къ сѣверо-западу отъ лѣваго берега Двины. Основаніе этой дуги начинается въ пятидесяти верстахъ кверху отъ Архангельска, у такъ называемой, Косковой горы и продолжается до Вавчуги, а вершина кончается Матигорами; образуется площадь въ видѣ полукруга съ радіусомъ въ 15 верстѣ. Она составляетъ нынѣ пеструю смѣсь рѣкъ, озеръ, луговъ, песковъ, холмовъ, ложбинъ, долилъ, овраговъ, лѣса, нивъ, покосовъ и беспорядочно разбросанныхъ селеній. Для издавнашняго двинскія побережья, это довольно типичная картина, но въ ней есть и свои прелестные уголки, къ сожалѣнію, укромно прячущіеся по окраинамъ. Старожилы говорятъ, что когда то и вся родина Ломоносова была восхитительнымъ уголкомъ нашего роднаго Сѣвера; чѣмъ именно могла она заслужить такой отзывъ, будетъ предметомъ настоящаго описанія.

Конечно, нужно явиться и мастеромъ, и художникомъ дѣла, чтобы описывать прелести природы, но пусть любезные

читатели снизойдутъ къ создаваемому мною недостатку этой способности. Я хочу вѣскольکو обрисовать Холмогорскій край, какимъ представляю въ доисторическія времена *Двинскаго Заволочья*, на основаніи всѣхъ собранныхъ мною матеріаловъ, и переданныхъ Обществу изученія Русскаго Сѣвера.

Не широка, какъ нынѣ, но глубока и многоводна была кормилица наша Сѣверная Двина въ ту отдаленную эпоху, когда на берегахъ, ея и всей системы принадлежащихъ ей притоковъ, обиталъ полудикій народъ *Заволочья Чудь*. Мирно пробѣгала въ крутыхъ высокихъ берегахъ краса и гордость древней *Віорми*, осыняемая тѣнью дѣвственныхъ лѣсовъ; чудную, подавляющую картину дикихъ красотъ представляла тогда она вся отъ начала и до впаденія. Особенно же восхитительными могли быть тѣ мѣста, гдѣ двинское русло дѣлало рукава и цѣлыя сѣти проливовъ. Ни сыпучіе пески, ни огромная ширь, ни пустынный просторъ этихъ проливовъ и рукавовъ не искажали въ тѣ времена живую прелесть двинскихъ побережій, въ родѣ тѣхъ, что довольно типично представляетъ холмогорскій пригородный округъ. Еще довольно свѣжи въ памяти старожилловъ представленія о родинѣ Ломоносова, какъ о живомъ очень привлекательномъ уголкѣ, замкнутомъ въ цѣлой сѣти глубоководныхъ рукавовъ, которые, не отличаясь шириною, имѣли крутые берега, покрытые всякаго рода лѣсомъ, и тамъ, гдѣ нынѣ въ песчаныхъ перекатахъ среди лѣта не проходитъ ладья, еще въ сороковыхъ годахъ минувшаго столѣтія свободно двигались большія суда съ грузомъ.

Начальный предѣлъ родины Ломоносова лежитъ въ восточной сторонѣ по правому двинскому берегу. Отъ Косковой горы и до Вавчуги онъ угрюмо высился своимъ крутымъ уступомъ, представляя гористые скаты, покрытые вѣковыми, неизмѣнно зеленѣвшими гигантами. Эту часть непроходимыхъ лѣсныхъ дебрей древняя Чудь называла „*Чухченемъ*“, каковое названіе и теперь извѣстно, сохранившись за цѣлымъ округомъ.

На противоположной сторонѣ, еще причудливѣе, выступала изъ водной глади длинный, высокій, обрывистый, покрытый дѣвственнымъ сосновымъ боромъ, — островъ, верстѣ двадцать пять длины и какихъ нибудь пять шири-

вы, донинѣ пользующійся чудскимъ именемъ *Ухть*. Близко стоялъ онъ тогда къ Чухченемь, бросая мрачную тѣнь на Двину. Его поражающій видъ располагалъ когда то древнюю Чудь къ отправленію здѣсь своего языческаго культа и на память объ этомъ сохранилось за южною оконечностью острова названіе *Юрмола*, отъ главнаго чудскаго божества *Юмаллы*, Теперь этотъ островъ обнажился, распался на многія части, значительно уменьшился; о его прошломъ величій говорятъ только старжила, которые видѣли въ своемъ дѣтствѣ кое-какіе признаки этихъ погибшихъ красотъ. Западный берегъ *Ухть*—острова выдѣлялся большимъ рукавомъ, нынѣ прозываемымъ *Богоявленкою*, а у древней Чуди его вѣроятнѣйшее имя было „*Вашкаранда*“. Живописными утесами смотрѣлись въ водную синеву береговые выступы и оконечности *Ухть*-острова, съ упиравшимися въ небеса гигантскими соснами, о коихъ напоминаетъ нынѣ однимъ своимъ этимъ прозвищемъ только лишь деревня *Боръ*. Все исчезло, уничтожилось... Лѣвый берегъ *Вашкаранды* былъ тоже высокъ; точно боевой валъ подымался онъ надъ разстилавшеюся за нимъ равниною, и былъ покрытъ непроницаемою чащею чернолѣсья, причудливо сбѣгавшаго до самой воды; только южная оконечность его съ береговою высью была одѣта хвойнымъ лѣсомъ, да въ сѣверномъ концѣ пересѣкала ровною стѣною, какъ разъ поперекъ, неширокая, но почти непролазная еловая роща.

Древнее начало *Вашкаранды* совпадало съ выходомъ еще двухъ рукавовъ неподалеку отъ *Вавчуги*, которые начинались изъ общей лагуны въ лѣвомъ двинскомъ берегу. Одинъ направлялся прямо къ западу, идя верстъ 15, и затѣмъ дѣлалъ колѣно къ сѣверу на 9 верстъ и здѣсь круто сворачивалъ къ востоку; другой шелъ десять верстъ къ сѣверо-западу, изгибался тутъ дугою верстахъ на двухъ, соединялся съ первымъ рукавомъ близъ нынѣшняго нижняго конца города *Холмогоръ*, и общею рѣкою, идя на востокъ, впадалъ обратно въ Двину, у сѣверной оконечности *Ухть*-острова. Оба эти рукава въ начальной половинѣ именовались Чудью обшимъ именемъ *Куръ*, а рѣка изъ нихъ выходившая у *Холмогоръ*, нынѣшняя *Холмогорка*, въ древности носила чудское имя *Падра*. Первымъ изъ двухъ развѣтлявшихся рукавовъ, нынѣшняго *Быстро-*

куркою, опредѣлялась южная граница долины *Ломоносова*, составлявшая въ старину материковую полосу, покрытую густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Эта полоса продолжалась и по изгибу *Быстрокурки*, который нынѣ зовется *Матигоркою*. Отдѣляясь особенно высокими крутизнами и холмами, въ былые времена *Матигоры*, какъ именуется западная окраина долины *Ломоносова*, представляли изъ себя чудную картину высокихъ холмовъ, покрытыхъ борами, и глубокихъ овраговъ, скрывавшихся подъ пестрою смѣсью разнороднаго лѣса. На восточной сторонѣ *Матигоры* рѣка отличаются своимъ правильнымъ, очень живописнымъ очертаніемъ, вдругъ сбѣгающихъ въ долину высоту, послѣ которыхъ къ востоку разстилась гладкая, покрытая чернолѣсьемъ, равнина, широкою площадью своею примыкавшая къ *Падрѣ* до впаденія въ нее рѣчки *Куръи*. Эта рѣчка, сохранившая чудское имя, очень рѣзко отдѣляетъ равнину своимъ впаденіемъ съ лѣвой стороны *Падры*, потому что далѣе къ востоку опять повторяется точнѣйшая картина *Матигоръ* въ мѣстности, именуемой нынѣ *Курейскою*. Такова сѣверная окраина *Холмогоръ*. Недалеко отъ соединенія *Быстрокурки* съ другимъ рукавомъ, которому теперь укажемъ современное названіе „*Курополка*“, въ древности выдѣлялось плоское, возвышенное, съ небольшими холмиками мѣстечко, похожее на островъ, занятое особю лѣсною рощею, точно оазисъ въ пустынѣ; Чудь именовала его „*Кольмъ*“. Здѣсь впоследствии возникъ *Холмогорскій* посадъ, позднѣе превратившійся въ уѣздный городъ.

Между *Быстрокуркою* и *Курополкою* лежитъ большой продолговатый островъ *Наль*. Имя это чисто чудское; означаема имъ площадь и теперь сохранила много напоминаній о бывшей красотѣ долины *Ломоносова*. Восточная оконечность острова, высокимъ мысомъ раздѣлявшая лагуну, вся когда-то гордилась чудною славною рощею, которая съ высоты обрыва восхитительно обрисовывалась, точно висѣвшая падь лагуною. Затѣмъ, весь *Быстрокурскій* край былъ обведенъ неширокою, но очень густою каймою изъ хвойнаго лѣса, а *матигорская* сторона высилась темными борами. Берегъ *Курополки* скрывался подъ листовою чернолѣсья, а внутри по всему острову серебрились обширные озера, искрились ручьи

и проливы, обрамленные такою чащею лиственныхъ пороѣвъ, сквозь которую ельняки проникали свободно свѣтъ и въ зимнюю пору. Нынѣ Нальостровъ превратился въ сѣнокосный районъ, а о бывшихъ лѣсахъ напоминаютъ только жиденькіе ельнички, да рѣдкіе кусты.

Другой островной районъ, вдвое большій, составляетъ мѣсто, огибаемое Курополкою и Падрою. Здѣсь выдѣляются три участка, въ древности особенно близкіе къ типу острововъ. Первый, въ западной излучинѣ Курополки, сохранившій чудское имя *Куръ*, второй—въ юго-восточномъ углу, называвшійся у Чуди *Ровдъ*, и третій въ сѣверо-восточной окраинѣ, извѣстный съ чудскимъ прозвищемъ *Юрмола*. Куръ-островъ былъ правильнымъ, цѣлостнымъ высокимъ круглымъ холмомъ въ 2½ версты діаметра. Точно громадный куполь, одѣтый хвойнымъ лѣсомъ, высился онъ надъ Курополкою и проливомъ, отдѣлявшимъ его съ восточной и сѣверной стороны. Этотъ проливъ, нынѣ превратившійся въ цѣпь озеръ, рѣзко выдѣлялъ разстилавшуюся за нимъ низину, испещренную продолговатыми узкими озерами, лежавшими параллельно другъ другу. Точно въ гротахъ укрывались эти озера подъ нависшими вѣтвями чернолѣся, которое здѣсь отличалось необыкновеннымъ ростомъ.

Таковою была древняя Юрмола, нынѣ переродившаяся въ гладкіе сѣнокосы; ее ограничивали тогда съ востока Вашкаранда, съ сѣвера ельничъ на берегу Падры, а съ юга-полуокруглый проливъ изъ Курополки въ Двину—теперь Петачевъ ручей. За этимъ проливомъ рѣзко начиналась высокая холмистая, изрытая оврагами площадь, образуемая угломъ разьединенія Вашкаранды и Курополки. Здѣсь повторялась вся картина Матигоръ и Куръ;—это—нынѣшняя Ровдина съ Залывемъ, а въ древности чудской островъ *Ровдъ*, покрытый чуднымъ боромъ, отъ котораго теперь не осталось ничего, кромѣ одиноко уцѣлѣвшихъ порослей мелкой березы на западномъ скатѣ, да жалкавъ признаковъ какого-то ельничка.

Въ сѣдой древности Куръ-островъ укрывался громаднымъ мрачнымъ ельничкомъ, который сохранилъ по себѣ очень глубокую историческую память. Старожилы помнили его въ видѣ небольшой рощи на плоскомъ пригоркѣ, живописно выдѣлявшимся между двумя продолгова-

тыми озерами по сѣверную сторону куростровскаго возвышенія. Прежде здѣсь огибала Курополка, но теперь она далеко лежитъ отъ него къ западу. Еще въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія тутъ была положительно непроходимая чаща, около полуверсты длины при двадцати саженьяхъ ширины, съ деревьями гигантской высоты и въ два—три обхвата толщиной; но теперь сохранились только кое гдѣ разбросанныя молодыя тонкія ели, да догнивающіе пни вырубленныхъ великановъ. Во времена господствовавшей здѣсь Чуди этотъ ельничъ былъ съ версту ширины и тянулся полосою по всему правому берегу Падры до Двины; затѣмъ переходилъ на курейскую сторону и, держась лѣваго берега Двины, достигалъ до нынѣшней Уемской волости. Народное преданіе указываетъ въ Косковскомъ и Уемскомъ ельничкахъ остатки когда-то цѣлостной лѣсной полосы, имѣвшей 60 верстъ длины. Между Куростровскимъ ельничкомъ и куростровскою возвышенностью лежала гладкая равнина. Она составляла чудское кладбище, а возлѣ въ глубинѣ мрачнаго ельничка имѣлось открытое капище съ идоломъ Юмоллы.

Вотъ общія очертанія родины Ломоносова древнѣйшихъ временъ. Можетъ быть и сухимъ и безсодержательнымъ покажется этотъ набросокъ, но его значеніе откроется впереди, когда послѣдуетъ рѣчь о Заволоцкой Чуди, которая исключительно централизовалась именно въ Куръ-островѣ и его окрестностяхъ. Ея домашній бытъ, общественное устройство зависѣли отъ избранной ею мѣстности.

Народныя преданія приписываютъ каждому острову или болѣе значительному участку холмогорскаго пригороднаго округа свои особыя назначенія, съ какими они бывали пользованіи у чудскихъ поколѣній. Отсюда естественно перейти и къ тому, какъ доисторическая Чудь умѣла цѣнить природу, какіе слѣды оставляли во впечатлѣніи дикарей чудныя картины первобытныхъ красотъ родины Ломоносова, что могла извлечь полудикая Чудь изъ неисчерпаемыхъ естественныхъ богатствъ Холмогорскаго округа и насколько значительнымъ для нея были всѣ удобства описываемаго края.

Давно, очень давно, когда еще ни одна человѣческая нога не переступила въ область древняго Двинскаго Заволочья, въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ находи-

лись финскія племена, населявшія побережья Финскаго и Ботническаго заливовъ и простиравшіяся далѣе къ сѣверу. Избытокъ этой народности съ незапамятныхъ поръ пробивалъ себѣ дорогу въ необъятный просторъ нашего роднаго Сѣвера. И вотъ, говоритъ одно преданіе, въ ту область, гдѣ теперь городъ Холмогоры и его предмѣстья, пришелъ полудикій *чудинъ* именемъ *Курь**) съ нимъ его *мать* и, вѣроятно, жена да кое-кто изъ своихъ родныхъ или соплеменныхъ. Очень понравилась пришельцамъ восхитительная мѣстность будущихъ Холмогоръ; все здѣсь было какъ нельзя лучше для нихъ. Цѣлая сѣть проливовъ изъ Двины и въ Двину, чудные высокіе сухіе боры на холмахъ съ открытыми видами на окрестности, множество озеръ, великолѣпнѣйшія еловые рощи и непроходимыя дебри черной сосны, мрачныя лѣсистыя овраги, травянистые острова доставляли удобнѣйшія мѣста и для звѣриной охоты, и для ловли рыбы, и для охоты на птицъ, и для мирнаго домашняго дѣла, и для защиты отъ врага. Тутъ и лѣтомъ и зимою водный просторъ открывалъ прекрасныя пути куда угодно; словомъ, чего бы ни пожелалъ себѣ полудикій сынъ природы для него вездѣ легко открывались готовые запасы. Сюда забѣгали громаднаго стада дикихъ лосей и оленей; здѣсь постоянно жили медвѣди, волки, лисы, хорьки, куницы, горностан, песцы, рыси, расомахи, бѣлки, зайцы, въ несчетномъ множествѣ; отсюда не выводились утки, гуси, лебеди, рябы, тетерева, журавли, куропатки и т. д.; рѣчки и озера кишѣли рыбою; грибовъ и ягодъ родилось необъятное множество. Въ глубокихъ ложбинахъ могли быть естественныя и удобнѣйшія загоны для ловли звѣрей, для травли лосей и оленей. Въ безчисленныхъ озерныхъ водоемахъ, въ проливахъ и заливанкахъ имѣлись великолѣпнѣйшія мѣста для ловли рыбы плетнями, вершами и просто для глушения чѣмъ попало, а ловля водяной или лѣсной птицы силками сама собою напрашивалась въ руки какому угодно дикарю, какъ легчайшее занятіе. Въ песчаныхъ береговыхъ обрывахъ, на склонахъ холмовъ, на краю овраговъ и вообще въ мягкомъ сухомъ грунтѣ Холмогорскаго округа для первобытныхъ поселенцевъ имѣлись всѣ удобства къ соору-

*) Памятнал книга Куростровской церкви за 1887 г., листъ 4.

женію жилищъ, которыя древнѣйшая Чудь не строила изъ дерева, а выкапывала въ грунтѣ на подобіе пещеры или ямы, закрывая верхъ или входъ хворостомъ и насыпью изъ дернистой земли.

Топографическія условія Холмогоръ предоставляли дикарю множество удобствъ и для защиты отъ врага, и для нападенія на непріятеля, что было бы излишнимъ говорить особо, такъ какъ это само по себѣ раскрывается изъ сказаннаго ранѣе.

Не ужаснулся смѣлый *Курь* своего одиночества; ему такъ понравилась новая мѣстность, что рѣшился навсегда остаться тутъ, не приглашая къ себѣ никого, кромѣ немногихъ своихъ спутниковъ. И вотъ, онъ занялъ высокій круглый холмъ въ излученіи двинскаго пролива, который съ той поры вмѣстѣ съ холмомъ получилъ его имя. *Курь* жилъ съ матерью и прочими, пока не выросла его собственная семья; тогда дѣти остались при отцѣ, а ихъ бабка и тѣ, кто съ него пришли ранѣе, переселись къ западу на высокіе холмы за рѣкою Быстрокуркою, чѣмъ преданіе народное объясняетъ происхожденіе *Матигорской области*.

Занесенное въ памятную книгу Куростровской церкви ²⁾ преданіе говоритъ, что *Курь* имѣлъ двухъ сыновей—*Ухта* и *Чуха* и дочь *Курью*, кои своимъ потомствомъ населили Ухтъ островъ, Чухченему, Курью--смежные съ Куростровомъ. Но если обратиться къ авторитетному изысканію Ефименка ³⁾, который нашелъ переводное значеніе многихъ чудскихъ словъ, то послѣдуетъ почти необходимый выводъ, что *Курь* имѣлъ не двухъ, а по крайней мѣрѣ четырехъ сыновей. Именно, *Ухтъ* значитъ—первый;—возлѣ *Курь*—острова есть *Наль*—островъ,—это будетъ четвертый, гдѣ же второй *Кактъ* или *Какси*, и гдѣ третій—*Кольме*? Ефименко отказывается дать опредѣленіе *Какта*, но мнѣ недавно представилось возможнымъ читать выдержки изъ древнихъ двинскихъ грамотъ и купчихъ крѣпостей, гдѣ между прочимъ Косковская гора называлась *Касковой* горою.

На противоположномъ двинскомъ берегу высится извѣстный Коско-

²⁾ За 1887 годъ, листъ 4-й.

³⁾ Заводецкая чудь. Ч. II, стр. 10-я.

горскій ельнякъ въ особомъ островномъ районѣ:—не это-ли затерявшійся *Какси* или Кактъ, откуда послѣдовало измѣненное названіе или *Каксъ*—острова, или *Касковой* горы, а потомъ и *Косковой*. Пусть же теперь третьимъ сыномъ будетъ *Чухъ*, а относительно имени *Кольме* придется вести совсѣмъ уже особое сужденіе, не относящееся къ этой области. Итакъ Куръ, что значить журавль, имѣлъ четырехъ сыновей и дочь, сверхъ того мать, отъ которыхъ вблизи его возникли первоначально семейства, а тамъ и цѣлыя поколѣнія, занявшія Куръ-островъ, Наль-островъ, Косковую гору, и Косковскій ельнякъ, Ухтъ—островъ, Чухченемскій берегъ Двины, Матигоры, Курью.

Благодаря особымъ жизненнымъ удобствамъ, и болѣе тому, что здѣсь чудское племя никогда не подвергалось истребленію, какъ случалось въ сосѣднихъ областяхъ, никогда оно отсюда никѣмъ не было вытѣсняемо, не вело войнъ, держалось осѣлой трудовой жизни,—будущій Холмогорскій округъ быстро наполнился населеніемъ, которое, разраслось въ цѣлый независимый могучій полудикій народъ—*Чудъ Заволоцкую*. Онъ такъ обособился среди соплеменниковъ и отдѣльнымъ укладомъ жизни, и замѣтнымъ повышеніемъ въ умственномъ развитіи, и виднымъ авторитетомъ въ области религіознаго культа, что безъ всякой борьбы занялъ вѣское передовое мѣсто, и распространивъ свои предѣлы по всему Двинскому побережью отъ пизовьевъ и кончая Вагою рѣкою, представлялъ собою столь внушительную силу, помѣряться съ которою не дерзала даже и безчисленная по тому времени дикая Югра. Но въ первоначальной стадіи развитія Заволоцкая Чудь очень нуждалась въ естественномъ прикрытіи среди своихъ холмовъ и острововъ, потому что при явной малочисленности, кромѣ каменныхъ орудій ничего не имѣла подъ рукою для самозащиты въ случаѣ войны. Можно себѣ представить, что могли значить тѣ каменные стрѣлы, топоры, ножи, которые можемъ видѣть въ Архангельскомъ музее? Едва-ли не эта безпомощность работала у Заволоцкой Чуди ту удивительную хитрость, про которую въ народной массѣ циркулируютъ всякіе рассказы, не эта ли нужда побуждала малочисленное племя жить, напрягая всѣ

свои силы въ борьбѣ за самосохраненіе, не она-ли закалила ихъ организмъ въ такую мощную натуру, что среди народа и теперь дивятся повѣстямъ о богатырской силѣ Заволоцкой Чуди, и эти повѣсти, надобно предпологать, имѣютъ долю правды.

Такъ, на примѣръ, преданія указываютъ на богатырскій ростъ и силу древней Чуди и приписываютъ ей способность разговаривать другъ съ другомъ на громадныхъ разстояніяхъ:—изъ Курострова въ Матигоры, въ Ухтъ-островъ, оттуда въ Чухченему. На умственную силу доисторической Чуди нѣтъ прямыхъ указаний въ народной молвѣ, за то могутъ достаточно говорить уже болѣе основательныя даты, чѣмъ преданія, что Заволоцкая Чудь первоначально заявляла себя человѣческими идольными жертвоприношеніями, свирѣпою жестокостію къ врагамъ, неумѣніемъ изобрѣсти болѣе лучшія приспособленія для домашней жизни и труда, но съ другой стороны нигдѣ не видно, что-бъ она же имѣла симпатію къ бродячей жизни, или не позволяла открытыхъ соотношеній съ другими народами, или не имѣла въ себѣ задатковъ къ скорому усвоенію началъ культуръ, не видно въ ней завоевательныхъ, стремлѣній, но за то имѣются свидѣтельства, намекающія на ея особія стремленія къ лучшему общественному благоустройству, что потомъ и придало ей чрезвычайную устойчивость и широкую извѣстность.

Внѣшній видъ доисторической Чуди, по народнымъ сказаніямъ, обрисовывается вообще, какъ типъ жестокаго дикаря; въ частности Г. Тышинскимъ⁴⁾ изъ преданій, было дознано, что Холмогорская Чудь имѣла темный цвѣтъ кожи, черные волосы и глаза; контуры лица, вѣроятно, сближались нѣсколько съ самоѣдскимъ типомъ, выдающимся скулами и небольшимъ носомъ, что мнѣ представляется на основаніи видѣнныхъ мною лицъ, происхожденіе которыхъ, по преданію, признается чудскимъ; кстатіи ростъ этихъ людей я наблюдалъ выше средняго.

Ясно, какъ не подходитъ къ Заволоцкой Чуди прозвище *бѣлоглазая*, каковое г. Ефименко относитъ лишь къ Чуди Обонежской и собственно Финской. Онъ самъ пишетъ по поводу этого, какъ ему особенно бросался на видъ среди холмо-

⁴⁾ Ефименко. Заволоцкая Чудь. Часть II, 133, 134.

горскихъ крестьянъ рѣзко отличае­мый типъ: глаза темнокаріе, волосы черные, иногда—какъ смоль, смуглый цвѣтъ лица и притомъ обыкновенно низкій ростъ. Это типъ, безъ сомнѣнія, потомковъ Чудъ⁵⁾. Здѣсь только относительно роста вѣроятныхъ чудскихъ потомковъ возникаетъ недоумѣніе, которое, впрочемъ, едва ли можетъ много смущать, такъ какъ финское происхожденіе чудскихъ племенъ вообще не говорить въ пользу могучаго роста и лишь Чудь Заволоцкая сама по себѣ могла попасть, какъ случайное исключеніе, въ особыя условія, которыя, однако, не вошли въ положительный законъ для потомства: первоначальная природа финновъ имѣетъ больше правъ и значенія

Относительно домашней жизни, какую древнѣйшая Чудь могла проявить, ничего опредѣленнаго не говорятъ ни преданія, ни какія либо изысканія археологовъ. Только по аналогіи съ тѣмъ, что отыска­но наукою изъ области каменнаго вѣка, да сообразуясь съ общими условіями жизни нашего Сѣвера, возможно состави­ть приблизительную, вѣроятную картину, но здѣсь едва-ли нужно воспроиз­водить ее, такъ какъ она посильна каж­дому даже поверхностно знакомому или съ исторіей культуры, или просто вообще съ исторіей древнихъ временъ человѣчества.

Что касается общественнаго быта За­волоцкой Чули, то, по видимому, до начала

⁵⁾ Тамъ-же.

историческихъ временъ онъ составлялъ патриархальную систему. Старшій въ родѣ былъ и вождемъ, и судьей, и жрецомъ. Относительно религіознаго культа здѣсь бѣгло упоминаемъ, что Заволоцкая Чудь приняла и хранила всецѣло финскій культъ Юма или Юмаллы, причемъ обряды его совершались Чудью, главнымъ, образомъ во мракѣ Куростровскаго ельника, и можетъ быть, еще въ предѣлахъ Ухто­стровской Юремолы.

Все, что еще можетъ дать мѣсто како­му-либо взгляду въ закрытую вѣками область минувшаго для Заволоцкой Чули, уже остается, такъ сказать между стро­ками тѣхъ сообщеній, какимъ надлежитъ освѣщать начало исторической извѣстности родины Ломоносова; а теперь пред­лагая закончить все вышеизложенное, не забудемъ принять во вниманіе, что дол­жно быть, очень большое значеніе и очень серьезную историческую роль выпол­нила Заволоцкая Чудь на нашемъ родномъ Сѣверѣ, когда мѣстное населеніе даже поименно указываетъ знамени­тыхъ ея родоначальниковъ, когда оно, какъ увидимъ далѣе, знаетъ подробности и чудскаго культа и его судьбы, знаетъ почти всю картину жизни, въ современ­ной началу Руси старинѣ, такого уголка, какъ нынѣшніе Холмогоры, значеніе ко­торыхъ только уже въ имени родины Ломоносова.

Родика Ломоносова.

(въ началѣ своей исторической извѣстности).

Въ глубочайшей мракъ давности сокрылись тѣ времена, когда отдѣльные финскіе выходцы, занявъ Двинскую рѣчную систему, распространили здѣсь множество мелкихъ поколѣній, составившихъ впоследствии отдѣльный народъ *Чудь Заволоцкую*. Въ совершеннѣйшей тайнѣ осталось происхожденіе и другихъ чудскихъ племенъ древней Біарміи, извѣстно лишь, что ихъ было много и нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, Югра, отличались широкою численностью и занимали соотвѣтственно великія области. Но несмотря на свой массовый ростъ, Сѣверная Чудь платила дань Великому Новгороду. Начало этого данничества, вѣроятно, относится даже къ тому времени, когда новгородскіе славяне только впервые еще пытали свои силы, и когда они, не надѣясь совладѣть съ ближайшими соплеменниками, рѣшили двинуть свои завоеванія на сѣверъ, чтобъ съ меньшимъ пролитіемъ крови достигнуть намѣченныхъ выгодъ. И дѣйствительно,—на ихъ пути разрозненныя племена Сѣверной Чуди мало оказывали сопротивленія, потому что нѣкоторыя были менѣе воинственны новгородцевъ, а другіе и совсѣмъ не мѣшали вторженію новгородскаго владычества. Впрочемъ, независимо отъ всякихъ предположеній, будемъ усматривать въ отношеніи къ Заволоцкой Чуди лишь такой фактъ, который дѣлаетъ ее впервые *исторически извѣстною*. Преподобный лѣтописецъ Несторъ, перечисляя имена народовъ, платившихъ дань русамъ, между другими многими упоминаемъ *Чудь, Вель, Мерю, Мурому, Пермь и Печеру*. Этотъ перечень вводится имъ въ связь съ повѣствованіемъ о началѣ Руси. Затѣмъ самимъ же Несторомъ—подъ 1096-мъ годомъ и другими лѣтописцами подъ 1032 мъ вносится сообщеніе о данничествѣ Печеры новгородцамъ. Подъ 1078-мъ годомъ преподобный Несторъ говоритъ:—*въ се же лѣто убиенъ бысть Глѣбъ сынъ Святослава въ Заволочѣи*“. Извѣстный Крестининъ отсюда предполагаетъ, что новгородскіе славяне еще до призванія князей владѣли нашимъ Сѣверомъ, а двинской лѣтописецъ прямо говоритъ, что жители *Заволочья* зависѣли отъ новгородскихъ славянъ, и будто бы были крещены одновременно со славянами; съ первымъ положеніемъ соглашается и нашъ историкъ Карамзинъ, но для того, чтобы окончательно получить искомое, всего лучше обратиться къ услугамъ П. Ефименко, очень много потрудившагося въ изысканіи матеріаловъ древнѣйшей исторіи нашего роднаго Сѣвера. Въ своей книгѣ *Заволоцкая Чудь* онъ со всестороннею полнотою разбираетъ вопросы о происхожденіи, бытѣ, языкѣ, религіи древнѣйшихъ обитателей Двинскихъ береговъ и приводитъ мно

жество ученыхъ мнѣній и замѣтокъ авторитетнѣйшихъ умовъ. Для краткости и ясности слова мы выберемъ въ трудѣ Ефименко лишь послѣднiе заключительные выводы, полученные имъ изъ его, выдержавшихъ критику, ученыхъ изслѣдованiй. Онъ говоритъ, что въ доисторическiя времена обитала на родинѣ Ломоносова именно та *Заволоцкая Чудь*, о которой и свидѣтельствовалъ Несторъ (ч. II, стр. 19.). Это было особое племя финскаго происхожденiя, отличавшееся отъ другихъ племенъ, ему родственныхъ—строгаю осѣдлостью, порядкомъ самоуправленiя, лучшимъ умственнымъ развитiемъ, славнѣйшимъ столичнымъ городомъ, международною торговлею; а главное особю святынею своего языческаго культа. Эта Заволоцкая Чудь отличена лѣтописцемъ Несторомъ отъ Чуди Варяжской, она не можетъ быть смѣшана ни съ Чудью Югорскою, ни съ Печорскою, кои занимали всегда свои строго опредѣленныя границы и имѣли свою особую исторiю; она никоимъ образомъ не отождествляется съ Кореляками, Лопарями, Зырянами, которые хотя и обитали на Сѣверѣ, но тоже совершенно особнякомъ, какъ и Чудь Югорская Печорская или еще Чудь-Обонежская, Пермская, Вотяцкая, и собственно Финская (ч. II, 18—20.). Упоминаемое Несторомъ *Заволочье*, гдѣ обитала подчиненная новгородцамъ Чудь, есть древнѣйшее наименованiе всего округа, по которому пролегла Сѣверная Двина и ея притоки. По Ефименку это наименованiе слѣдуетъ производить отъ слова *волокъ*, коимъ даже и теперь еще опредѣляется пространство между сухододными рѣками, или же *заволоченное*, т. е. покрытое лѣсами мѣсто. *Волокъ* въ первомъ смыслѣ приложимъ тамъ, гдѣ надобно имѣть въ виду незначительный переходъ отъ одной рѣки къ другой, такой, по коему доступно перетащить съ собою и ладью; но второе значенiе этого слова безусловно ближе къ разъясненiю понятiй о Двинскомъ Заволочѣ, какъ глухой лѣсистой области, занявшей очень обширную площадь по всей Сѣверо-Двинской системѣ въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губернии (ч. II, 33, 34).

Какъ отдѣльный народъ, Заволоцкая Чудь обладала своимъ самобытнымъ нарѣчiемъ, которое впоследствии утратилось; но во всякомъ случаѣ этотъ языкъ какъ бы ни былъ независимъ, однако же близокъ къ финскому, и хороший знатокъ послѣдняго легко найдетъ сходство. Множеству чудскихъ названiй рѣкъ, болотъ, озеръ, урочищъ, деревень и другихъ предметовъ г. Ефименко въ своемъ трудѣ сообщалъ столь детальныя опредѣленiя, что этимъ положительно увѣрять въ своихъ заключенiяхъ о финскомъ происхожденiи древнѣйшей Сѣверной Чуди и въ то же время о ея исторической обособленности съ характерными признаками, ей только присущими.

Теперь займемся другими датами, подтверждающими то же самое. Въ Исторiи Карамзина (т. II, прим. 62-е) указывается, а затѣмъ въ другихъ изслѣдованiяхъ и въ широко распространенномъ народномъ преданiи повторяется, что „въ началѣ XI вѣка на берегахъ Двины былъ *торговый городъ Биармiя*, въ который лѣтомъ съѣзжались купцы изъ Скандинавiи на славную ярмарку и покупали мѣха. Здѣсь же находилось богатое кладбище... и истуканъ бога Юмаллы или Юмаллы“.—Мѣстомъ находенiя знаменитаго *торговаго города Биармiи*, можно сказать, *ея столицы*—преданiе указываетъ нынѣшнiе *Холмогоры*, а чудское кладбище опредѣляетъ въ Куростровскомъ ельникѣ. ¹⁾ Ефименко пишетъ: „нынѣшнiе Холмогоры не были посадскимъ городомъ въ XI вѣкѣ, что подтверждается пребы-

¹⁾ Памятная книга Куростровской церкви.

ваніемъ посадниковъ въ Матигорахъ и Ухтоостровѣ. Мѣстный историкъ Крестининъ признаетъ существованіе первоначально трехъ чудскихъ поселковъ—Курцева, Качковки, Падрокурьи тамъ, гдѣ затѣмъ образовался Холмогорскій посадъ. Здѣсь имѣли постоянное пребываніе являвшіеся въ Заволочье новгородскіе купцы, именно здѣсь, какъ въ мѣстности наиболѣе всего удобной для торговыхъ сношеній съ иностранцами и внутреннимъ населеніемъ. Такая торговля велась со времени древней Чуди, что подтверждаетъ и Карамзинъ. Имя Курцево составляетъ часть города Холмогоръ“ (ч. II, стр. 8), а Падера уже не населится, лежавшій близъ ея *Ивань-погостъ*, впоследствии Ивановскій посадъ, уже спесенъ волнами Холмогорки, Качковка же до сихъ поръ почему-то не опредѣляется. „Наименованіе *Холмогоры*,—продолжаетъ сообщать Ефименко,—встрѣчается въ письменныхъ документахъ лишь съ XIV-го вѣка. Однако это не даетъ основаній думать, что имя *Холмогоры*, будучи средневѣковымъ прозвищемъ всей вообще родины Ломоносова, произошло будто бы отъ *холмы и горы*“.—„Слово Холмогоры имѣетъ чудское происхожденіе, оно могло существовать даже ранѣе названій Курцева, Качковки, Падрокурьи, и *вполнѣ современно славному чудскому городу Біарми*“. Оно, быть можетъ, опередило самое начало этого города, такъ какъ подъ именемъ Холмогоръ была извѣстна та самая часть острова между Матигорами и рѣкою Курьей, которая какъ разъ прилежала къ знаменитому чудскому кладбищу, находившемуся въ Куростровскомъ ельникѣ, близость коего къ славному городу Біарми очень ясно опредѣляла сказанія древнихъ скандинавовъ и свидѣтельство исландскаго лѣтописца Штурлсона.—„Почему именно названіе Холмогоръ стало извѣстно лишь съ XIV столѣтія,—пишетъ Ефименко,—не трудно опредѣлить изъ того, что до той поры пребываніе новгородскихъ посадниковъ, заправлявшихъ Холмогорскимъ краемъ, было не въ самыхъ Холмогорахъ, а въ Матигорахъ и Ухтоостровѣ (ч. II, стр. 9)“. Затѣмъ, *доруское происхожденіе* названія Холмогоры можно доказывать и свидѣтельствомъ, получаемымъ изъ названій мѣстностей, ближайшихъ къ Холмогорамъ, кои мы уже имѣли возможность видѣть. Среди нихъ предвѣренно осталось безъ разъясненія нами наименованіе третьяго острова въ Холмогорскомъ районѣ. Этотъ островъ, въ соответствии съчетовому порядку, долженствовалъ носить наименованіе *Кольме* или *Кольмъ*. Держа предположеній г. Ефименко, отъ этого имъ найденнаго слова и надлежитъ искать начальное имя *Колмогоры*, употреблявшееся въ старинныхъ документахъ и всегда циркулирующее въ простородѣ. Съ большею вѣроятностью имя *Кольмъ*—острова можно производить отъ *Кольмы*, божества могилъ древнихъ финновъ или божества знаменитаго Біармійскаго некрополя. Теперь является довольно естественнымъ, что селенія Курцево, Качковка, Падрокурья, предшествовавшія Холмогорскому посаду, хотя носили и различныя названія, но какъ имѣвшія мѣстопахожденіе именно въ *Кольмъ-островѣ*, то могли съ незапамятныхъ поръ носить общее чудское нами искомое названіе *Колмогорье*. Большую вѣроятность этому выводу придаетъ еще и тотъ наглядный фактъ, что въ Архангельской губернии есть много мѣстъ, получившихъ себѣ имя отъ чудскаго—*Кольме*; напримѣръ, *Колмогорская* деревня въ Мезенскомъ уѣздѣ, гора *Колмогорка* въ первой Чевакинской деревнѣ Вознесенской волости Архангельскаго уѣзда, *Колморучей* въ Нюхотской волости Кемскаго уѣзда. Мѣстопахожденіе *Кольмъ-острова* среди значительнаго населенія, такъ же говорить въ пользу

торговаго города на островѣ. Впрочемъ, чудскій городъ могъ быть и въ Курь-островѣ, вблизи ельника, но это не далѣе версты отъ острова Кольме, значитъ, въ тѣхъ же Холмогорахъ. Словомъ, если отвергать существованіе славнаго столичнаго города Биарміи въ предѣлахъ родины Ломоносова, то надобно противопоставить другую мѣстность на Двинѣ, гдѣ бы могъ быть подобнаго рода городъ, но для этого нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ (ч. II, стр. 10—12). Если же отъ цѣлаго города и не осталось никакихъ до насъ сохранившихся слѣдовъ, то это очень естественно объясняется отсутствіемъ культуры у полудикой Чуди, которая домовъ не строила, а только—шалаша и землянки; однако чудской некрополь довольно ясно можетъ быть указанъ и поэтому едва ли не вполне достаточно и одного того, что древній славный городъ Биарміи былъ въ непосредственной съ нимъ смежности или въ Кольмъ-островѣ, или въ Курь-островѣ, а лучше всего сказать, что массовое чудское населеніе равно имѣлось и въ томъ и другомъ пунктѣ, содержа въ центрѣ своего мѣстопахожденія знаменитѣйшей некрополь съ капищемъ Юмаллы. Для прѣзжаго торговаго люда пынѣшніе Холмогоры, вѣроятно, казались удобнѣе, такъ какъ къ нимъ можно было прежде всего прѣхать съ Двины, въ Курьостровъ же требовался нѣкоторый лишній объѣздъ. Затѣмъ, едва ли полудикая Чудь могла такъ довѣряться чужеземцамъ, чтобъ пустить ихъ въ предѣлы некрополя и въ непосредственную близость къ высшей степени священному божеству,—вѣроятнѣе она удалала отсюда всѣхъ чѣмъ либо подозрительныхъ прѣѣзжихъ и самыя подходящія для торговли мѣста были въ Кольмъ-островѣ, Падерѣ, Качковкѣ, Курцевѣ, на противоположной некрополю сторонѣ рѣки Падры, т. е. пынѣшней Холмогорки.

Осѣдло жившая на берегахъ Двины и ея притоковъ Заволоцкая Чудь имѣла вокругъ своей столицы помимо тѣхъ населенныхъ мѣстъ, что перечислялись ранѣе, еще и особые *городки* въ смыслѣ крѣпостей и *погосты*, т. е. деревни, какъ и значитъ это слово по переводу съ языка древней финской Югры. *Городки* же Заволоцкой Чуди, пишетъ Ефименко, часто упоминаемые въ лѣтописяхъ, суть ничто иное, какъ *городища*, или укрѣпленныя мѣста, въ которыхъ укрывалась древняя Чудь при нападеніяхъ новгородцевъ. Городища эти расположены по большей части на возвышенныхъ мѣстахъ, при слияніи двухъ рѣкъ и состоятъ изъ земляныхъ валовъ. Онѣ такъ тишины, что даже простой народъ различаетъ ихъ отъ новгородскихъ остроговъ, и часто, гдѣ встрѣчаются два городища въ недалекомъ разстояніи одно отъ другого, то указываютъ, которое изъ нихъ чудское и которое новгородское. Крестининъ, приводя изъ Двинскаго лѣтописца одно мѣсто, гдѣ говорилось, что въ 1471-мъ году полки великаго князя Московскаго, одолевъ Двинянь и Заволочанъ,—*градки ихъ взяша*, указываетъ на городища, къ которымъ могли бы относиться эти слова,—именно—въ г. Холмогорахъ (гдѣ пынѣ соборная церковь), въ Вавчугѣ, на одномъ изъ острововъ Вавчужскаго озера, и въ Орлецахъ (ч. II, стр. 126, 127.). Изъ чудскихъ *погостовъ*, когда то существовавшихъ на родинѣ Ломоносова, нынѣ стали деревнями—*Вашкаринская* въ Ухтоостровѣ, *Ровдинская* на берегу Курь-полки при впаденіи ея въ Двину. Въ Паль-островѣ былъ когда-то населенъ уже исчезнувшій *Чудиновъ-Наволокъ* и тамъ же *Принемъ* (чертовъ носъ)—тоже нынѣ сметенный рѣкою.

Теперь, при общемъ взглядѣ на родину Ломоносова, когда она только-что начинала быть исторически извѣстною, получается такая кар-

тина. На чертѣ города Холмогорь, гдѣ теперь соборный храмъ, была чудская крѣпостца, отъ нея къ востоку разбрасывался по берегу Падры верстахъ на трехъ славный чудскій столичный торговый городъ Біарміи *Кольме*. Отъ него на югъ по другую сторону рѣки Падры высился Куростровскій ельникъ съ капищемъ и идоломъ Юмаллы; возлѣ ельника къ югу разстилался чудскій некрополь и рядомъ высился покрытый лѣсомъ издревле населенный Куростровъ. Вокругъ лежали густо заселенныя:—Матигоры, Курья, Ухтосторовъ, Косковскій ельникъ, Чухченема, возлѣ, выросшій вновь *Вавчурскій* городокъ, а ближе къ Курострову, Ровдина (железная гора) и Паль-островъ. Преданія народныя категорически подтверждаютъ все это, какъ достовѣрный фактъ, въ подтвержденіе котораго еще отыщутся достаточные документы.

По историческимъ свидѣтельствамъ и преданію мы уже неоднократно видѣли, что религія древней Заволоцкой Чуди состояла въ почитаніи верховнаго бога *Юмаллы*; ему поклонялись всѣ язычествующіе финны. Юмаллѣ приписывалась чисто семейная жизнь: онъ имѣлъ жену и дѣтей, олицетворявшихъ главные предметы культа: наряду стояли божества незримыхъ міровъ, на примѣръ, *Кольмъ*—богъ мертвыхъ, *Пиръ*—духъ злобы, чортъ и под.; самое имя *Юмаллы* или *Юма* значитъ богъ, живущій въ небесахъ. Подробности финской міеологіи можно прочесть во многихъ и легко доступныхъ источникахъ. Болѣе серьезный интересъ, полный свѣжести и новизны, порождается народнымъ суевѣріемъ, убѣжденно признающимъ духа Скарбника, оберегающаго скрытыя въ землѣ сокровища доисторической Чуди. По поводу сего Ефименко судить такъ:—„Конечно въ послѣдней прибавкѣ нельзя не видѣть позднѣйшей міеической передѣлки, когда у здѣшняго народа почти всякій чортъ сталъ называться лѣшимъ. Но собственно *Скарбника* надобно считать прямымъ преемникомъ Юмаллы, сторожащимъ сокровища, завѣщанныя ему этимъ верховнымъ божествомъ Біарміи. Замѣчательно, что и другія холмогорскія мѣстности въ границахъ городскихъ земель народное воображеніе населяетъ тоже чертями, твердо прикрѣпленными къ опредѣленнымъ пунктамъ. Такъ, у Чертова носа, оконечности Паль-острова, подходящей къ Холмогорамъ и Куростровскому елинику, народъ помѣстилъ чорта или водяного, который имѣетъ свой дворецъ въ водоворотѣ при оконечности мыса и часто увлекаетъ къ себѣ людей. Въ олешиникѣ на рѣчкѣ Оногрѣ, близъ пожни Батьюрмолы, рядомъ съ самымъ городомъ, онъ поселилъ Оаддейку, шутиваго чорта, который потѣшается надъ людьми, заставляя ихъ блуждать по олешинику. (Этотъ же духъ пошаливаетъ точно также и близъ Курострова около ельника). Эти черти, по нашему мнѣнію, унаслѣдованы русскимъ населеніемъ отъ *шаманской Чуди*. Правда, послѣднему чорту дано крещеное имя и онъ, какъ и его собратъ—сосѣдъ, ничѣмъ почти по своему характеру не отличается отъ русскихъ чертей. Но надобно замѣтить, что духи шаманистовъ вообще имѣютъ много сходнаго съ нашими и что тѣ особенности, по которымъ можно было бы въ упомянутыхъ чертяхъ узнать чудскихъ духовъ, легко могли сгладиться съ теченіемъ многихъ вѣковъ вмѣстѣ съ обрусѣніемъ чудскаго населенія. Чудское происхожденіе холмогорскихъ чертей можно основать и на приведенныхъ выше названіяхъ мѣстностей, гдѣ они родились, возросли и доживаютъ свой вѣкъ. Въ особенности замѣчательно названіе мыса *Чортовымъ носомъ*. Это—ближайшій переводъ чудскаго *Пиринемъ*, отъ *Пиръ*—чортъ и *неми*—мышь. Въ подлинномъ это названіе сохранилось

до сихъ поръ въ Пинежскомъ уѣздѣ за однимъ селеніемъ на берегу рѣки Пинеги“ (Завол. Чудь, ч. II, 13—15).

Помимо этой замѣтки, проливающей нѣкоторый свѣтъ на имѣвшійся у Заволоцкой Чуди древній культъ и опредѣляющій господствовавшій въ ней духъ *шаманизма*, о которомъ много можно говорить, взявши образцами и понынѣ признаваемыхъ шамановъ у сибирскихъ инородцевъ, въ подтвержденіе его имѣется еще одно, довольно категоричное убѣжденіе земляковъ Ломоносова въ томъ, что древняя Заволоцкая Чудь отличалась необыкновенною хитростію, могуществомъ, славою, множествомъ богатырей, *чародѣевъ*, которые непосредственно распоряжались духами, силами видимой природы, по произволу, на примѣръ, двигали облака, наводили болѣзни, вызывали бурю, вселяли бѣсовъ куда бы ни вздумали и т. д. *Шаманы* или чародѣи, которыхъ, какъ видно по смыслу народныхъ преданій, было множество, едва ли у Заволоцкой Чуди не составляли сословіе, заправлявшее всѣми дѣлами культа. Ужели среди нихъ не существовалъ общій и почетнѣйшій глава—*верховный жрецъ*? Вѣдь этого естественно требовали и простѣйшія условія поддержанія порядка, принимая къ особому вниманію то, что Куростровскій некрополь съ капищемъ Юмаллы имѣлъ въ высшей степени широкую славу и, разумѣется, лучшимъ украшеніемъ религиозныхъ церемоній всегда былъ заслуженнѣйшій жрецъ, окружаемый могучими *шаманами*. Нельзя ли въ наименованіи *Криваго Оаддейки*, какимъ отмѣчаетъ землякъ Ломоносова лукаваго чорта, витающаго по окрестностямъ Куростровскаго ельника, видѣть нѣкоторый, хотя и темный, далекій намекъ на возможность существованія *Криве-Кривейто* или *Судію-Судей*, т. е. верховнаго жреца, подобнаго по должности и по власти тѣмъ древнимъ представителямъ языческаго культа, какими пользовались въ доисторическія времена *ульмигеры* (литовцы), населявшіе юго-восточный берегъ Балтійскаго моря. Ничего нѣтъ удивительнаго, что и у нихъ ваша Заволоцкая Чудь могла сдѣлать нѣкоторое заимствование, такъ какъ имѣла сношеніе не только съ соедными и ближайшими племенами, но даже съ далекимъ востокомъ. Эти заимствования тѣмъ болѣе являлись необходимостью, чѣмъ шире и громче становилась слава чудскаго бога Юмаллы близъ города Кольтме, короче сказать,—всякихъ улучшеній и всевозможной полноты, торжественности ритуала и т. п. найстойчиво требовалъ весь сознававшій Заволоцкою Чудью ея очень высокій по тому времени престижъ.

Шаманская вѣра въ бытіе духовъ, въ особую загробную жизнь, вѣроятно похожую на точное продолженіе земной, сказывалась въ погребеніи покойниковъ на опредѣленномъ мѣстѣ посредствомъ зарыванія въ землю вмѣстѣ съ предметами роскоши и домашняго обихода, съ деньгами, оружіемъ и провизіею. Къ сожалѣнію, это до насъ дошедшее по преданію, еще не провѣрено ни одною археологическою находкою или раскопкою. Среди обычныхъ жертвъ Юмаллѣ закалывала Чудь и людей, поджаривая на сковородахъ, но болѣе видное мѣсто имѣли денежные и другія вещественныя приношенія. Это послѣднее, какъ и шаманское суевѣріе, не осталось безъ послѣдствій въ отношеніи къ современному простонародію. Какъ въ древности Чудь приносила въ жертву идолу монеты, доходы отъ промысловъ, цѣнныя вещи, лучшія издѣлія рукъ, продукты мѣновой торговли и прочее, что находилось въ столицѣ и всей Біарміи, такъ и до сихъ поръ въ Архангельской губерніи, а въ частности на родинѣ Ломоносова, существуетъ обычай приносить въ пользу церкви деньги и

различные предметы, неимѣющіе священнаго или церковнаго значенія, какъ, напริมѣръ, полѣтна, утиральники, платки, матерію, поддержаную одежду, серьги, бусы, прядки жемчуга, ленты и т. д., а въ Шенкурскѣ овецъ, барановъ, шерсть и прочее.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Родика Ломоносова.

(въ началѣ своей исторической извѣстности).

(См. № 2-й „Извѣстій“).

При существованіи славнаго города, окруженнаго густымъ и многолюднымъ населеніемъ, древняя Чудь, обитавшая на родинѣ Ломоносова, естественно имѣла и особый порядокъ управленія. Во времена болѣе отдаленныя, управленіе старшаго въ родѣ являлось весьма законнымъ и природнымъ началомъ. На такомъ старшинствѣ бывали даже женщины, напри- мѣръ, — Курья и въ Матигорахъ — ея бабка. Но съ теченіемъ времени этотъ порядокъ для строго осѣдлаго населенія, каковымъ являлась Чудь Холмогорская, пересталъ годиться, какъ отжившій свой срокъ, и, вѣроятно, еще задолго до начала Руси, Заволоцкая Чудь объединилась подъ управленіемъ своихъ собственныхъ князей. О существованіи княжеской власти по крайней мѣрѣ надъ Чудью холмогорскаго округа настойчиво и убѣжденно говорятъ народныя преданія, коими для подтвержденія исторической правды указано и мѣсто погребенія этихъ князей. Оно было близъ Курострова, тамъ, гдѣ надлежитъ предполагать чудскій некрополь, именно на берегу Курополки къ югу, въ одной верстѣ отъ капища Юмаллы и къ сѣверо-западу отъ окраины Куростровской возвышенности въ самомъ началѣ гладкаго низменнаго луга. Иныѣ отсюда рѣка удалилась къ западу на двѣ версты, и на голой открытой полянѣ вздымается холмикъ въ формѣ правильной усѣченной четырехгранной пирами-

ды высотой въ 1 сажень, а въ длину и ширину по квадрату верхней площадки 8 аршинъ, гдѣ стоитъ на срединѣ часовня съ деревяннымъ крестомъ, воздвигнутымъ еще въ 1678 году по случаю избавленія отъ какой-то страшной эпизоотіи. Подъ этимъ именно холмомъ народная молва и указываетъ мѣсто вѣчнаго покоя *трехъ чудскихъ князей*.²⁾ Еще ничья рука не прикасалась къ тайникамъ сей реликвіи, никакой любитель древности не заглянулъ вглубь насыпи, тогда какъ даже болѣе чѣмъ нужно провѣрить хранимую народомъ исторію о дивныхъ богатствахъ чудскаго некрополя, погребенныхъ въ землю вмѣстѣ со знатными покойниками. По народному преданію, признается семейство *Чудиновыхъ* въ с. Ракульскомъ происходящимъ отъ Чудскаго князя; фамилія эта распространена въ Архангельскѣ. Ракула стоитъ на берегу Двины, сорока пятью верстами выше Холмогоръ; прежде въ ея административный округъ входила и часть родины Ломносова (Матигоры, Быстрокурье); эти Чудиновы могли быть поколѣніемъ именно Холмогорскаго *Чудина*—князька, потому что выше по Двинѣ болѣе густо населенъ былъ Чудью сперва Емецкій округъ, отстоящій отъ Холмогоръ въ сотиѣ верстѣ, ближе его тянулся лишь необитаемый сплошной лѣсной волокъ, имѣвшій только кое-гдѣ по берегу Двины зачатки небольшихъ погостовъ, къ числу которыхъ и относилась Ракула; значить съ той стороны не откуда было выйти князю въ такую пустынную дѣбрь, а изъ Холмогоръ всего скорѣе. Уже съ XI-го вѣка Заволоцкая Чудь имѣла повгородскихъ посадниковъ и подчинялась ихъ власти. Очевидно этому подчиненію имѣлось основное начало въ извѣстнаго приобрѣтенномъ опытѣ населенія уважать своихъ бывшихъ князей и видѣть въ нихъ самый вѣрный залогъ своего внутренняго покоя. Едва ли чудскіе князья могли быть проникнуты государственными стремленіями, но они вполнѣ могли удовлетворять всемъ незатѣйливымъ требованіямъ полудикихъ племенъ, охраняя ихъ отъ вѣшнихъ вражескихъ стремленій, завѣдуя дѣлами по поддержкѣ внутренняго порядка въ мирное время, и являясь вождями при завоевательныхъ движеніяхъ. Власть судейская могла не принадлежать имъ полностью, такъ какъ есть намеки на отправленіе таковой верховнымъ жрецомъ Юмаллы.

Невольно рождается вопросъ:—не могла ли имѣть Заволоцкая Чудь какое либо вліяніе на судьбу нашего отечества, когда оно готовилось обезпечить себя государственнымъ благоустройствомъ. Не видѣли-ли новгородскіе славяне изъ нагляднѣйшаго образца, представляемаго Заволоцкою Чудью, какъ въ тѣ времена было имъ полезно и необходимо твердое единовластіе! Какъ, благодаря ему, даже полудикая Чудь имѣла славный городъ, пользовалась постоянною защитой отъ нападений враговъ и наслаждалась внутреннимъ покоемъ, обративъ свое вниманіе на широчайшую торговлю. Не принимала-ли такимъ образомъ наша сѣверная Заволоцкая Чудь незамѣтное для нея, но видѣннѣе въ исторіи положеніе, давъ уроки нашимъ предкамъ—славянамъ въ образцѣ пользованія управленіемъ собственныхъ князей. Не отсюда ли вольные новгородцы первыми додумались призвать Варяго—Руссовъ на княженіе въ обширной, но разоренной безпорядками странѣ. Ничего неправдоподобнаго не можетъ заключаться въ томъ, что пѣкоторыя ученныя силы паходятъ въ призваніи князей на Русь въ 862-мъ году участіе и сѣверной Чуди, главнымъ образомъ—Заволоцкой.

²⁾ Памятная книга Куростровской церкви 1887 г. л. 4.

Заволоцкая Чудь стояла многимъ выше надъ своими соплеменниками и по развитію и по силѣ. Съ нею не могъ сравниться ни одинъ изъ народовъ нашего Русскаго Сѣвера, время началъ ихъ извѣстности. Это неоспоримо доказуемое первенство имѣло свое основаніе въ лучшемъ порядкѣ общественнаго благоустройства, затѣмъ въ условіяхъ особаго географическаго положенія, но едва-ли не ошутительнѣе того и другого оно проявляло себя въ лучшей обстановкѣ *религіознаго культа*. Здѣсь теперь и сосредоточимъ свое вниманіе, П. Ефименко (слѣдуя исторіи Карамзина т. II, пр. 62; журн. мин. вн. дѣлъ 1852 г. № 7 стр. 115—117; Финск. Вѣст. 1845 г. VI, отд. II, стр. 20) въ своей книжкѣ *Заволоцкая Чудь* пишетъ такъ:—„Въ началѣ XI вѣка на берегахъ Двины былъ торговый городъ Біарміи, въ который лѣтомъ съѣзжались купцы изъ Скандинавіи на славную ярмарку и покупали мѣха. Здѣсь же находилось богатое кладбище, потому что жители имѣли обыкновение зарывать въ могилу часть богатствъ, оставленныхъ умершимъ. Это мѣсто окружено было лѣсомъ и заборомъ, въ срединѣ стоялъ истуканъ бога Юмаллы или Юмаллы, сдѣланный весьма искусно изъ самаго лучшаго дерева; истуканъ былъ украшенъ золотомъ и драгоценными камнями, ярко озарившими всѣ окружающія мѣста. На головѣ Юмаллы блистала золотая корона съ двѣнадцатью рѣдкими камнями, ожерелье его цѣнилось въ 300 марокъ (150 фунтовъ) золота. На колѣнахъ его стояла золотая чаша, наполненная золотыми монетами,—чаша такой величины, что четыре человѣка могли напиться изъ нея досыта. Его одежда превосходила цѣною грузъ самыхъ богатѣйшихъ кораблей“. Штурлезонъ, описывая то же самое, упоминаетъ чашу *серебряную* (Карамзинъ. Исторія Россіи, ж. II, пр. 62); ученый Костренъ подтверждаетъ изложенную повѣсть народными преданіями о *покровищахъ славнаго города*. Одно изъ этихъ преданій, занесенное въ напечатанную книгу Куростровской церкви (за 1887 г. листъ 4-й), гласитъ:—„Идолъ Юмаллы былъ слитъ изъ серебра, и прикрѣпленъ къ самому большому дереву. Онъ держалъ въ рукахъ большую чашу. Чудь, приходя молиться, жертвовала въ чашу серебро и золото. Ни денегъ ни идола украсть было нельзя, потому что Чудь крѣпко берегла своего бога, постоянно около него стояли часовые, а дабы они не пропустили какихъ либо воровъ, около самаго идола были проведены пружины; кто дотронется до идола, хотя однимъ пальцемъ, сейчасъ пружины заиграютъ, зазвенятъ разнаго рода колокольчики, и тутъ не уйдешь никуда, часовые сейчасъ-же подберутъ, а окаянная Чудь поджаритъ па сковородѣ, да и принесетъ въ жертву своему идолу“. Мѣстообываніемъ такого знаменитаго идола былъ извѣстный уже *Куростровскій ельникъ*, на что указываетъ преданіе. Въ памятной книгѣ Куростровской церкви пишется:—„Еще въ недавнее время *ельникъ* этотъ былъ предметомъ многихъ суевѣрій. Говорили, что тутъ живетъ духъ *Скарбникъ*, оберегающій кладъ, оставшійся отъ Чуди. Позднѣе называли духа *Кривымъ Оаддейкомъ*, который заставлялъ людей блуждать въ рощѣ; мимо ельника, особенно въ ночное время, боялись проѣзжать и проходить, а раскольники считали его священной рощею и до 1840-го года хоронили туда покойниковъ (кн. 1887 г. л. 4). Что именно Куростровскій, а не другой какой ельникъ хранилъ въ пѣдрахъ своихъ досточтимое когда-то чудское капище Юмаллы, это свидѣлствуютъ прежде всего указанія на близость его къ славному городу Біарміи, а главное на то, что кругомъ капища разбрасывался и некрополь. Чудское

кладбище ясно опредѣляется могильнымъ холмомъ надъ тремя князьями и находкою чудскаго скелета близъ того мѣста въ 1865 году; оно какъ разъ приближается къ остаткамъ нынѣшняго ельника, а прежде входило и въ самый его районъ. Самое же мѣсто, гдѣ могъ стоять знаменитый идолъ, живописно и теперь, хотя отъ ельника осталась только жалкая тѣнь прежняго величія. Тогда же здѣсь былъ дивный уголокъ въ видѣ острокопечнаго длиннаго и высокаго мыса, со всѣхъ сторонъ окруженнаго водою, кромѣ восточной части. Вѣчный священный подавляющій мракъ царилъ подъ гигантскими елями; вѣтры и бури никогда не проникали сквозь дѣвственную чащу; невольно даже въ самую крѣпкую душу здѣсь могли исходить трепетныя чувства, и вѣроятно умѣлъ понимать и цѣнить красоты природы даже дикій Чудинъ, когда принесъ сюда своего идола и поставилъ его подъ сѣнію массивнѣйшаго ветерана этой въ то время нетронутой рощи. Съ какой поры въ Куростровскомъ ельникѣ оказался знаменитый идолъ, преданіе не говоритъ, но вѣроятно онъ нашелъ тутъ мѣсто не ранѣе знакомства Чуди или со скандинавами или повгородцами, которые и сообщили нашему Сѣверу начала своей культуры. Существуетъ въ народѣ смутная молва, что идолъ Юмаллы былъ будто бы на Ухть-островѣ, гдѣ его южная оконечность зовется *Юрмолою*, также какъ и окрестности Куростровскаго ельника, — но если тамъ идолъ и находился, то его однако ни въ коемъ случаѣ нельзя было отождествлять его достоинство съ идоломъ Куростровскаго ельника, потому что преданія и исторія признаютъ знаменитымъ лишь идола въ Чудскомъ некрополѣ близъ славнаго города Биарми. Очень возможно по связи съ этимъ допустить, что Заволоцкая Чудь могла поставить въ Куростровскомъ ельникѣ близъ своей столицы драгоценный идолъ или въ благодарность Юмаллѣ за успѣшную международную торговлю, или же въ качествѣ просительной жертвы къ успѣху въ своихъ промыслахъ. Самый же городъ былъ, вѣроятно, отъ начала его посвященъ покровителю некрополя божеству *Кольме*, и такимъ образомъ здѣсь все приобрѣло себѣ священное значеніе, на память о чемъ и осталось названіе *Юрмола* у всего прилежащаго ельнику гладкаго пространства съ сѣверо-восточной стороны Курострова. Это еще разъ и наглядно подтверждаетъ, что мѣстность, до сихъ поръ сохранившая названіе чудскаго верховнаго божества, когда-то была дѣйствительнымъ мѣстомъ и религіознаго поклоненія ему.

Въ культурномъ отношеніи древняя Заволоцкая Чудь, когда сдѣлалась уже исторически извѣстною, едва-ли много отличалось отъ кievскихъ или повгородскихъ славянъ, едва-ли она могла быть въ разрядѣ полудикарей, въ строжайшемъ смыслѣ этого слова, потому что ея развитіе далеко опередило всѣхъ остальныхъ соплеменниковъ. Прежде всего Заволоцкая Чудь жила осѣдло, имѣя столицу Кольмъ, крѣпостныя пригороды, погосты и большія поселенія. Затѣмъ, она имѣла особенно благоустроенный свой религіозный ритуаль, имѣла идольское капище, хотя и открытое, по обычному порядку и у славянъ того времени, однако имѣвшее внутри особую обстановку. Сказанія о богатствахъ идола Юмаллы, о приспособленіяхъ къ защитѣ отъ воровъ и вообще отъ дерзновенныхъ посягательствъ на святиню, сказанія о славныхъ чародѣяхъ или шаманахъ, о сокровищахъ погребаемыхъ съ умершими и посвящавшихся богамъ, все это достаточно указываетъ на знакомство нашей Чуди съ культурными началами. Далѣе, Чудь Заволоцкая имѣла князей; для защиты отъ враговъ она возводила довольно хорошіе го-

родки или крѣпостныя насыпи, открывая съ нимъ умѣлыя и правильныя дѣйствія. Въ домашнемъ обиходѣ она имѣла нѣкоторое знакомство съ хлѣбопашествомъ, чего не знали совѣмъ ея бродячіе соплеменники, практиковала солеварный промыселъ, не говоря уже о звѣриной и рыбной ловлѣ, о травлѣ лосей и оленей. Орудіями охоты и самозащиты были копыя, луки, стрѣлы, топоры, ножи; инструментами для обработки земли и возведенія крѣпостей служили заступы, лопаты, копачи (родъ кирки), все это имѣлось частью изъ кремня, частью желѣзное. О желѣзѣ древняя Чудь, вѣроятно, знала очень давно, потому что вблизи Курострова имѣла населенное мѣсто подъ названіемъ Ровдина, т. е. желѣзная гора. Пользуясь желѣзными орудіями, Заволоцкая Чудь уже мало пользовалась ямами или пещерами для жительства, но строила изъ бревенъ лачуги съ неизмѣнною въ срединѣ *каменкою*, т. е. каменною печью вродѣ той, что можно видѣть въ курныхъ баняхъ. На раскаленныхъ булыжникахъ этой каменки жарили мясо и рыбу, пекли *шеньги*, т. е. хлѣбные лепешки, эти несомнѣнные прототипы нашихъ *шанезсекъ*, здѣсь же кипятили воду и варили пищу, бросая въ бадьи или корытца съ водою и пищею накалившіеся камни. Заволоцкая Чудь съ доисторическаго еще времени имѣла очень широкую торговлю со скандинавами, англо-саксами, со всѣми чудскими и финскими народами, съ Югорскою Чудью и чрезъ нее съ Сибирью, съ повгородцами и другими славянами, съ камскими болгарами, а черезъ нихъ и съ дальне-восточными народами. Предметами торговли были пушные мѣха, соль, моржевые клыки, и другіе продукты. Торговля велась и мѣновая и на деньги, что, конечно, само собою подтверждается изъ разсказовъ о богатствахъ Юмаллы и некрополя. Эта международная торговля безъ сомнѣнія развѣтывала культурную жизнь нашего Двинскаго Заволочья и помимо простаго знакомства доставляла широкую извѣстность и широкій почетъ славному городу Біармін со всѣмъ его чудскимъ населеніемъ. Уже Штурлезонъ, исландскій лѣтописецъ, писалъ о сказочныхъ богатствахъ Юмаллы, норвежцы интересовались даже земледѣліемъ, привившимся въ бытѣ Заволоцкой Чуди, и говорили о немъ, какъ предметѣ, стоившемъ особаго вниманія; новгородцы соблазнялись выгодами отъ широкаго ясака, который издавна отсюда получала безъ борьбы и усмирительныхъ походовъ; сѣверные сосѣди массою тяготѣли къ славному святилищу и несли въ его пѣдра богатые вклады. Двинское Заволочье составляло центръ общаго вниманія и было оно таковымъ включительно по первую четверть XI вѣка.

Свяц. Арк. Грандилевскій.

Родина Ломоносова

(въ періодъ обрусѣнія Заволоцкой Чуди по XVI-й вѣкъ включительно).

Въ предыдущемъ мы въ возможной мѣрѣ выяснили, чѣмъ была Заволоцкая Чудь въ началѣ своей исторической извѣстности и что представляла собою родина Ломоносова, какъ центръ тяготѣнія того времени всего Русскаго Сѣвера,—мы видѣли картину оживленнаго и многообщавшаго процвѣтанія древняго Заволочья—здѣсь Холмогоры составляли столицу, имѣвшую широкую извѣстность; возлѣ—Куростровскій ельникъ имѣлъ некрополь съ капищемъ славнаго идола Юма, ему кланялся и приносилъ богатые дары весь нашъ Сѣверъ. Тутъ велась громаднѣйшая внутренняя и внѣшняя торговля, продуктами ея были всѣ приносимыя страной богатства. Заволоцкая Чудь имѣла князей, свою военную защиту, держалась независимо среди всѣхъ своихъ соплеменниковъ, жила осѣдло, знала земледѣльство, солевареніе, имѣла города, селенія, погосты уже изъ бревенчатыхъ лачугъ, а не изъ временныхъ ямъ и пещеръ; знала употребленіе монетъ и драгоценностей, проявляла даже тонкіе извороты человѣческой хитрости.—словомъ, Заволоцкая Чудь въ предѣлахъ десятаго столѣтія и много ранѣе этого времени, обладала такою уже степеню превосходства среди другихъ племенъ Сѣвера, что ей, повидимому, оставалось только шире и шире развѣтываться, исчерпывая всѣ выгоды своего положенія.

Однако исторія Холмогорскаго края представляетъ намъ какъ разъ другое. Она здѣсь указываетъ грань, за которую благоденствіе древней сѣверной Чуди не могло переступить. Съ концомъ десятаго вѣка приблизился и конецъ славной поры Двинскаго Заволочья: тутъ пропѣта ему, можно сказать, лебединая пѣсня.

П. С. Ефименко въ своей книжкѣ—„Заволоцкая Чудь“, продолжалъ разсказъ о богатствахъ Юмаллы и Некрополя, приобрѣтшихъ Заволочью чрезвычайную извѣстность на зарѣ его историческаго времени, сообщаетъ:

*) Помѣщая настоящую замѣтку, открываемъ желающимъ страницы „Извѣстій“ для освѣщенія, затронутаго докладомъ проф. Сурожа, вопроса; особенно было бы желательно услышать сужденія, компетентныхъ въ вопросѣ специалистовъ дѣснаго вѣдомства. Отмѣчаемъ, что журналъ засѣданія А. О. И. Р. С. отъ 25 апрѣля послѣ расшифрованія будетъ отпечатанъ и разосланъ при „Извѣстіяхъ“ Ред.

„Норвежцы Тореръ и Карлъ, отправленные въ Біармію королемъ Олафомъ, современникомъ Ярослава, накупивъ мѣховъ во время славной ярмарки, зашли со своими товарищами въ извѣстное намъ Чудское кладбище въ глубокую ночь, похитили все, что могли, отсѣкли голову Юмаллы, чтобы снять крѣпко привязанное ожерелье. Во время похищенія вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить въ рога. Воры спасались бѣгствомъ. Жители съ крикомъ и воплемъ гнались за ними и со всѣхъ сторонъ окружили ихъ; но будучи неискусны въ воинскомъ дѣлѣ, ничего не могли сдѣлать отважнымъ грабителямъ, которые благополучно дошли до кораблей своихъ“. Карамзинъ относитъ эту повѣсть къ лѣтописнымъ сказаніямъ Штурлезона (Исторія Р. Госуд. т. II, стр. 24; прим. 62-е). По народнымъ сказаніямъ, похитителями Юмаллы были будто бы новгородцы, а не норвежцы, однако фактъ пріѣзда этихъ хищниковъ *на корабляхъ*, признаваемый тѣмъ же народнымъ предаіемъ, ясно обнаруживаетъ лишь перетасовку именъ и всецѣло клонится въ пользу сообщенія Штурлезона, тѣмъ болѣе, что новгородцы имѣли обычай совершать набѣги только на легкихъ ладьяхъ или *укиуяхъ*, откуда и получилось извѣстное имя *укиуйниковъ*, *укиуевъ*, грабившихъ нашъ Сѣверъ въ періодъ господства новгородской вольницы. Сверхъ этого самое мѣсто, гдѣ Чудь окружила грабителей, опредѣлится вполне согласно съ повѣстью исландскаго лѣтописца, что нѣтъ сомнѣнія о комъ идетъ рѣчь.

Народная молва сообщаетъ сверхъ всего, что встревоженная святотатствомъ Чудь огромною массою кипулась въ ладьяхъ за похитителями идола и настигла ихъ при устьѣ Падры, двумя верстами ниже рѣки Курьи не далеко отъ нынѣшней деревни *Побовище*, которая принадлежитъ Курейско-Сергіевскому сельскому обществу, и получила свое названіе именно по поводу жестокаго *побовища* Чуди съ норвежцами, происходившаго въ одной верстѣ къ сѣверо-западу отъ этого пункта въ лѣсномъ участкѣ, нынѣ называемомъ *Осяково*. Здѣсь, производя расчистки подъ пахоту, крестьяне встрѣчаютъ въ ближайшихъ слояхъ почвы безпорядочно разбросанныя человѣческія кости, обломки древняго оружія, каменные стрѣлы. Но считая все это чѣмъ-то священнымъ, суевѣрный людъ по возможности старается, чтобы находимые ими амулеты, чѣмъ признаютъ они каменные стрѣлы, не попали никому иному въ руки, чтобы, кромѣ того, не появились бы здѣсь археологи и не перепортили бы расчистокъ канавами, если-бъ вздумали поискать историческія реликвіи, хранимыя Осяковымъ. Но какъ бы то ни было, все же и въ научнаго изслѣдованія, одно названіе деревни *Побовище* и при ней отдаваемый въ расчистку лѣсной участокъ *Осяково* (предполагаю измѣненное *Остяково*, отъ *костякъ* или *остякъ*, что значить скелетъ) пока достаточно говорятъ въ пользу историческаго событія. Если же въ памятной книгѣ Куростровской церкви за 1887 г. (листъ 4-й) и говорится, что будто бы Чудь только съ прискорбіемъ посмотрѣла на удалявшіеся корабли, ничего не предпринявъ въ защиту идола, то тутъ повидимому внесены лишь послѣднія слова сказанія, съ видимымъ пропускомъ не безызвѣстнаго въ народной молвѣ факта, но почему то игнорированнаго составителемъ церковной лѣтописи. Однако и въ этомъ краткомъ примѣчаніи достаточно свидѣлствуется о похищеніи Юмаллы дѣйствительно норвежцами, потому что морскіе корабли могли стоять именно вблизи Побовища на Двинскомъ фарватерѣ, а ловкіе похитители, забравъ сокровища въ ельникѣ, пользуясь темнотою ночи и чудскими легкими стругами, могли добраться рѣкою Падрою до предѣловъ Курьи, чтобы, отбившись здѣсь отъ свирѣпой Чуди, на ея же ладьяхъ ускользнуть къ своимъ, вблизи стоящимъ, кораблямъ.

Понятно, обездоленная Чудь со скорбію отпелась къ такому грустному для ней событію, будучи безсилна помочь горю дѣломъ; это тѣмъ болѣе мучило ее, что она отъ сего времени утратила весь свой престижъ, потеряла самый важный нервъ, двигавшій въ ней кипучую, не только религиозную, но и трудовую жизнь. Онутивъ безнадежно руки, она лишилась своего экономического и гражданскаго преимущества, потому что новгородцы не замедлили именно въ намѣченный моментъ ослабленія Чуди окончательно завладѣть Двинскимъ Заволочьемъ, начавъ активныя дѣйствія отсюда, т. е. съ родины Ломоносова. До этой поры Заволоцкая Чудь платила имъ лишь *ясакъ*, пользуясь управленіемъ своихъ князей и старшихъ, но теперь ихъ смѣнили *посадники* и *бояре* изъ Новгорода; до сего момента торговля принадлежала Чуди, а тутъ она быстро очутилась въ рукахъ у новгородцевъ. Немедленно послѣдовала замѣна язычества христіанствомъ, которое легко привилось среди Холмогорско-Чуди, такъ что начало XI-го вѣка здѣсь является эпохою коренного перерожденія края. И все это на родинѣ Ломоносова совершилось мирно, естественно, повидимому безъ давленія силою. Очень вѣроятно, что предприимчивые новгородцы съ давнѣйшихъ поръ искали мѣста своему владычеству на берегахъ Двины, но не оружіемъ прокладывая путь, а исподволь проникая туда первоначально съ чисто торговыми дѣлами. И можетъ быть, именно торговые новгородцы способствовали Заволоцкой Чуди къ особой ее централизаціи на Кольмъ-островѣ и Курь-островѣ и процвѣтанію славнаго торговаго города Біарми. Затѣмъ, когда промысловая жизнь въ Холмогорахъ и далѣе вокругъ приняла уже очень значительный объемъ и Чудь, въ своихъ же экономическихъ интересахъ, дозволила свободно жить и колонизироваться торговымъ гостямъ въ Двинскомъ округѣ, и когда новгородскіе славяне признали все Заволочье, тогда они безъ труда, безъ войны, политично, могли наложить и какойнибудь *ясакъ* на доврчивую Чудь, не касаясь впрочемъ ни ея владѣній, ни промысловъ, ни уклада общественной жизни, ни свободы въ сношеніяхъ съ сосѣдними племенами. Изъ всего характера народныхъ сказаній видно, что Чудь, населявшая родину Ломоносова, едва ли тѣмъ противодѣйствовала новгородскому владычеству, хотя въ другихъ мѣстахъ Сѣвера, и даже Двинскаго Заволочья, велась упорная борьба изъ за *ясака*, что свидѣтельствуется исторіей Архангельскаго края вообще (Молчановъ) и лѣтописцами, отнесшими къ началу и концу XI-го вѣка походы двухъ князей:—Улеба на Желѣзныя ворота и Глѣба въ Заволочье ¹⁾. Это есть первое положительное извѣстіе о вторженіи новгородцевъ въ древнюю Двинскую область съ оружіемъ въ рукахъ. Но ранѣе того, вольные *ушкунники* или *ушкун* своими набѣгами могли внушить всему Заволочью должное уваженіе къ господину Новгороду и этимъ расположить Холмогорскую Чудь къ признанію *ясака* безъ опытовъ сопротивленія и борьбы. Очень возможно, что во времена наивысшаго процвѣтанія Чудской международной торговли, въ славномъ городѣ Біарми и въ его ближайшемъ округѣ постоянно имѣлось огромное количество денежнаго серебра и золота, которое поступало отъ норвежцевъ, англосаксовъ изъ Сибири черезъ Югру и чрезъ Болгарь съ востока. Все это, понятно, облегчало тяготу *ясака*, или даже дѣлало его нечувствительнымъ бременемъ, пока не пресѣклись въ началѣ XI вѣка золотыя годъ Заволоцкой Чуди.

Впрочемъ и послѣ много спустя, когда великіе князья облагали Новгородъ поборами, то онъ съ одного Двинскаго Заволочья получалъ чуть

¹⁾ Ефименко. Заволоцкая Чудь, ч. II, стр. 56—58.

не втрое больше того, что могъ платить самъ. ²⁾ Начатыя мирно первыя сношенія новгородцевъ привели къ тому, что въ Двинскомъ Заволочѣ стали появляться не только торговые колонисты, но и пришельцы, искавшіе себѣ возможности просто пріютиться здѣсь для осѣдлой мирной жизни. Чудь смотрѣла на нихъ въ высшей степени благодушно и дѣлилась землями со всѣми, кто хотѣлъ ихъ обрабатывать, тѣмъ болѣе, что и она лично занималась земледѣіемъ и понимала его общественное значеніе. Съ теченіемъ времени, когда послѣдовала усиленная колонизація новгородцевъ на Сѣверъ, даже еще ранѣе, быть можетъ, самаго начала Руси, новгородское владычество могло послѣдовательно само собою безъ всякихъ столкновеній такъ утвердиться въ Заволочѣ, что Чудь совершенно этого не замѣчала. Уже вполне достаточно говоритъ объ отсутствіи какой-либо особой борьбы, о которой не говорятъ преданія Двинскаго Заволочья съ Новгородомъ, и то, что уже съ XI-го вѣка въ Матигорахъ и Ухтѣ-островѣ находились новгородскіе посадники, ³⁾ которымъ все мѣстное населеніе спокойно подчинялось.

Въ дальнѣйшемъ, также незамѣтно и постепенно, съ большимъ и большимъ увеличеніемъ пришлого населенія, Заволоцкая Чудь, уступая свои земли то продажей, то полюбобною уступкою въ безмездное владѣніе, то въ совмѣстное пользованіе,—въ XV-мъ столѣтіи начала переходить въ крѣпостное, или лучше сказать, въ половническое отношеніе къ новгородцамъ, потому что съ тѣхъ поръ двинскіе бояре стали распоряжаться Чудскою земельною собственностию, какъ своею, ⁴⁾ и коренное населеніе оставалось только съ тѣмъ, что ему предоставляли новые хозяева. Допустимъ, не вездѣ и въ Двинскомъ Заволочѣ такъ мирно покорялась Чудь новгородскому владычеству, потому что были, напримѣръ, въ Пинегѣ, и опыты сопротивленія, и случаи поголовнаго бѣгства, и даже самоистребленія Чуди, но въ общемъ картина спокойнаго теченія жизни мало нарушалась, а въ Холмогорскомъ округѣ и совсѣмъ не испытывалось оружіе, кромѣ единственнаго столкновенія съ норвежцами. Вѣроятно и ушкуйники не были помѣхою общему покою на родинѣ Ломоносова, такъ какъ мѣстное довольно значительное и неразбросанное населеніе способно было дать имъ отпоръ, да и располагало внушительными по тому времени специальными оградженіями. Впрочемъ, сами ушкуйники колонизировались въ Холмогорскомъ округѣ, утомившись разбоемъ, и превращались въ мирныхъ землепашцевъ, напримѣръ, въ Щукозерѣ, Обозерѣ, Церковномъ, такъ что бывше ихъ наѣзды не вызывали со стороны Чуди предубѣжденное озлобленіе, которое могло бы лечиться тѣнью и на мирное новгородское владычество. Новгородцы, быстро занявъ и заселивши Заволочье, взяли въ свои руки все торговое дѣло, а равно и продукты торговли, пріобрѣтавшіеся Чудью. Такимъ образомъ въ предѣлахъ XI-го вѣка славный городъ Біарміи, потерявъ Чудское самоуправленіе, лишившись знаменитаго идола Юмаллы и утративъ значеніе международнаго рынка, превратился въ три зауряднѣйшихъ поселка—Курцено, Качковку, Падрокурку,—уступивъ свое первенство Ухтоострову и Матигорамъ. Наряду и Куростровъ, прежде гремѣвшій на весь Сѣверъ, отошелъ далеко назадъ, такъ что имя его крайне рѣдко стало упоминаться въ исторіи Холмогоръ, пока Куростровъ не былъ осчастливленъ рожденіемъ и славою Михаила Васильевича Ломоносова.

Всѣ такія перемѣны, уничтожавшія значеніе и прежній бытъ Заволоцкой Чуди, вносили сюда культуру, просвѣщеніе, лучшей порядокъ и дѣй-

²⁾ Тамъ же, стр. 139.

³⁾ Ефименко. Заволоцкая Чудь. Ч. II, стр. 8.

⁴⁾ Тамъ же. Часть II, стр. 34.

ствительную жизнь, совершенно противоположную состоянію истинныхъ дѣтей природы. Не далѣе какъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ разгрома капища Юмаллы норвежцами въ Холмогорахъ, близъ Падрокурки, возникаетъ первый храмъ, посвященный Крестителю Господню, по какому имени впоследствии называется Ивановскій Холмогорскій Посадъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что проповѣдь Евангелія могла здѣсь быть современною и самому равноапостольному князю Владиміру, но только тогда для ея широкаго распространенія еще не настало время, и ей могло служить серьезною помѣхою благополучное существованіе Юмаллы въ Куростровскомъ ельникѣ. Подтвержденіемъ сему служить Двинская лѣтопись, которая слишкомъ настойчиво свидѣтельствуетъ, будто бы вся Заволоцкая Чудь получила крещеніе въ одно время со славянами при Владимірѣ Святѣмъ. Карамзинъ въ своей Исторіи опровергаетъ фактъ подобнаго рода, опираясь на преданіе о Юмаллѣ, но во всякомъ случаѣ частичное ознакомленіе Чуди съ православіемъ и тогда могло имѣть себѣ мѣсто, какъ указываетъ двинской лѣтописецъ, ибо новгородцы еще до образованія Русскаго Государства колонизировались въ Заволочѣ. Возникновеніе Храма Божія на Падрѣ въ послѣдней четверти XI-го вѣка показывало уже на широкіе успѣхи православія; и тотъ фактъ, что Холмогорская Чудь не возобновила культа по похищеніи Юмаллы изъ Куростровскаго ельника, не перенесла его въ Ухтоостровъ, гдѣ будто-бы, по преданію, тоже имѣлся идолъ Юмаллы, но уже не столь славный, — достаточно ведетъ къ предположенію о знакомствѣ Чуди съ новой вѣрою Новгородцевъ иль даже и нѣкоторыхъ соплеменниковъ своихъ, такъ какъ моментомъ похищенія славнаго идола Новгородцы могли легко воспользоваться для расположенія обездоленныхъ язычниковъ къ усвоенію началъ православной вѣры. Мирно, постепенно, однако, и безъ особаго замедленія озарялась родина Ломоносова Евангельскимъ ученіемъ; въ народныхъ преданіяхъ пѣтъ ни тѣни намековъ, что Холмогорскій округъ когда либо проявлялъ религіозную вспышку язычествовавшей Чуди, хотя въ другихъ мѣстахъ Двинскаго Заволочья это и случалось. Очень можетъ быть, что первый храмъ въ Холмогорахъ былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ и князю Глѣбу, погибшему въ Заволочѣ, такъ какъ существуютъ основанія, по которымъ походъ этого князя на Сѣверъ имѣлъ въ основаніяхъ не одинъ лишь сборъ ясака, но и цѣли религіозныя, т. е. попутное обращеніе язычниковъ въ христіанство; ибо Глѣбъ, по словамъ Нестора, былъ — *„милостивъ убогимъ и страннымъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ;“*⁵⁾ впрочемъ могъ быть строителемъ и какой-либо благочестивый двинской бояринъ, пожелавшій этимъ почтить своего небеснаго покровителя и кстати выйти на встрѣчу существеннѣйшей надобности вѣреннаго ему округа. Исторія Архангельскаго края находитъ эти факты современными началу новгородскаго посадничества въ Двинскомъ Заволочѣ.⁶⁾ Дальнѣйшія свѣдѣнія относительно водворенія христіанства среди Заволоцкой Чуди говорятъ уже о принятіи его положительно по всему Двинскому побережью въ теченіе какихъ-либо пяти-десяти лѣтъ за возникновеніемъ первой церкви въ Холмогорахъ. Ефименко въ своей книжкѣ — „Заволоцкая Чудь“ сообщаетъ: — „Изъ устава Святослава Ольговича 1138 года мы можемъ знать, что въ то время въ странѣ, обитаемой Заволоцкой Чудью, было уже распространено христіанство и многіе погосты платили опредѣленную дань въ пользу Новгородскаго Владыки: — *урядилъ есмь азъ св. Софїи и написалъ Никола князь Новгородскій Святославъ; въ Онегъ на Волдutowъ по-*

⁵⁾ Ефименко. Заволоцкая Чудь. ч. II, стр. 60, 61.

⁶⁾ Арханг. Епархіальныя вѣдом. 1903, № 16, стр. 531—535.

гостъ два сорочка, на Тудоровъ погостъ два сорочка, на Иванѣ погостъ съ даромъ 3 сорочки, на Ракулъ 3, въ Кедрелъ 3, усть-Емцъ 2 и т. д. Со всѣхъ концовъ Заволочья шла такая подать и христіанское населеніе страны въ то время состояло, какъ изъ новгородскихъ пришельцевъ, такъ и изъ чудскихъ туземцевъ. Такія чисто русскія названія погостовъ, платившихъ дань Владыкѣ, какъ—Ивань-погостъ и Борокъ (вѣроятно Ухто-стровскій), могли быть даны только русскими; а названія—Вихтуй, Пинега, Кегрола, также Чудинъ погостъ—говорять о чудскомъ населеніи. Самыми населенными и наиболѣе богатыми мѣстностями изъ поименованныхъ чь уставѣ надобно считать тѣ, которыя платили наивысшую дань Владыкѣ. Такими были погосты: Ракула, Пинега, Кегроль, давашіе три сорока кунъ, и *Ивань-погостъ* (впослѣдствіи Холмогорскій Ивановскій посадъ), обязанный, кромѣ трехъ сороковъ кунъ, давать еще подарокъ. Такъ какъ Иванъ-погостъ платилъ больше всѣхъ, то его можно считать главнымъ мѣстомъ Заволочья". (ч. II, стр. 60, 61). Велѣдъ за церковью Іоанна Крестителя, возникшею въ 1070-хъ годахъ близъ нынѣшняго города Холмогоръ, быстро начали вырастать храмы Божіи и въ окрестностяхъ Иванъ-погоста. Уже въ началѣ XIII-го вѣка былъ храмъ въ Матигорахъ, построенный, должно быть, въ XII столѣтіи, вполне ему современенъ по началу, а затѣмъ упраздненный Чухченемскій монастырь. Затѣмъ, въ одномъ изъ документовъ XIV вѣка упоминаются церкви въ Куростровѣ Дмитрія Солунскаго, въ Ровдинѣ—Петра и Павла. Безъ сомнѣнія въ Ухтѣ-островѣ явился храмъ вскорѣ же за Иванъ-погостомъ. Но какъ ни утѣшительно шло дѣло посвященія Чуди на родинѣ Ломоносова, однако около ея не вездѣ одинаково подчинялись новгородцамъ туземцы. Такъ въ 1184-мъ году при Мстиславѣ Давидовичѣ были отправлены изъ Новгорода данщики за мѣхами и прочимъ въ Заволочье, Печеру, Югру, но всѣ были перебиты. И въ послѣдующія времена избіенія сборщиковъ церковной и обыкновенной дани были, вѣроятно, обычными фактами по XV вѣкѣ включительно. Послѣдняя вспышка Чуди, извѣстная намъ въ исторіи, произошла въ 1445 году. Вѣроятно возстали остатки Чуди, сохранившіе вѣру отцовъ. За симъ слѣдуютъ другія документальныя извѣстія, напримѣръ, писема новгородскаго посадника 1471 года, гдѣ сообщается о полномъ уничтоженіи язычества среди ему извѣстной Заволоцкой Чуди⁷⁾. Итакъ, знаменитый городъ Біарміи—столица всего Двинскаго Заволочья,—исчезъ и превратился въ три поселка; кончилось существованіе и славный идолъ Юмаллы; кончилась независимость Заволоцкой Чуди; подверглось изгнанію язычество, но на этихъ руинахъ сѣдой далекой старицы возникла новая жизнь, имѣя своимъ центромъ поселокъ *Ивань-погостъ*, къ XIV вѣку выросшій въ *посадъ*, который далѣе превратился въ центральное мѣсто управленія всей Архангельской губерніи, и этимъ положеніемъ первенства украшался до временъ Петра Великаго; затѣмъ, не сибша, сталъ переуступать свои права Архангельску, пока не принялъ видъ уѣзднаго города.

Обратимся теперь опять къ Заволоцкой Чуди. Одиннадцатый вѣкъ, сдѣлавшись особою эпохою для Двинскаго Заволочья, какъ мы уже видѣли, ознаменовался полною утратою Чудской гражданской независимости и основною переменною въ области религіозной. Тотъ же XI вѣкъ, сверхъ сего, выразился и какъ начальный пунктъ быстраго кореннаго обрусѣнія Заволоцкой Чуди, признаки котораго первѣйшимъ образомъ заявили себя въ постепенной утратѣ Чудью своего древняго самобытнаго говора и своеобразнаго уклада домашней жизни. Чудь сливалась съ населившими ея вла-

⁷⁾ Ефименко. Заволоцкая Чудь, ч. II, стр. 62, 63; 36, 37.

дѣли новгородцами, усвоила ихъ языкъ, обычаи, занятія и весь вообще бытовоей порядокъ; о ней можно сказать, что съ теченіемъ времени эта народность хотя и окончила существованіе, однако не во всей полнотѣ слова, съ чѣмъ легко согласиться, если обратить вниманіе на тѣхъ чудскихъ потомковъ, которыхъ намъ указываетъ нынѣ въ своей средѣ простой народъ, руководясь молвою, дошедшею отъ прадѣдовъ, или, если посмотрѣть на типы смуглолицыхъ, черноволосыхъ, съ темнокарими глазами, низкорослыхъ, плечистыхъ, коренастыхъ крестьянъ и крестьянокъ, довольно рѣзко выдѣляющихся своею фигурою, очень характерною для обитателей Сѣвера. Что касается времени, когда на родинѣ Ломоносова уже совсѣмъ умолкла чудская самобытная разговорная рѣчь, то опыты опредѣлить эту грань видимой еще обособленности Заволоцкой Чуди П. С. Ефименко сводитъ къ слѣдующему въ своемъ, многократно уже упоминавшемся, трудѣ:— „Въ XVIII столѣтіи въ Двинскомъ краю не существовало Чуди съ самобытнымъ нарѣчіемъ, какъ видно изъ путешествія академика Лепехина и свидѣтельства туземца М. В. Ломоносова. *Древность тамошней Чуди*, говоритъ послѣдній, *доказываютъ и нынѣ живущіе по Двинѣ чудскаго рода остатки, которые черезъ сообщеніе съ новгородцами природной своей языкъ оставили* (Лепех. IV, 384). Съ другой стороны существуютъ извѣстія, что Чудь жила еще и въ XVI вѣкѣ цѣлыми поселками особнякомъ (Соловецкій Патерикъ), и значить, тогда въ Двинской области были уголки, гдѣ еще слышалась чудская рѣчь, но на родинѣ Ломоносова, т. е. въ Холмогорахъ, едва-ли такъ могло быть. Во всякомъ случаѣ семнадцатый вѣкъ уже обязательно былъ предѣломъ, далѣе котораго не перешагнулъ и этотъ послѣдній существеннѣйшій элементъ чудской національности—языкъ“ (ч. II, стр. 36, 37). Впрочемъ, о чудскомъ самородномъ говорѣ очень ярко напоминаетъ такое множество словъ, вошедшее въ народное употребленіе, что едва-ли не самая большая часть названій рѣкъ, озеръ, урочищъ, сель, ручьевинъ, холмовъ и мѣстностей разнаго рода (Двина, Лечора, Пинега, Холмогоры, Ракула, Вавчуга, Кеврола, Шенкурскъ, Курья, Куростровъ, Нальостровъ, Чухченема, Вашкаранда, Вавчуга, Кузонемъ, Ухтоостровъ, Падера, Юрмола, Ровдина, Кегостровъ, Лисестровъ, Пириемъ, Погосты, и т. д.) сохранили за собою исключительно чудскія имена, способныя и впредь пройти неизмѣнно, быть можетъ, въ цѣлые вѣка тамъ, гдѣ древняя Чудь имѣла мѣста своего постоянного пребыванія. Этого еще мало. Заволоцкая Чудь на родинѣ Ломоносова оставила въ наслѣдіе солидную долю своего суевѣрія, оставила преемство знахарей, колдуновъ, икотниковъ и боязливый страхъ предъ злыми силами, живущими рѣшительно вездѣ, но особенно въ окрестностяхъ Куростровскаго ельника. Въ глуши Холмогорскаго уѣзда и теперь можно встрѣтить крестьянскія лачуги, типично напоминающія чудскія жилища, особенно тѣмъ, что вся изба состоитъ лишь изъ одного помѣщенія, безъ дѣленія на комнаты, и средину ея занимаетъ широкая печь то глинобитная, то изъ сырого необоженнаго кирпича. Двери и окна въ такихъ избахъ всегда бывають возможно меньшихъ размѣровъ, потолокъ бревенчатый, крыша чаще лабазомъ въ одинъ скатъ.

Въ то время, когда Заволоцкая Чудь приближалась къ полному сліянію съ новгородцами, родина Ломоносова стала заселяться пришлыми корелами, которые искали здѣсь спасенія отъ притѣснявшихъ ихъ шведовъ. Этотъ новый пришлый элементъ ступевывался наравнѣ съ Чудью, теряя свой языкъ, свои порядки, и также какъ та, сливался съ новгородцами. Потомства кореляковъ и теперь указываютъ не только преданія, но и документальныя

даты, при чемъ всѣ семейства этого рода настолько типичны и своеобразны во внѣшнемъ обликѣ, что ихъ никакъ не перепутать съ типами чудскаго элемента, усмотрѣнными Ефименкомъ. Корелы не внесли на родину Ломоносова ничего, чѣмъ бы отозвалось ихъ вторженіе туда, они только сообщили лишнюю пестроту населенія Холмогоръ въ періодъ обрусѣнія Чуди, а потомъ одинаково съ нею утратили всю свою родовую обособленность. Корелы, вѣроятно, массою явились на Двинскія побережья, но разсѣялись на открывшемся для нихъ просторѣ семьями, поселками и вообще не слишкомъ людными колоніями. Это то и способствовало ихъ быстрому сліянію съ предшествовавшимъ населеніемъ Двинскаго округа, несмотря на то, что корель по преданіямъ указывается всюду много. И вотъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ—вся Заволоцкая Чудь, всѣ къ ней примкнувшіе кореляки, за полною утратою атрибутовъ своей національности въ предыдущій періодъ обрусѣнія, уже составили одно съ новгородскими славянами. Двинское Заволочье кончило свою исторію, его имя отошло въ кругъ архивныхъ документовъ, предоставивъ гражданство Холмогорамъ и Архангельску, какъ представителямъ поименныхъ имъ округовъ, получившихъ иное развитіе и иной порядокъ исторической жизни.

Общій очеркъ родины Ломоносова возможенъ лишь мимоходомъ, потому что то, о чемъ имѣется въ виду говорить далѣе, входитъ въ узкія рамки исторіи собственно Курострова, гдѣ родился и провелъ свое дѣтство и отрочество Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ*).

Съ одинадцатаго и по четырнадцатое столѣтіе жизнь въ Холмогорскомъ округѣ развертывалась со стороны духовной культуры главнымъ образомъ въ церковномъ отношеніи, наряду съ которой постепенно происходило совершенствованіе въ матеріальной культурѣ разработки мѣстныхъ естественныхъ богатствъ и промысловое дѣло. О внѣшней торговлѣ за этотъ періодъ преданія ничего не говорятъ, однако отсюда предполагать

*] Прежде, чѣмъ приступить къ этому отдѣлу, считаю весьма нужнымъ посвятить читателя въ нѣкоторыя отдѣльныя стороны даннаго труда, которые могутъ быть неясными или оспоримы. Прежде всего,—каждому, назѣрное, явится желательнымъ прочесть не сжатую, но обстоятельную повѣсть о такомъ знаменитомъ уголкѣ нашего Сѣвера, какъ родина Ломоносова;—этого горячо ищетъ и авторъ данныхъ сообщеній, но онъ, находясь среди обстановки и условий, не позволявшихъ пользоваться всѣми лучшими средствами, имѣть подъ руками только церковную памятную книгу съ очень скудными справками, кое-что изъ церковнаго архива, не обладавшаго старинною, трудъ Ефименка—„Чудь Заволоцкая“, исторію Архангельской губерніи Молчанова, но болѣе рассказы старожиловъ, вотъ и все, чѣмъ богата Ломоносовка. Эти скудные источники, понятно, не давали даже мысли о какомъ нибудь просторѣ, и вотъ печальная необходимость вынудила слѣдовать лишь тому одному, что приобрѣталось на мѣстѣ. Отъ этой основной причины зависитъ и то, что, напримѣръ, топографическій очеркъ родины Ломоносова до-историческихъ временъ составляетъ лишь результатъ личнаго представленія автора, основанный на преданіи крестьянъ, да на собственномъ изслѣдованіи, между тѣмъ какъ имѣются географическія карты нашего Сѣвера болѣе давности, чѣмъ могла захватывать память старожиловъ бывшаго столѣтія. Бытовой очеркъ тоже, по скудости источниковъ, вышелъ слабъ и съ пробѣлами, тогда какъ законченное, полное, всестороннее изложеніе того же предмета возможно и очень доступно, если бы засталась особю освѣдомленностью изъ области археологій, исторіи и знаніемъ финскаго языка. Далѣе за симъ слѣдуетъ невольное опущеніе еще болѣе важнаго характера. Было бы въ высшей степени интересно помѣстить исторію города Холмогоръ въ періодъ обрусѣнія Заволоцкой Чуди и далѣе включительно по начало XVIII-го вѣка. Это была бы очень живая повѣсть развитія родины Ломоносова, но, къ великому сожалѣнію, мѣстныхъ средствъ не было и не доставало для детальнаго очерка общественной жизни Холмогорскаго посада тѣхъ временъ. Данныя же для такой исторіи во всякомъ случаѣ существуютъ и опыты ихъ раскрытія бывали, только труды такого рода разсѣяны гдѣ-то внѣ предѣловъ этого мѣста.

По необходимости, вызванной такого рода условіями, здѣсь пришлось войти въ самый тѣсный кругъ, касаясь прошлаго только въ отношеніи къ одному исключительно

уничтоженіе ея нѣтъ достаточныхъ основаній, такъ какъ шведы, англичане и норвежцы издавна вели торговое дѣло на нашемъ Сѣверѣ, и при Борисѣ Годуновѣ это вызвало особыя отношенія правительства. Конечно, въ первоначальной стадіи ви́шняя торговля на Двинскихъ берегахъ дѣлкомъ принадлежала новгородцамъ, которые могли сосредоточить ее на мѣстѣ современнаго Архангельска, который тогда имѣлъ видъ селенія со множествомъ торговыхъ складовъ и амбаровъ, и назывался Новыми Холмогорами. Холмогорскій же посадъ, вѣроятно, приобрѣлъ значеніе еще лишь формирувавшагося центра внутренней торговли, опять же управляемой новгородцами. Здѣсь совсѣмъ исчезнувшая древняя столица Біарміи со своимъ почти всемірнымъ рынкомъ, превратившаяся въ три незначительныхъ поселка, опять проявила жизненность, хотя, разумѣется, не чудской народности, но соединенныхъ элементовъ Чуди и славянъ, однако, жизненность такую, которая вновь напомнила давнее прошлое Двинского Заволочья, понятно,—въ особомъ уже типѣ. Деревни Курцево, Качковка, Падрокурья стали мѣстомъ пребыванія посадниковъ, бояръ, воеводъ съ ихъ сотниками и ратными людьми; отъ этихъ поръ слѣдуетъ официально признаваемыи Холмогорскій Ивановскій посадъ съ церковью Предтечи, которая имѣлась въ первоначальномъ Иванъ-погостѣ, остальное все въ дальнѣйшемъ времени уже вошло въ составъ города Холмогоръ, будучи ранѣе частію его съ именемъ *верхняго посада* въ соотвѣтствіе Ивановскому, прозванному *нижнимъ*, по мѣсту нахождения въ сторону устья рѣки Падры или Холмогорки. Поднятіе на высоту посадскаго города трехъ чудскихъ деревень, оставшихся послѣ славной столицы Біарміи, сравнивали всѣ прочія ближайшія селенія въ одинъ разрядъ городскихъ предмѣстій. Ухтоостровъ и Матигоры, чуть не свыше двухъ столѣтій конкурировавшіе съ Холмогорами, наконецъ отступили на почетное разстояніе и сдѣлались только населеннѣйшими пунктами родины Ломоносова. Другими болѣе видными мѣстами слѣдовало признать монастырь у Спаса, въ пяти верстахъ отъ Косковой горы, и Чухченемскій, на восточномъ берегу Двины, противъ южной оконечности Ухтоострова. Этотъ послѣдній былъ такъ обширенъ, что

селу, гдѣ родился Ломоносовъ, а не ко всему Холмогорскому округу, хотя бы то было и крайне желательнымъ. Впрочемъ и Ломоносовка не слишкомъ бѣдна, и она имѣетъ свою независимую повѣсть, такъ что эта обособленность ничуть не принесетъ ущерба дѣлу, а напротивъ даже картиннѣе выставитъ то, чего мы собственно ищемъ. Наиболѣе дорогимъ является содержимое въ народныхъ преданіяхъ. Часть этого сокровища, и надобно полагать солиднѣйшая, погибла навсегда. Изъ оставшагося въ наличіи тоже многое клонится къ исчезновенію, и вотъ, въ цѣляхъ лучшаго сбереженія того, что намъ, явился настоящій трудъ, всецѣло предоставляемый суду и оцѣнкѣ читателей не какъ компетентное произведеніе, но лишь какъ опытъ передачи историческихъ записокъ, взятыхъ непосредственно изъ ихъ хранилищъ, чтобъ они не погибли и не лежали тамъ напрасно, а были бы доступны къ общему пользованію и умѣлой разработкѣ. Ужели родина Ломоносова не заслужитъ себѣ глубокаго историческаго всесторонняго изслѣдованія, какъ справедливой чести?! Ужели приближающійся въ 1911 году двухсотлѣтній юбилей отъ рожденія отца нашей родной литературы не поторошитъ какую-либо авторитетную силу взяться за священный трудъ составленія связной, обстоятельной, словомъ—капитальной исторіи родины Ломоносова?! И какъ горячо хотѣлось бы автору даннаго наброска своимъ, хотя и незначительнымъ, но во всякомъ случаѣ не лишнимъ трудомъ, послужить такому дѣлу, если и не теперь, такъ послѣ, потому что здѣсь имѣются мѣстами такіе матеріалы, какихъ уже впредь нигдѣ не найти за смертію деревенскихъ доморощенныхъ историковъ; ихъ товарищества рѣдкуютъ, новыя не составляются въ духѣ и типѣ старыхъ временъ, молодежь холодно глядитъ на завѣты и преданія святой старины, такъ что иногда, если и передаетъ какую-либо повѣсть, унаследованную отъ стариковъ, то увы! Негдѣ здѣсь услышать то, чему бы сразу хотѣлось повѣрить, такъ и сквозить вездѣ неточность, произволь, отсутствіе серьезныхъ доводовъ и убѣжденій.

въ одномъ изъ документовъ XIV вѣка назывался даже лаврою⁸⁾. По впрочемъ независимое существованіе этихъ обитателей убавляло полноту первенства посада, такъ какъ и онъ не замедлилъ обосновать въ себѣ монастырь, и донныѣ существующій, а между тѣмъ уже давно ни въ Чухчепемѣ, ни у Спаса нѣтъ и остатковъ отъ бывшихъ тамъ монастырей. Сдѣлавшись на Сѣверѣ главнымъ центромъ административной, церковной и торговой жизни, Холмогорскій посадъ сверхъ того былъ перекрестнымъ пунктомъ всякихъ сношеній Москвы и Новгородца съ иностранцами, приходившими на судахъ Вѣлымъ моремъ. Это очень оживляло его: Московскій трактъ къ нему постоянно былъ занятъ то путешественниками, то лицами, имѣвшими разныя командировки, то торговыми обозами. Вывали черезъ Холмогоры и иностранные послы въ Москву, напримѣръ Джемсъ въ XVI-мъ столѣтіи, который прожилъ въ Холмогорскомъ посадѣ дѣлую зиму. Видѣлъ этотъ посадъ въ смутное время на Руси и семитысячный отрядъ поляковъ; тогда былъ Холмогорскимъ воеводою Петръ Ивановичъ Пронскій, который, слышавшись о мародерствѣ поляковъ, заблаговременно позаботился оградить свой округъ возможною военною защитою. Онъ воздвигъ у восточной оконечности Куростровскаго ельника на правомъ берегу Холмогорки большой песчаный валъ для прикрытія стрѣльцовъ и защиты берега отъ вторженія врага. Въѣздъ къ посаду также былъ закрытъ укрѣпленіями и пересѣченъ сверхъ того рвомъ. А въ центрѣ обоихъ посадовъ на берегу рѣки, какъ разъ противъ вала, что у ельника, была сооружена крѣпостца, отъ которой нынѣ и послѣдніе слѣды стерты весенними льдами. И вотъ 6-го декабря 1613-го, когда семитысячный корпусъ Лисовскаго подошелъ къ Холмогорамъ, стрѣлецкій сотникъ, по прозванію Смирный, выступилъ первымъ противъ врага. Непріятель не выдержалъ сопротивленія, вѣроятно, измучившись переходами, и отступилъ далѣе вверхъ по Двинѣ⁹⁾. Въ память такого событія въ Холмогорскихъ церквахъ и до сихъ поръ совершается молитва за упокой православныхъ воиновъ, душу свою въ этой битвѣ положившихъ, при чемъ, напримѣръ, въ Куростровѣ особо возглашается имъ вѣчная память 9-го мая при совершеніи службы въ часовнѣ, близко стоящей къ ельнику.

Холмогорскій посадъ за этимъ событіемъ примѣтно сталъ выдѣляться, какъ городъ, имѣющій уже отдѣльную, только ему принадлежащую жизнь. Его исторія почти перестала быть исторіею всего холмогорскаго округа, какъ видно было до сихъ поръ;—только одна его дѣлалъ связь съ остальнымъ райономъ и торговля обобщала интересы и жизнь всей родины Ломоноса и посада; такъ что отъ этого пункта теперь волюнѣ заблаговременно и естественно перейти къ исторіи собственно Куростровскаго селенія.

Съ момента покражи идола Юмаллы норвежцами, Куростровъ пересталъ быть мѣстомъ чудскихъ молитвенныхъ собраний и паломничества усердствовавшихъ язычниковъ. Интересно то, что въ Куростровскомъ селеніи ни одна деревня не имѣла и не носитъ чудскаго имени, какъ будто бы здѣсь никогда не жила Чудь. Трудно выяснитъ этотъ фактъ, усматриваемый по документамъ даже отъ XVI-го вѣка. Вѣроятно, особая удобствъ для земледѣлія, охоты, рыбнаго промысла и другихъ занятій сдѣлали Куростровъ особенно любимымъ мѣстомъ новгородскихъ колонистовъ, и тѣ постепенно завладѣли имъ, а Чудь скопилась вблизи ельника и въ Мальостровѣ на урочищѣ *Чудиновъ наволокъ*. Равно позднѣе и корелы не преминули образовать колонію опять-же въ Куростровѣ, конечно, ради

⁸⁾ Шахматовъ. Изслѣдованіе о Двинскихъ грамот. XV в. ч. 1-я, 40, 41.

⁹⁾ Молчановъ. Издан. Импер. Академія Наукъ 1813 г. стр. 131, 132.

видимыхъ удобствъ мѣстоположенія. Что представлялъ собою Куростровъ, когда Чудь перестала въ немъ существовать, объ этомъ говоритъ Писцовая Книга Мирона Вельяшинова, составленная въ 1623-мъ и 1624-мъ годахъ по документамъ и другимъ даннымъ, имѣвшимъ отношеніе къ концу XVI-го вѣка. Выдержка изъ этой книги, довольно обширная, сохранилась въ архивѣ Куростровской церкви и занесена сверхъ того въ памятную книгу. Ея содержимое представляетъ собою раскладку податей за пользованіе всевозможными земельными владѣніями, морскими тонями и другого рода выгодами, при чемъ документъ интересенъ полнотою свѣдѣній о деревняхъ, крестьянахъ, о церквахъ и о недвижимой ихъ собственности. Отсюда просто, безъ излишнихъ затрудненій можно видѣть, чѣмъ была родная Ломоносу волость въ XVI-мъ вѣкѣ, какъ разъ тогда, когда начиналась ея собственная, независимая отъ другихъ сосѣднихъ мѣсть, историческая жизнь. Она не была тогда ключемъ, но скромно текла въ трудовой обстановкѣ. Куростровъ никогда не проявлялъ такой дѣятельности, какъ, напримѣръ, сосѣдняя ему Вавчуга. Онъ не былъ богатымъ люднымъ мѣстомъ, какъ Матигоры и Ухтостровъ, хотя въ былое время къ его району относился знаменитый Чудской некрополь съ капищемъ и идоломъ Юмаллы, но отъ этого ему не прибыло въ наслѣдіе рѣшительно ничего, кромѣ цѣлой массы суевѣрныхъ басенъ и смутныхъ преданій о чемъ то давно минувшемъ, которое тогда и возводило его на исключительную высоту.

Свящ. А. Грандилевскій.

Родина М. В. Ломоносова

(въ его дѣтствѣ и отрочествѣ).

Точно для того, чтобы безъ конца разжигать интересъ къ неразгаданной и понынѣ глубинѣ великаго генія отца русской словесности, все прошлое въ жизни Ломоносова до періода его научной извѣстности сокрыто полумракомъ, который едва-ли когда разсѣется. Не только домашняя жизнь Михаила Васильевича, проведенная въ извѣстной всѣмъ родной ему Денисовкѣ, мало освѣщена даже самыми серьезными біографами, но и вся окружавшая его въ то время бытовая атмосфера осталась незатронутою. На впечатлительномъ умѣ Ломоносова не могли не отразиться и исторія Холмогоръ, и живописная картина родного уголка, и близость бойкаго промысловаго пункта и многое иное, что будетъ предметомъ моихъ дальнѣйшихъ сообщеній о Ломоносовѣ. Безъ особой предвзятой мысли, изслѣдуя былое города Холмогоръ и его предмѣстій, я пришелъ къ тому убѣжденію, что развитие великаго генія въ Ломоносовѣ, разгорѣвшагося послѣ въ яркій пламень, обязано всей совокупности проявленій мѣстной, бытовой и внѣшней обстановки, а не чему либо случайному. Незабвеннаго Михаила Васильевича Ломоносова двинула на недосягаемую высоту родина; она дала ему первые дивные порывы къ знаніямъ, она указала имъ правильный путь, она сообщила начальныя уроки и окружила своего дорогого питомца необходимыми пособіями въ красотахъ природы, въ историческомъ прошломъ и въ бытовомъ текущемъ.

Мы остановились на томъ, чѣмъ могло быть родное Ломоносову Куростровское селеніе въ XVI вѣкѣ, упоминали про единственное

²³⁾ Датскій Архивъ Ю. Н. Щербачева. №№ 477, 482, 485, 509—512.

²⁴⁾ Тамъ же, № 185.

пособіе, относящееся къ родинѣ и личности М. В. Ломоносова, именно *копію съ писцовой книги Мирона Вельяминова*,— документъ, восходящій по своей давности къ 1623 или 1624 году, причемъ въ его содержимомъ имѣлись указанія на прежнюю работу писцовъ 1590 или 1593 года, откуда заимствовалось все существенно основное. Архивъ Куростровской церкви хранитъ очень точную копію съ копіи писцовой книги Мирона Вельяминова и разобраться въ ея обширномъ матеріалѣ очень важно для очерка родной Ломоносову деревни. Здѣсь мы увидимъ чуть не все почти, что можно сказать о Куростровѣ, какимъ былъ онъ не только въ XVII вѣкѣ, но и при самомъ Ломоносовѣ въ началѣ XVIII столѣтія, такъ какъ отъ того времени ни церковный архивъ, ни другія учрежденія никакихъ столь подробныхъ матеріаловъ не имѣютъ, а лучше сказать, что и совсѣмъ ничего не сберегли въ письменной передачѣ. Одна только писцовая книга проливаетъ наибольшій свѣтъ на современный Ломоносову Куростровъ, и въ виду такой исключительной важности мы остановимся на ней. Можетъ быть скучною и утомительною работою покажется чтеніе всей дословно копіи, но такъ какъ и сокращеніе этого документа едва-ли явится полезнымъ и даже возможнымъ безъ видимаго ущерба дѣлу, то я рѣшаюсь дать его здѣсь въ нужной полнотѣ, надѣясь этимъ избавить нужду въ побочныхъ ссылкахъ и особыхъ разъясненіяхъ, и лишь то, что въ документѣ составитъ повтореніе уже сказаннаго, или же то, что не найдеть себѣ мѣста въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ сообщеній,—будетъ нѣсколько устранимо. Вотъ и самая выдержка изъ почтеннаго труда Мирона Вельяминова:

— „Въ *Куростровской* волости погостъ, а на погостѣ церковь святаго страстотерпца великомученика Димитрія, а другая церковь великія Христовы мученицы Екатерины, съ трапезою, деревянная, обѣ вверхъ, а въ церквахъ образа и свѣчи и книги и всякое церковное строеніе приходное, *тогожь погоста* церковная бѣлая *деревня Ильинская*, а въ ней дворъ:—повъ Моисей Федоровъ, церковный дячекъ Ивашко Семеновъ, пономарь Сенька Власовъ, просвирица Оксанища, четыре келли нищихъ, питаются отъ церкви Божіей; два мѣста дворовыхъ бобыльки, пашни паханья и съ отхожею пашнею, что въ *Нальѣ островѣ* и въ *ракульской юрмолѣ* за половскимъ истокомъ, въ Елисеѣвѣ Куту середня земля три чети съ осьминою въ полѣ, а въ двухъ потому же, да худья земли четь съ осьминою, сѣна въ Кальостровѣ 30 сажень, *лѣсу* непашеннаго по рѣкѣ по Двинѣ и по Пинегѣ четыре десятины. Тогожь погоста деревни церковныя тяглые, а государевы подати платятъ съ волостными людьми. *Деревня Семеновская*, а въ ней крестьянинъ Остыка Васильевъ сынъ Паросеньевъ, у него сынъ Исачко, у негожъ живетъ Лучка Обросимовъ, сынъ Андреевъ, пашни паханья изъ отхожею пашнею, что на *Енмезерѣ*... сѣна въ *Зальской юрмолѣ* 10 копень, *лѣсу* непашенново по Двинѣ рѣкѣ и по Пинегѣ десятина въ живущемъ полѣтти. (*Деревня Шиздерская* подъ *Маткозеромъ*, а въ ней крестьянинъ Ротья Власовъ сынъ Машковъ, у него два сына Левка да Амоско, Куземка Анфимовъ сынъ Тутуровъ, пашни паханья и прочее... да перелога худья земли четь... сѣна въ *Нальостровѣ* въ *Чудиновѣ Новолокѣ* и въ *Зальской Юрмоѣ* 5 копень, *лѣсу* непашеннаго и т. д.... Что была *деревня на болотцѣ* противъ погоста... и всего тяглые двѣ деревни да пустошь, а въ нихъ три двора крестьянскихъ людей, въ нихъ 7 человекъ пашни паханья, средня земля 12 четей... да перелога худья земли четь... да пескомъ посыпало четь... и водой отмело 5 четей съ третникомъ въ полѣ, а въ двухъ потомужъ... а денежныхъ доходовъ въ живущихъ вытей за два горносталя съ четью горносталя, и за поральскую бѣлку и за морской оброкъ съ терской стороны 3 алтына 4 деньги, за городовое и за засѣчное и за ельничное дѣло 7 алтынъ три деньги, за намѣстничъ доходъ и за присудъ оброку и пошлинъ 2 рубля 12 алтынъ 5 денегъ, и всего денежныхъ доходовъ 3 рубля 4 алтына 2 деньги. . то я волости крестьяне дали къ той-же церкви послѣ писцовъ въ 102-мъ и въ 108-мъ годахъ, а государевы подати платить съ волостными людьми по прежнему. Въ деревнѣ *Тучковской*... въ деревни *Нестеровской* пашни паханья средня земля четь въ полѣ, а въ двухъ потомужъ... оброку леньга за городовое и за засѣчное и за ельничное дѣло полчетверти деньги, пищальныхъ полторы деньги, вытныхъ полденги, ямскихъ примѣтныхъ полчетверти деньги, загубсково

оброку полденги, за намѣстничъ доходъ и за присудъ оброку пошлннъ 5 алтынъ полторы деньги и всего денежныхъ доходовъ 8 алтынъ полчетверти деньги. Въ Куростровской волости *погостъ Замыской*, а на погостѣ церкви Успѣнія Пресвятыя Богородицы деревянная, вверхъ, и въ церкви образа и книгъ и свѣчи и колокола и всякие церкви и строеніе мірское, а воздвигнута та церковь въ 127-мъ году, поплъ Тархъ Ивановъ, да церковный дьячекъ Андрюшка Тарховъ, пономарь Ивашко Наумовъ, просвирица Улитка, и у тое церкви, тое же волости крестьяне дали послѣ писцовъ 127-го году и въ 128 и въ 129 и въ 140-мъ годахъ, въ деревнѣ въ *Стонновѣ* наволокъ пашни средня земли двѣ чети въ поплъ, а въ двухъ потомужъ, сѣна двѣ коппы, лѣсу непаменново по Двинѣ по рѣчкѣ и по Пинегѣ три десятины... доходовъ съ живущихъ вытегъ за 4 бѣлки съ трылюю... два алтына полторы деньги за бѣлку, за четверть горностая и за полтрети горностая, полтрети деньги за поральскую бѣлку и за морской оброкъ... за городовое и за засѣчное и за ельничное дѣло шесть денегъ, пищальныхъ полтрети деньги, выпныхъ деньги, ямскихъ примѣтныхъ 6 денегъ, за Загубсково оброку деньга и пошлннъ десять алтынъ съ полуденею. Куростровской же волости за крестьяны оброчныя земли за рыбныя ловли оброкъ деревни *Сивковской* за Скамкой Стрюковымъ по оброчной 97-го года, въ Ракульской Юрмолѣ *Пековарда* промежъ *Мининскаго озера* и *Черново* да *Круглиця* да волочекъ по конецъ *Долгова озера*... Деревни *Заулмужкой* за Ивашкой Ивановымъ сыномъ Харитоновъ по оброчной 97-го году отъ *Палишинской* горы да пустошка *Кутакинская* въ межахъ съ *Ловцовою* землею и болотою... Деревни *Денисовской* за Ярославой Васильевымъ, за Ивашкою Поспѣловымъ по оброчной 103-го году Денисовской деревни, пахотные земли ... межа сверху отъ *Бутаковы* земли, снизу отъ *Кичиженской* пустоши, старого оброку 10 денегъ, пошлннъ полденги. Деревни *Аванасьевскія* за Тренкою Истоминымъ сыномъ Бородинымъ, по оброчной 97-го году по купчей 131-го году въ *Наль-стровѣ* въ *Долгахъ* поженкахъ острова оброку 5 алтынъ, пошлннъ полторы деньги. Деревни *Григорьевской* за Ефимкомъ да за Кондрашкомъ Бачуриными по оброчной въ 97-мъ году пустошь, что была деревня *Шашматова*, а въ ней дворовое мѣсто ... Деревни *Луховской* за Пятункою Клементьевымъ по оброчной 103-го году на усой верѣти на *Бору* промежъ Куростровомъ и Залыевымъ пашни перелога худыя земли поплъ осьмины въ поплъ... Деревни Луховской за Миткою Хабаровымъ, по оброчной 97-го года за *Езовою* площадью за перелоемъ и отивъ *Черныя грязи* да источекъ въ *Холуево* озерко .. Деревни *Таражановской* за Москомъ Семеновымъ сыномъ *Бушковымъ*... подѣ острова *Жаравинца курика* жаравовская, да въ Ракульской юрмолѣ плоская Лыпка да озеро *Лодевское* съ истокомъ, рыбные ловли... За тѣмъ по оброчной 107-го году противъ *Посада* за *Поповскимъ* истокомъ за *Забохоровскою* поженкою сѣна 10 копенъ да за *Пековардинскимъ* озеркомъ пустошка... Церковная, Христова Стратотерца Дмитрія по оброчнымъ книгамъ пустошь *Лукачевская*, а въ ней два мѣста дворовыхъ .. Церковная жъ Стратотерца Христова Дмитрія по оброчнымъ книгамъ — *Басовская Борисовская* тожъ, а въ ней крестьянинъ Степанъ Севастьяновъ сынъ Трыбловъ, пашни паханые и съ отхожею пашнею, что на *Круглицѣ* и въ *Панковѣ* Кути серединѣ земли осьмина... *Скрипчевская* тожъ, а въ ней крестьянинъ Костыка Антоновъ сынъ Машовъ, пашни паханые и съ отхожею пашнею, что на *Евземичѣ*... (Деревня) *Кичиженская*, а въ ней крестьянинъ Тимошка Ивасѣвъ сынъ Мартемьяновъ... Что была деревня *Хмельевская*, а въ ней мѣсто дворовое... Церковная жъ стратотерца Христова Дмитрія по данной въ 102-мъ году деревни *Нестеровской* пашни паханые и т. д. .. поженка въ *Янземичѣ* горбова гора въ *нижней Юрмолѣ* сѣна 15 копенъ .. Деревни *Сивковской* за Лучкою Каманинымъ по оброку 109-го году въ лугу возлѣ *Вечтуем* кономъ къ *Долгому* озеру, что падеть отъ рѣчки изъ *Куруполки* пашни паханые и проч... деревни *Григорьевской* за Еонкомъ да за Кондрашкомъ Бачуриными наволочекъ *Булановской* росчись, дужокъ, пашни паханые и съ тѣмъ, что на *Домонтовѣ*... (Деревня) *Луховская* за Миткою Хабаровымъ по оброчнымъ книгамъ на зимней сторожѣ за Анцами топя Быстрица... Деревни *Поколотовской* за трѣбникомъ Исаковымъ сыномъ да за Ромашкомъ да за Якимкомъ Константиновыми дѣтьми Автоманова по сотной книгѣ Князи Василья Звенигородскаго пустоши *Пянтунцевской* пожни, сѣнные покосы... пустоши *Чертищевскіе* пожни сѣна 22 коппы. Деревни Сивковской за Сенькой Ивановымъ сыномъ Демущинымъ съ братьями по сотной книгѣ пустошь *Климовская* безъ жеребья ... Деревни *Калитинской* за Трышкою Васильевымъ сыномъ Борисовымъ по купчей 107-го году на Лѣтней сторожѣ топя заѣбнинская большая да топя Заѣбнинская малая, да топя Пановская, да топя Жерновская и Ивановскіе Банева... Деревни *Тучковской* за Ивашкой Леонтьевымъ сыномъ Субботинымъ, что ему изъ подлачи старое его владѣніе *Костешенская* поженка противъ *Родины* горы съ верхняго конца отъ *Пуниныхъ* земли, а съ нижняго отъ *Петровскіе* земли, а по концу отъ *Спасской* земли, а по другую отъ *Лывы*... Деревни *Аванасьевской* за Кузькой Бородинымъ за его пашнею въ Ракульской Юрмолѣ, затульный лѣсъ ельничъ и вереснякъ, да въ *Нальѣ* островъ затульный же лѣсъ и ивнякъ и черемушникъ отъ *Становѣ* и отъ Лукинской за своскъ пашнею отъ

Димитріевской земли по верхнюю сторону отъ рѣки и отъ истока до Димитріевской земли... Деревни Тучковской за Ивашкой Константиловымъ сыномъ Бачуринимъ въ Нальѣ островъ за рѣкою... за мостовымъ *Кутомъ* росчись, да рѣтице на *Сорожѣ* да лѣсъ да *Ефимьевы* пожни да *Источекъ*... Деревни Григорьевской за Ефимкомъ да за Кондрашкомъ Бачуринимъ за *Будановскою* росчисью за волочкомъ лѣсокъ на затулѣ до *Плоской* лывы, и отъ Плоской Лывы по истоку возлѣ меньшую *Ватермолу* до клочка и до подрѣчья и въ истоки рыбыны ловли... Деревни *Остевской* за крестьяны за Стефаномъ Васильевымъ да за Елпфанкомъ Вахрамѣевымъ Рѣзановыми въ *Залвской Юрмолѣ* сухая лыва *Вятульга*... а порука по нимъ въ оброкѣ Ивашко Амосовъ сынъ *Корелянинъ*... Деревни Калитинской за Андришкой Буровымъ да деревни Аванасьевской за Каринкомъ Петровымъ да деревни *Настасьевской* за Каринкомъ Ивановымъ Бетюкова, да деревни *Строительской* за Ивашкой Гурьевымъ на зимней сторонѣ простой морской берегъ, промыселъ красной, рыбная ловля отъ Красныхъ озеръ, отъ договья въ морской конецъ до рѣки Майды и отъ Майды до Кедовки да и Майду рѣчку и Кедовку съ озерки и съ истоки и съ вершинами оброку 6 алтынъ 4 деньги, пошлинъ 2 деньги... Деревни Поколотовской за крестьяны за Петрушкою да за Кирьянкомъ Зиновьевыми Демидова старое ихъ владѣніе по купчей 121-го году въ Пальостровѣ въ *Долгихъ Качижинскіе* пустоши и Лукачевская тожъ... Куростровской-жъ волости за крестьяны были на оброкѣ сѣнные покосы на *Постковѣ* за *Таракинскою* деревнею польдо... за Патракейкомъ за Башаромъ было на оброкѣ по *Нижней Нарвѣ* въ *Рыбной головы* островокъ *Луновецъ* и Патракейка не стало, а островокъ снесло водою, оброку было два алтына, пошлинъ деньга". (Писцовая книга Мирона Вельминова листы 560 по 578-й *).

Весь только что представленный документъ самъ за себя говоритъ; подробности чего нѣтъ сообщеній о Куростровѣ ни до Ломоносова, ни въ періодъ его жизни. Полный разборъ этой копии съ писцовой книги могъ занять бы очень много мѣста, я же представляю его только въ томъ объемѣ, какой позволяетъ дѣйствительная потребность интересующихся Куростровомъ.

Прежде всего надобно обратить вниманіе на перечень и наименованія деревень. Съ внѣшняго взгляда можно подумать, что Куростровъ уже и въ XVI вѣкѣ представлялъ собою населеннѣйшее мѣсто, такъ какъ въ немъ насчитывалось 20 деревень, собственно ему принадлежащихъ и сверхъ того четыре участка, прежде бывшіе подъ деревнями, но почему то опустѣвшіе, затѣмъ еще въ двухъ верстахъ къ юго-востоку было разбросано селеніе Залвское съ церковью, зависѣвшею отъ Курострова, какъ основной для него общины. Но при внимательномъ разборѣ дѣла съ внутренней стороны оказывается, что населеніе Куростровской волости было очень незначительно, и что нѣкоторыя деревни, наиримѣръ—Ильинская, имѣла 1 дворъ и 4 кельи нищихъ, Семеновская и Шиздерская вмѣстѣ имѣли 3 двора и 7 тяглыхъ людей, да это же наблюдалось и включительно по весь XIX вѣкъ, пока въ его послѣдней четверти не слились въ обширные участки эти мелкіе безпорядочно выросавшіе выселки. Изъ всей массы наименованій деревень, находящихся въ копіи писцовой книги, нынѣ совершенно забыты крестьянами только четыре: Ильинская, Шиздерская, Семеновская и Калитинская, затѣмъ имена Басовской и Квичженской деревень перенесены на земельные участки, когда-то къ нимъ прилежавшіе, даже пустоши Шахматова и Лукинская, еще въ XVI вѣкѣ лишившіеся значенія населенныхъ пунктовъ, теперь еще остались со своими столь давними названіями. Прочія же всѣ деревни до сихъ поръ опредѣляются документально и по мѣстамъ нахождения и по изстари хранившимся прозвищамъ. Какимъ же былъ Куростровъ по своимъ общимъ внѣшнимъ очертаніямъ въ XVII и началъ XVIII вѣка? Уже упоминалось ранѣе, что онъ представлялъ собою круглый холмъ, возвышавшійся правильнымъ полушаріемъ надъ гладкою равниною съ сѣвера и востока и надъ

*) Памятная книга Куростровской церкви и при ней особо копія съ писцовой книги.

излучиною Курополки съ юга и запада. Наивысшая точка подъема Куростровскаго холма сводится къ его срединѣ, она была увѣнчана чудною еловою рощею и звалась *Палишинскою горою*, впоследствии она сдѣлалась вотчиною Холмогорскихъ архіепископовъ.

Всѣ деревни правильнымъ кольцомъ размѣшались по спуску къ подошвѣ холма, такъ, что идя изъ одной въ другую всегда, было можно придти на прежнее мѣсто съ обратной стороны, не уклоняясь ни направо, ни налево. Деревни лежали группами, но будучи растянуты по окружности холма, близко подходили одна къ другой; ихъ распорядокъ очень удобно выяснится, если мы раздѣлимъ Куростровъ двумя перпендикулярно пересѣкающимися діаметрами по направленію четырехъ сторонъ свѣта, и если указывать станемъ деревни по направленію въ одну сторону, наиримѣръ, къ востоку. Такимъ образомъ въ юго-восточномъ сегментѣ будетъ: 1) церковный погостъ или бѣлая Ильинская деревня, 2) затѣмъ, деревня Григорьевская, 3) Заулицкая, 4) Луховская и 5) Стрительская, гдѣ-то среди нихъ, вѣроятно около Дудина ручья, слѣдовало быть деревнѣ Семеновской. Рядомъ въ сѣверо-восточномъ сегментѣ слѣдовали деревни: 1) Кичиженская, 2) Шиздерская и 3) Осѣевская, а между ними Шахматова пустошь. Въ сегментѣ сѣверо-западномъ по направленію тому же, т. е. теперь къ западу,—шли деревни: 1) Басовская и близъ нея Лукачевская пустошь съ признаками бывшей тутъ Лукинской деревни, неподалеку въ глубину холма уклонялась Хмелевская пустошь, тутъ же лежала 2) Скрыповская деревня и отъ нея недалеко 3) Таракановская съ примыкавшею къ ней Постковскою землею. Наконецъ въ юго-западномъ сегментѣ первую съ сѣвера на югъ былъ, вѣроятно, Калитинская деревня, а за нею слѣдовала и теперь существующая 2) деревня Сивчевская, ближе къ церкви, 3) Поколотовская, а еще плотнѣе примыкали къ погосту деревни: 4) Аванасьевская, 5) Тучковская, 6) Настасьевская, 7) *Денисовская*, 8) Нестеровская. Деревня Денисовская и по днесь не можетъ быть забыта никѣмъ изъ тѣхъ, кому дорога Россія, такъ какъ въ ней родился и провелъ свои дѣтскіе годы Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Что касается остальнаго матеріала, какимъ изобилуетъ писцовая книга Мирона Вельяминова, то о немъ можно бы изложить въ высшей степени богатую содержаніемъ особую главу, но принятая задача въ настоящемъ очеркѣ родины Ломоносова требуетъ ограниченія излишняго простора; и читатель едва-ли бы увлекся, пробѣгая глазами опытъ, наиримѣръ, детальнаго указанія, гдѣ именно находится тотъ или иной участокъ, то или иное мѣсто изъ упомянутыхъ въ копіи писцовой книги, когда все это и мѣстному крестьянину покажется лишь относительно цѣннымъ. Скажу вкратцѣ, что обильный запасъ наименованій всякихъ мѣстъ, урочищъ, рѣкъ, озеръ, болотъ, холмовъ, находимый въ писцовой книгѣ Мирона Вельяминова, Куростровцы помнятъ и теперь почти весь сполна, исключая лишь очень немногое и довольно несущественное, причѣмъ такому сбереженію съ глубокой старины и до сихъ поръ имѣлось одно общее начало, о которомъ будетъ нѣсколько словъ далѣе. Самое главное и самое важное, на чемъ исключительно должно сосредоточить вниманіе, есть то именно, какимъ Куростровъ былъ при Миронѣ Вельяминовѣ, такимъ же онъ оказывался и при Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ, и если къ сообщаемому въ писцовой книгѣ присовокупить извѣстное изъ церковнаго архива и преданій мѣстныхъ крестьянъ, то получится, исключая развѣ попутный обзоръ вообще все-

го Холмогорскаго края, современнаго Ломоносову, вполне законченная картина, въ которой едва-ли будутъ замѣтны мелочныя пробѣлы.

Начнемъ въ порядкѣ, какой даетъ намъ конія изъ писцовой книги. Первымъ долгомъ упомянемъ *церкви*, этотъ основной и виднѣйшій центръ сельской жизни стараго добраго времени. При Ломоносовѣ Куростровъ имѣлъ два деревянныхъ храма: одинъ—въ честь великомученика Димитрія Солунскаго, другой—въ честь великомученицы Екатерины. Оба они были выстроены по одному плану съ шатровымъ верхомъ, и примѣнительно къ тому, какъ въ настоящее время Димитріевская церковь приспособлена для богослуженій лѣтомъ, а Екатерининская—зимою, вѣроятно и тогда въ Димитріевской молились съ наступленія весны до осени, а въ Екатерининской съ осени до будущей весны. Храмы стояли тѣсно другъ къ другу на берегу Курополки какъ разъ противъ середины Курострова по направлению нѣсколько къ юго-востоку и были окружены домами бѣлой Ильинской деревни, составившей церковный погостъ. Отсюда,—на томъ же берегу Курополки, спустясь саженъ 200 къ западу, начиналась *Денисовская* деревня, гдѣ и находилось родное пепелище Михаила Васильевича Ломоносова. Ему современная церковь Димитріевская, самая древняя по началу, документально упоминается въ 1446 году, имѣвшею священника Захарію, діакона, пономаря, обезпеченныхъ приличнымъ содержаніемъ *); нѣтъ ничего препятствующаго допустить давность этого храма возходящею даже и къ XII вѣку, когда Холмогоры уже во многихъ мѣстахъ имѣли храмы и по судной грамотѣ 1138 года платили Новгородскому владыкѣ церковную дань Куростровъ, Иванъ-погостъ и другія населенныя мѣста. Храмъ Екатерининскій, какъ показываетъ писцовая книга и частью надпись на одномъ изъ принадлежащихъ ему престольныхъ евангелій (хранится въ библиотекѣ Архангельской духовной семинаріи), былъ отъ самаго начала XVI вѣка, если не ранѣе того.

Очевидно, Куростровъ располагалъ еще и въ XVI вѣкѣ нѣкоторою достаточностью, когда могъ содержать два храма и въ нихъ всегда имѣть приличную обстановку, *свѣчи, книги и всякое церковное строеніе приходное*, кромѣ того храмы были обширны, дополняясь трапезами, и около имѣли свои особые дома для священно и церковно служителей. Черезъ 25 лѣтъ послѣ того, какъ Миронъ Вельяминовъ трудился въ Куростровѣ, занеся справки въ свою писцовую книгу, Димитревскій храмъ былъ подвергнутъ какому-то крупному ремонту, вслѣдствіе чего въ 1648 году былъ освященъ. На это указываетъ надпись, хранящая на крестѣ подъ престоломъ:—*„Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и водруженъ бысть крестъ сей въ церкви святого Великомученика Димитрія Солунскаго лѣта 7156 мѣсяца іюня въ 22 день при Благоутрѣномъ Царѣ и Великомъ князѣ Алексѣй Михайловичѣ всея Россіи и при Митрополитѣ Авооніѣ великаго Новаграда“... **)* Спустя еще 60 лѣтъ, таже церковь вторично ремонтировалась изъ-за поврежденій, нанесенныхъ ударомъ молніи чрезъ главы лѣтомъ 1706 года. Вѣроятно ударъ этотъ такъ былъ силенъ, что не только поломалъ наружность шатра, но и опалилъ даже внутренность церкви, гдѣ между прочимъ подверглись огню и принадлежности престола, изъ коихъ пришлось замѣнить новымъ святой антиминь, о чемъ можно предполагать на основаніи выдачи такового Архіепископомъ

*) Архан. Епархіальная Вѣдом. 1909 года, добавленія стр. 738—742.

**) Памятная книга Куростровской церкви 1887 года листъ 5 и 6.

Сильвестромъ въ 1706 году. Сей антиминсъ и теперь еще остается въ богослужебномъ употребленіи. Что касается храма Екатерининскаго, то при Ломоносовѣ онъ былъ не болѣе, какъ трехъ десятилѣтій по отстройкѣ заново. Храмъ, извѣстный въ свое время Вельяминову, сгорѣлъ отъ невыясненной причины 19 сентября 1680 года.

Немедленно же послѣ такого печальнаго происшествія начались хлопоты Куростровскихъ крестьянъ о постройкѣ новаго храма и на просьбу отъ всей волости къ Новгородскому митрополиту Корнилію послѣдовала 4 марта 1681 года благословенная грамота:—„на новую церковь лѣсъ ронить и всякій церковный запасъ готовить.... воздвигнуть церковь на старомъ церковномъ мѣстѣ, а верхъ бы этой церкви былъ не шатровый, и алтарь учинить тройной.... и тую церковь освятить попу со діакономъ по чину, какъ о томъ напечатано въ повосисправленномъ печатномъ требникѣ, и на освященіе тоя церкви антиминсъ отъ Софійскія и изъ нашей казны мы дать велѣли“. (Памятная книга Куростр. ц. 1887 г. л. 5 и 6). Послѣ окончательнаго ремонта въ 1709 году этотъ храмъ неизмѣнно стоялъ полстолѣтія, и въ немъ, вѣроятно, крещенъ былъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, такъ какъ въ прежнее время крещеніе младенцевъ принято было совершать только въ церкви, а не на дому, и давность еще не изгладила памяти въ народѣ о такомъ обычаѣ, нынѣ далеко не вездѣ извѣстномъ.

При Ломоносовѣ, въ родныхъ ему церквахъ служили уже два священника, именно Алексѣй Ивановъ и Іоаннъ Димитріевъ, имена ихъ упомянуты церковною лѣтописью подъ 1706 и 1725 годами и такъ какъ наиболѣе раннее свидѣтельство указываетъ лишь одного отца Алексѣя, то онъ, всего вѣроятнѣе, и крестилъ Михаила Васильевича Ломоносова 8 ноября 1711 года, уже судя по этой порѣ, въ зимнемъ, т. е. Екатерининскомъ храмѣ.

Усиленіе церковнаго штата въ Куростровѣ при Ломоносовѣ зависѣло, должно быть, отъ особаго роста Куростровской волости, которая тогда, хотя дополнялась приписанною къ ней Залывскою церковью, также имѣвшею особый причтъ, по его близость являлась не вполне достаточнымъ вспоможеніемъ. Отсюда само по себѣ открывается, что благосостояніе родины Ломоносова замѣтно росло, и сто лѣтъ тому вазалъ бывшее давало лишь половину современной Ломоносову широты трудовой и всей домашней крестьянской жизни. Но внѣшній типъ, какимъ проявлялъ себя Куростровъ въ началѣ XVIII вѣка, едва-ли измѣнился по сравненію съ тѣмъ, что видѣлъ Миронъ Вельяминовъ. Содержимое въ его писцовой книгѣ, въ своихъ существенныхъ частяхъ, подходит очень близко и къ преланіямъ народа о Ломоносовѣ и позднѣйшимъ мѣстнымъ архивнымъ матеріаламъ; такимъ образомъ одно другое дополняя, одно служа другому къ разъясненію, дастъ въ общемъ очень интересную по полнотѣ картину.

Тотъ скромный уголокъ, гдѣ было суждено Ломоносову впервые видѣть свѣтъ, въ настоящее время измѣнился до неузнаваемости. Тогда здѣсь высокій берегъ Курополки острымъ колѣномъ далеко вдавался къ югу, живописно выдѣляясь предъ низменнымъ островомъ и въ этой излучинѣ имѣлъ цѣлую деревню, именовавшуюся *Денисовскою*. Одинъ изъ послѣднихъ ея дворовъ сѣверо-западнаго конца принадлежалъ Ломоносову. Въ какой-нибудь сотнѣ саженъ къ востоку отъ верхняго конца Денисовки тоже на берегу рѣки разбросанъ былъ церковный погостъ съ двумя деревянными храмами и причтовыми домами при нихъ.

Эти храмы имѣли шатровый верхъ и по объему назначались для незначительнаго количества молящихся, а колокольня при нихъ едва-ли была. По ту и другую сторону церковей берегъ рѣки былъ занятъ крестьянскими дворами, разбросанными кое-какъ безъ всякаго порядка, а позади ихъ лежала низменная грязная болотина, вслѣдствіе чего всѣ эти „дворища“ въ общей совокупности носили издавна прозвище „Болото“, а жители ихъ—*болочана*.

Весною и осенью эта окраина Курострова положительно утопала въ грязи и лужи, точно озера могли служить для судоходства. Особеннымъ обиліемъ воды отличалось усадебное мѣсто Ломоносовыхъ, гдѣ даже и среди лѣтнихъ жаровъ стоялъ естественный глубокой трудъ, оставившій слѣды свои и до сихъ поръ.

Грязной болотинѣ, разстилавшейся на землѣ, вполне вторили своимъ видомъ и однообразные сѣрые и черные дома, курныя избы и бани, кое-какъ сложенные скотные дворы и непролазные кучи хвороста, разныхъ обломковъ, отбросовъ и хозяйственнаго рабочаго скарба около ихъ.

Не безынтересно заглянуть и во внутреннюю обстановку современныхъ Ломоносову жилищъ на его родинѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые отживавшіе свой вѣкъ типы еще самъ я выдалъ и обстоятельно зналъ. Курныя избы имѣли обычный видъ постройки въ одинъ этажъ, крытый лабазомъ. Внутри онѣ состояли изъ обширнаго открытаго помѣщенія съ низкимъ потолкомъ и маленькими окнами, съ очень тѣсными входными дверьми, съ глинобитною печью безъ трубы. Въ бѣлыхъ одноэтажныхъ домахъ весь низъ составлялъ помѣщеніе для всякой домашней рухляди и всегда имѣлъ мучной подвалъ, изрѣдка-кухонное помѣщеніе для заготовокъ горячаго корма скоту, именуемое „паревню“, но чаще просто семейную кухню, приспособленную для постоянного житья. Тамъ, гдѣ грунтъ благоприятствовалъ, имѣлись и погреба въ подвалахъ. Ходъ снаружи въ подвалъ снабжался широкими, часто двухстворчатыми воротами такой высоты, что въ нихъ могла зайти лошадь въ полной упряжи. Верхъ этихъ воротъ имѣлъ многогранный закругленный косякъ, иногда и съ украшеніями, какъ прилично парадному входу. Отсюда дѣйствительно черезъ просторнѣйшія сѣни вела на верхъ массивная лѣстница. Часто она устраивалась колѣнчатою и украшалась перилами на точеныхъ балясахъ, этими же перилами обносились и края проруба верхнихъ сѣней. Первыми дверьми отъ лѣстницы обычно были тѣ, что вели въ свѣтелку. Это помѣщеніе чистое, въ немъ рѣдко ставили печь, оно чаще выдавалось уступомъ впередъ отъ входныхъ снизу воротъ, занимало весь фасадъ одноэтажнаго дома и назначалось исключительно для приѣма гостей, для праздничнаго торжества, а зимою даже при теплой погодѣ свѣтелка служила мѣстомъ званныхъ обѣдовъ и угощеній. Въ богатомъ домѣ свѣтелка украшалась множествомъ иконъ, случалось видѣть мнѣ цѣлыя старинныя иконостасы; въ свѣтелкѣ же помѣщались открытые буфеты, комоды и сундуки съ наиболее изящною отдѣлкою; богачи наполняли свѣтелку и особою мягкою мебелью, у простыковъ же были простые грубо сколоченые диваны, кресла, табуреты, скамьи. Затѣмъ слѣдовали помѣщенія и для всегдашняго въ нихъ пребыванія. Всѣ дома равно снабжались очень узкими окнами, причеъ въ свѣтелкахъ богачей эти окна обладали желѣзными рѣшетками внутри и расписными ставнями снаружи. Двухъэтажныя зданія встрѣчались рѣдко съ хорошимъ устройствомъ. Обычно верхи не

добраивались и служили только гнѣздовьями воронамъ, галкамъ, голубямъ и мелкой птицѣ. Хозяйственная обстановка бѣдныхъ и зажиточныхъ крестьянъ равно ограничивалась необходимѣйшими лишь предметами. Богатые щеголяли наиболѣе всего одеждою, въ остальномъ же и въ ежедневномъ порядкѣ дѣль шли совершенно одинаковымъ съ другимъ типомъ и капитальнѣйшіе тузы мало чѣмъ выдѣлялись. Всѣ незатѣйливые предметы домашняго обихода изготовлялись мѣстными средствами, одежда тоже. Какъ мужчины, такъ и женщины въ рабочую пору снаружи одѣвали однообразные поятки, кафтаны, тулупы, валенки и сапоги.

Средствами для существованія кровныхъ единообщественниковъ Михаила Васильевича Ломоносова служили самые разнохарактерные источники. Прежде всего они располагали довольно широкими душевыми надѣлами, были свободны отъ всякой крѣпостной зависимости, являлись владѣльцами множества расчистокъ, повинъ и арендныхъ статей, такъ что въ хлѣбѣ и покосахъ не имѣли скудости. Затѣмъ, ихъ сосѣдство съ превосходными материковыми лѣсами и островными угодьями доставляло неисчерпаемые выгоды въ охотничьемъ дѣлѣ, и это, повидимому, куростровцы не опускали между рукъ, такъ какъ еще и Миронъ Вельяминовъ часто указывалъ на оброки, платившіеся за ловлю дичи и стрѣльбу звѣря, если не за другое что, именовавшееся *загубскимъ и пицальнымъ дѣломъ*. Далѣе,—очень доходную статью должны были извлекать земляки Ломоносова изъ мѣстной рыбной ловли, такъ какъ близость Двины и другихъ рѣкъ и множество озеръ служили превосходнѣйшимъ источникомъ всегдшняго обезпеченія провизіею и въ домахъ и на базарѣ. Сверхъ этого куростровцы пользовались громаднѣйшими промысловыми надѣлами въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ, гдѣ, конечно, работали наиболѣе состоятельные владѣльцы, остальные же могли отдавать имъ свои участки и въ аренду, какъ можно видѣть изъ писцовой книги Мирона Вельяминова. Наконецъ, близость города, энергичная кипучая дѣятельность Вавчужской судостроительной верфи, находившейся недалеко отъ Курострова, великолѣпнѣйшій водный путь, пропускавшій въ рѣки глубоко сияющія суда, развитіе землевладѣльчества въ хозяйствѣ Холмогорскихъ архіепископовъ и сосѣднихъ монастырей—вездѣ требовали множества наемныхъ рабочихъ рукъ, и все это въ общей массѣ доставляло землякамъ Ломоносова вѣроятно очень серьезный доходъ. И мнѣ думается, что совершенно ошибочно, слишкомъ поверхностно распространилась о Ломоносовѣ молва, будто бы онъ родился и проводилъ свое дѣтство среди крайней бѣдности, среди горькаго непрогляднаго убожества. Это, повидимому, одѣ лишь сгущенныя краски, чтобы порельефнѣе выдѣлить личность Михаила Васильевича, но едва ли такая попытка способна хоть немного оправдать свои цѣли. Дальнѣйшее же основаніе непрерываемыхъ документовъ покажетъ совсѣмъ другое.

Правда, въ обычной сѣренькой крестьянской массѣ начала XVIII вѣка, почти нигдѣ не наблюдалось лишнихъ и ненужныхъ стремленій къ комфорту; да это на родинѣ Ломоносова въ рѣшительной степени замѣтно и теперь, особенно въ болѣе отдаленныхъ уголкахъ. Еще и теперь есть дома и деревни, гдѣ мирный обыватель имѣетъ и приобретаетъ лишь одно необходимѣйшее, хотя въ общемъ онъ способенъ располагать средствами и на нѣчто относящееся къ уловствію. Но такая обстановка едва-ли можетъ быть признана и названа бѣдностью, когда она не гонитъ крестьянина ни къ попрошайничеству, ни къ при-

ниженности, ни къ батрачеству, ни къ маклачеству. Это—золотая середина, полная уравновѣшенность, видимое счастливое довольство даннаго рода жизнью.

Впрочемъ, и бѣдность въ нѣкоторой степени могла быть присуща Денисовкѣ, потому что мѣстное преланіе издревле характеризуетъ болочанъ пьяницами. Изобиліе средствъ существованія могло быть со-блазномъ очень большой руки и усердные поклонники Бахуса, конечно, могли исчерпывать всѣ свои ресурсы,—но Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ въ своемъ дѣтствѣ только издали видѣлъ эту картину, самъ находясь въ обстановкѣ, которая ничуть не указывала на нищету и подобное ей.

Не желая далѣе распространяться о томъ, что каждому легко представить о деревенской жизни, но предполагая внести необходимыя свѣдѣнія по мѣрѣ дѣйствительной въ томъ надобности уже при очеркѣ дѣтства самого Михаила Васильевича Ломоносова, здѣсь я считаю общій взглядъ на Денисовку оконченымъ. Остается перейти къ біографическимъ свѣдѣніямъ о Ломоносовѣ, поскольку намъ даетъ ихъ его родина, что уже составитъ дальнѣйшій отдѣлъ.

Свящ. Арх. Грандильевскій.

Родина Ломоносова

(въ отношеніяхъ къ самому Мих. Вас. Ломоносову).

Много распространено повѣстей о дѣтствѣ Михаила Васильевича Ломоносова; но въ общемъ онѣ не носятъ въ себѣ оригинальности и являются едва-ли не разработкою личной фантазіи авторовъ, любившихся чѣмъ-либо поразнообразить довольно монотонную картину. Общая мысль всѣхъ этихъ статейъ бьетъ положительно на одну тему—будто бы Ломоносовъ провелъ свои дѣтскіе годы въ самой крайней нищетѣ и среди такой гнетущей нравственной атмосферы, которая грозила убить въ немъ всякія движенія къ лучшему. И на сгущеніе такихъ красокъ біографы повидимому не скупились, но живая дѣй-

ствительность едва-ли была такова, чтобъ отвергнуть вліяніе родины съ положительной стороны на развитие гениальности въ Ломоносовѣ.

Послуживъ родиѣ Ломоносова 12 лѣтъ и за это время изыскивая все, чѣмъ богата была она своимъ прошлымъ, я получилъ свѣдѣнія, почти противорѣчащія общераспространенному взгляду на дѣтскіе и отроческіе годы Ломоносова. Онъ, какъ уже окончательно я убѣждаюсь, жилъ далеко не въ той обстановкѣ, относительно которой говорили мнѣ въ школѣ, и читаль я въ рассказахъ; родная Ломоносову Денисовка не убивала въ немъ стремленій къ наукѣ, а напротивъ разжигала до неудержимой силы. Ломоносовъ не самъ собою, внѣ окружавшей его обстановки, получилъ и развернулъ свою гениальность, но, думаю, исключительно подъ вліяніемъ родимаго уголка, гдѣ имѣлись тогда соответствующіе и люди и пособія. Я рѣшаюсь приступить къ изложенію подручнаго мнѣ матеріала, собраннаго и отысканнаго исключительно на родиѣ Ломоносова, съ цѣлью сберечь его отъ окончательной утраты среди быстро смѣняющейся тамъ бытовой обстановки.

Первымъ долгомъ, вниманіе будетъ остановлено на родномъ Михаилу Васильевичу Ломоносову домашнемъ очагѣ. Мѣсто деревни *Денисовской*, гдѣ родился и провелъ ранніе годы своей жизни М. В. Ломоносовъ, уже давно стерто весенними льдами и волнами Сѣверной Двины. По времени и быстрая рѣка однако пощадилъ тотъ копецный уголокъ Денисовки, который по направленію къ сѣверо-западу примыкалъ почти къ центру прежней Афанасьевской деревни, нынѣ совершенно слившейся въ одно съ нѣсколькими другими порядками дворовъ, тоже имѣвшими особая названія, какъ бы деревни. Въ этомъ то удѣлѣвшемъ пунктѣ мѣстные крестьяне и указываютъ совершенно единодушно то священное и историческое мѣсто, которое ознаменовалось рожденіемъ здѣсь Михаила Васильевича Ломоносова. Оно занимаетъ приблизительно поддесятины пространства и лежитъ въ плоской низинѣ, значительную часть которой занималъ широкій, естественно образовавшійся прудъ. На югъ отъ окраины его, въ ближайшемъ однако сосѣдствѣ былъ, какъ говорятъ, домъ Ломоносова со скотнымъ дворомъ и глубокимъ колодезлемъ, служебными пристройками и всею вообще хозяйственною обстановкою человѣка, сравнительно передъ другими зажиточнаго. Окружающее мѣсто и прудъ составляли крестьянскую усадьбу Ломоносовыхъ, что подтверждается мѣстнымъ преданіемъ. Самый домъ былъ, безъ сомнѣнія, типъ лучшихъ построекъ, о чемъ сообщалось въ предыдущемъ отдѣлѣ моихъ очерковъ о родиѣ Ломоносова. Дальнѣйшее покажетъ, что отецъ Михаила Васильевича былъ человѣкъ, если и не богатый, то состоятельный по своему времени, сверхъ того трудолюбивый, аккуратный во всемъ, и поэтому, конечно, имѣвшій домъ совершенно своему почетному положенію въ обществѣ.

Фамилія Ломоносовыхъ, единственная не только въ Холмогорахъ, но и во всемъ сѣверѣ Россіи, существовала, по убѣжденію холмогорцевъ, издавна въ Денисовкѣ. Но преданіе, свидѣтельствующее объ этомъ, гласитъ еще и о томъ, будто бы дѣйствительной фамиліи Ломоносовыхъ не было, а имѣлось иноклѣніе Доросеевыхъ, почему-то получившихъ только уличное прозвище—Ломоносовыхъ въ наиболѣе позднее время. Куростровъ и въ частности Холмогоры очень богаты Доросеевыми и циркулирующее предположеніе о принадлежности Михаила Васильевича одному изъ этихъ семействъ имѣть за собой извѣстное основаніе. Еще до сихъ поръ существуетъ у холмогорскихъ крестьянъ,

довольно легко усматриваемое, обыкновеніе именовать нѣкоторыхъ со-общественниковъ замѣнить фамилій именами старѣйшихъ въ родѣ; такъ что если, наиримѣръ, прадѣды, дѣды и даже современные отцы звались Доросеями, Евсевіями, Пахомами, Николаями, то и потомки получаютъ въ собственность себѣ фамиліи по именамъ этихъ представителей, откуда и получаютъ Доросеевы, Евсеевы, Пахомовы, Николіны, быва-ютъ даже Акулинычи, или въ этомъ родѣ по женскимъ именамъ. Дѣдъ Михаила Васильевича Ломоносова носилъ имя Доросея, такъ что его единообщественники по обычаю своему могли усвоить и всей его даль-нѣйшей родовой линіи прозвище Доросеевыхъ, но совѣтъ отрицать фамилію Ломоносовыхъ положительно нельзя, хотя и нѣтъ о ней никакихъ документовъ ни въ церквахъ Холмогорскаго округа, ни въ другихъ мѣстахъ и учрежденіяхъ, исключая нѣсколькихъ манускрип-товъ Михаила Васильевича съ подписью его фамиліи, уцѣлѣвшихъ въ архивѣ его родной сельской церкви, а потомъ поступившихъ на хра-неніе въ Архангельскій музей при статистическомъ комитетѣ. Колебаніе кровныхъ земляковъ Ломоносова въ признаніи за нимъ этой фамиліи подлинною, почему-то очень замѣтно среди куростровскихъ крестьянъ, и они тѣмъ настойчивѣе говорятъ о немъ, что будто бы между Ломо-носовыми и нынѣ проживающими въ Куростровѣ несомнѣнными Доросеевыми имѣлось когда-то родство. Кромѣ сего куростровцамъ, вѣроят-но, хотѣлось признать фамилію Ломоносовыхъ мѣстною и коренною такъ же, какъ и нынѣшніе Доросеевы изъ вѣковъ были въ Куростровѣ и начало ихъ родословія затерялось въ мѣстной давности; но едва ли Ломоносовы всегда принадлежали Курострову. Если-бъ только это было подлинно такъ,—зачѣмъ и усиливаться ихъ сообщественникамъ при-своить себѣ данную родовую линію подмѣною фамиліи? Я предполагаю, что возникшее въ народномъ преданіи темное недоумѣніе о томъ, кому всецѣло принадлежатъ Ломоносовы, имѣеть себѣ начало въ дѣйстви-тельномъ фактѣ появленія этой фамиліи откуда-нибудь внѣ Холмогоръ и даже изъ внѣ нашего Сѣвера. Случайно, читая списки выборщиковъ въ члены Государственной Думы по Новгородской губерніи, я видѣлъ тамъ фамилію Ломоносова, да кромѣ того есть Ломоносовъ и въ соста-вѣ Думы третьяго созыва. Это ведетъ меня къ мысли, что такъ какъ Холмогоры издревле составляли самый привлекательный пунктъ новго-родской колонизаціи на Сѣверѣ, то въ общей массѣ переселенцевъ могъ быть и кто-либо изъ давнѣйшихъ предковъ Михаила Васильевича Ломоносова, переселившійся въ Куростровъ. И когда именно явился туда Ломоносовъ? Самымъ вѣрнымъ предположеніемъ, думаю, будетъ указаніе на тотъ годъ, когда Великій Новгородъ подвергся разгрому и лишенію своей свободы при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ въ 1571 году. Ломоносовъ могъ эмигрировать въ Холмогоры вмѣстѣ съ извѣстнымъ Баженинымъ, потомки котораго воздвигли первенцевъ рус-скаго торговаго мореходнаго флота на своей Вавчужской судострои-тельной верфи. Въ пользу этого предположенія много служить и то обстоятельство, что Миронъ Вельяминовъ въ своей писцовой книгѣ не упоминаетъ Ломоносова среди Куростровскихъ крестьянъ, платившихъ промысловые оброки за морскія статьи, между тѣмъ какъ эта семья занималась морскимъ промысломъ. Значитъ, она и въ концѣ XVI вѣка, и въ началѣ XVII не принадлежала Курострову вполнѣ, но лишь чис-лилась приписною къ деревнѣ Денисовкѣ, которая тогда существовала особо. И помимо этого, хотя Денисовку Вельяминовъ помѣтилъ лишь

обезпеченною тяглою землею, однако, и здѣсь не упомянуты Ломоносовы, тогда какъ преданіе относитъ ихъ всецѣло къ разряду крестьянъ землепашцевъ. Наконецъ, имѣется и еще одинъ фактъ, впрочемъ отдаленный по содержанию въ немъ,—это особенная развитость Василія Ломоносова, который, въ періодъ пребыванія сына своего Михаила еще при немъ, имѣлъ особенное вліяніе среди сообщественниковъ, пользовался очень почетнымъ званіемъ старосгы, велъ образцовое разнообразное хозяйство, былъ душою благотворительныхъ дѣлъ. Весьма вѣроятно, что такая его духовная разносторонность перешла къ нему въ наслѣдіе отъ предковъ, и прадѣды его, бѣжавшія отъ Грознаго Царя изъ Новгорода, вѣроятно были тамъ челоувкомъ изъ передовыхъ, ибо всего болѣе царскій гнѣвъ падалъ на предсавительнѣйшихъ лицъ и проявлявшихъ особую энергію въ защитѣ древнихъ новгородскихъ правъ, и имъ-то приходилось убѣгать.

Итакъ, для Михаила Васильевича Ломоносова его Денисовка и наши Холмогоры служатъ не безусловною родиною; фамильный корень его окрѣлъ не тутъ, здѣсь лишь выдвинулась отрасль гдѣ то затеряшагося начала, и это отозвалось въ народномъ преданіи, хотя неясною, однако же довольно ощутительною шаткостью сужденій о фамилии Ломоносова.

Что же представляла собою вся та обстановка, въ которой суждено было впервые увидѣть свѣтъ Михаилу Васильевичу Ломоносову? Отецъ его Василій Доросевичъ былъ тогда молодымъ, бойкимъ, крѣпкимъ труженикомъ, способнымъ вести и крестьянское хозяйство и довольно тяжелое дѣло морского промышленника. Домъ его, какъ свидѣтельствуеъ преданіе, представлялъ собою полную чашу. Помимо дворового скота, имѣлъ онъ и дворовую птицу, въ широкомъ прудѣ плавали утки и гуси; такая постановка хозяйства, очень рѣдкостная въ Холмогорахъ даже нынѣ, тогда могла составлять положительно чудо; и отсюда легко можно заключать, что Василій Доросевичъ былъ выдающимся лицомъ по своему практическому опыту и свѣтлой дѣловой проницательности, когда поставилъ свое хозяйство на высту, остальнымъ его сообщественникамъ неизвѣстную. Мало того,—онъ не упустилъ изъ виду и другую выгоду своей залитой водою усадьбы. Изъ пруда была проведена имъ канава въ рѣку для обмѣна воды, притекавшей въ прудъ, и кстати для осушки довольно топкой болотины, окружавшей его домъ. Получивъ свѣжую воду въ прудѣ, Василій Доросевичъ сталъ разводить и держать въ немъ рыбу, причемъ для загражденія выхода къ рѣкѣ имѣлась желѣзная рѣшетка вмѣсто плетня или частокола. Мѣстное преданіе, довольно категорично подтверждающее этотъ единственный образчикъ рыбнаго хозяйства въ Холмогорахъ, послѣ того никогда и нигдѣ тамъ не наблюдавшійся, было бы въ иѣкоторой степени слабо достовѣрнымъ, если бъ о немъ говорили только одиѣ книжки или мѣстные разсказчики, ссылаясь на возможность этого при широкой сообразительности Василія Ломоносова; но нашелся въ 1865 году усиліями извѣстнаго П. Ефименко такой аргументъ, который положительно увѣрять въ дѣйствительности только что приведенной біографической замѣтки, и едва-ли вызоветъ какія-либо возраженія.

Покопавшись уже въ засоренномъ грунтѣ и найдя точное мѣсто наиболѣе глубокой части пруда. Ефименко нашелъ желѣзную рѣшетку и начало когда-то заграждаемой ею канавы. Затѣмъ, уже дѣтъ пятнадцать тому назадъ или немного болѣе, при разработкѣ мѣста подъ школь-

ную усадьбу, былъ найденъ заброшенный колодезь, который приписываютъ къ признакамъ недалеко отсюда находящагося дома Ломоносова, потому что колодези обыкновенно стараются дѣлать въ деревняхъ какъ можно ближе къ дому, если не сразу же у бѣлыхъ или черныхъ выходныхъ вѣроть. Судя по тѣмъ очерчаніямъ усадебнаго мѣста, какія показываютъ старожилы, какъ бывшее когда-то хозяйствомъ Ломоносова, можно съ положительною достовѣрностью полагать, что домъ Василія Дорооевича стоялъ на нѣкоторомъ возвышеніи къ югу отъ пруда и фасдомъ на берегъ рѣки Курополки. Онъ былъ, повятно, устроенъ по образцу лучшихъ жилыхъ зданій,—въ типѣ, представленномъ уже въ предыдущей главѣ, такъ какъ примѣрное отношеніе Василія Дорооевича къ вѣшнему порядку, выдвинувшее его изъ ряда обыкновенныхъ крестьянъ, само собою приводитъ къ безусловной необходимости видѣть еще больший порядокъ, гдѣ самъ хозяинъ всегда бываетъ и живетъ. Этотъ домъ долженствовалъ порождать въ его владѣльцахъ и всѣхъ случайныхъ посѣтителяхъ самое жизнерадостное чувство. Изъ оконъ его развѣртывался лѣтомъ чудный видъ на Курополку, сверкавшую подъ крутымъ обрывомъ, живописнѣйшій Наль-островъ, съ его ельниками, озерами, покосами, и синѣющія вдали высоты двинскихъ лѣсистыхъ береговъ. Зимой и лѣтомъ подъ окнами дома Ломоносовыхъ пролегла дорога изъ города Холмогоръ въ людныя сосѣднія деревни и смежныя села. Здѣсь же пролегалъ путь къ мѣстной сельской церкви и цгоусту, видѣвшимся ближе полуверсты. Этотъ узловой пунктъ цѣлой массовой группы дворовъ и поселковъ, гдѣ находился домъ Ломоносова, и тогда и теперь долженъ быть признанъ за самое бойкое, веселое и лучшее мѣсто въ Куростровѣ, гдѣ мѣстный житель едва ли найдетъ достаточно основаній жаловаться на скуку и пустоту.

Душою семейнаго счастья Василія Дорооевича, его лучшею со-трудницею и хозяйкой являлась первая жена, родная мать Михаила Васильевича. Крайнѣ жалко, что имя ея забыто, между тѣмъ какъ оно вполнѣ заслуживаетъ благодарнѣйшую память. По своему происхожденію она была дочерью приходскаго дьячка изъ Матвигорскаго селенія, отстоявшаго въ 6 ти верстахъ къ западу отъ Курострова. Вѣроятная ея фамилія была, какъ можно предполагать по нѣкоторымъ даннымъ—Ивановская, и въ эту фамилію входитъ извѣстная теперь въ Архангельскѣ фамилія Ивановскихъ; впрочемъ безусловныхъ датъ на подтвержденіе сего не имѣется, однакоже существуетъ какое то смутное семейное преданіе, еще лишь ищущее и ожидающее соответственныхъ разъясненій. Преданіе ничего не сохранило о томъ, когда именно вѣнчался Василій Дорооевичъ Ломоносовъ первымъ бракомъ, но судя по обычаю того времени, можно предполагать, что его первая женитьба состоялась въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ около 1703 года, и супруга была тоже молодыхъ лѣтъ. Она, какъ сохранилось въ народной молвѣ, обладала выдающимися качествами души, отражавшими все наилучшее, и такимъ образомъ была вполнѣ достойною матерью гениальнѣйшаго сына.

Такимъ образомъ, убогая Денисовка, несмотря на все свое ничтожество, съ какимъ была извѣстна отъ самаго начала, могла однако дать Михаилу Васильевичу Ломоносову и исключительно обставленное мѣсто рожденія, и особо благоустроенный счастливый семейный очагъ, а главное такихъ родителей, которые являлись далеко не заурядными

людьми. Здѣсь прибавимъ нѣсколько подробностей о самомъ днѣ рожденія Михаила Васильевича Ломоносова.

Это событіе относится къ 8 му ноября 1711-го года. Однако, руководящимъ началомъ и здѣсь остается преданіе, подтверждаемое на родинѣ Ломоносова только однимъ многозначительнымъ „будто-бы“, да помѣткою въ церковной лѣтописи, которая по своей шаблонности и очень поверхностному способу изложенія никакой достаточной авторитетности не носитъ. О Ломоносовѣ она говоритъ такъ мало и такъ голословно, что болѣе лучшіе матеріалы всегда сообщить толковый деревенскій рассказчикъ, чѣмъ серьезная, повидимому, книга, имѣющая цѣлью представить всѣ достопримѣчательности и особыя явленія въ приходской жизни. Архивъ Куростровской церкви тоже ничего не имѣетъ; метрическія книги и росписи съ обозначеніями всѣхъ фамилій мѣстнаго сельскаго общества не восходятъ далѣе 1775 года, и въ архивахъ Ломоносовскаго волостнаго правленія и сосѣдняго Товренскаго также нѣтъ никакой старины. Все это было тщательно мною провѣрено, и уже вновь кому-либо туда заглядывать, въ цѣляхъ что-либо найти о Ломоносовѣ, рѣшительно бесполезно: вездѣ абсолютная пустота.

И мало того, что нѣтъ ясныхъ документовъ о днѣ рожденія Ломоносова на его родинѣ,—даже тамъ, гдѣ лучше и болѣе слѣдовало бы знать о немъ, тоже не видно окончательныхъ свѣдѣній, и 1711-й годъ составляетъ лишь условную, приблизительно допускаемую дату. Впрочемъ, мнѣ извѣстенъ еще одинъ уголокъ, куда никто не заглядывалъ въ поискахъ за документами о рожденіи Ломоносова, но во всякомъ случаѣ посмотреть было бы необходимою. Это—нашъ мѣстный Архангельскій церковно-археологическій музей, именуемый Епархіальнымъ Древне-хранилищемъ; здѣсь должны быть *духовныя росписи* холмогорскаго духовнаго правленія, и, какъ я слышалъ, между ними едва ли не существуютъ экземпляры изъ холмогорскаго округа за первую четверть XVIII-го вѣка. Такъ что, если сбереглось хоть немного и по Курострову, тогда годъ рожденія Михаила Васильевича Ломоносова отыщется, но коль скоро нѣтъ такихъ документовъ, то уже нечего больше искать, и останется предоставить дѣло какой-либо выдающейся случайной находкѣ, безъ опредѣленной теперь ея вѣроятнаго мѣста пребыванія.

Руководясь народнымъ преданіемъ, вообще принято за вѣроятнѣйшее считать день рожденія М. В. Ломоносова въ 1711-мъ году на 8-е ноября; сочту пужнымъ сказать, что 8-е ноября это лишь день ангела Михаила Васильевича, но не подлинно день рожденія, указать который никто не можетъ. Только имѣя въ виду, что крестьяне наши и теперь ничуть не медлятъ крестинами, сиѣща выполнить этотъ обрядъ возможно скорѣе по рожденіи младенца, а затѣмъ, всячески избѣгая давать новорожденнымъ имена, случившіяся до рожденія, но выбирая лишь тѣ, кои будутъ или въ самый день явленія младенца на свѣтъ, или же далѣе въ ближайшія числа, все это въ общей суммѣ приводитъ къ той мысли, что Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился или близъ 8-го ноября 1711 года или, по крайней мѣрѣ, въ этотъ самый день да и крещенъ тогда же.

По строгому и святому обычаю того времени, крещеніе М. В. Ломоносова совершалось въ церкви, а не на дому, какъ это вошло въ крестьянскій порядокъ теперь. Въ которой изъ двухъ тогда существовавшихъ церквей былъ крещенъ Михаилъ Васильевичъ, на этотъ вопросъ отвѣтъ не особенно труденъ и онъ имѣется уже въ предыду-

цемъ отдѣлѣ, здѣсь же для полноты можно прибавить и свѣдѣнія о приходскомъ священникѣ того времени, такъ какъ крестьяне очень часто сводятъ какія либо знохи и выдающіяся событія свей личной и общественной жизни, не обозначая ихъ точную хронологическую дату, а говоря, что то или иное случилось при такомъ-то священникѣ, иногда въ такую-то пору его служенія, если онъ былъ давнимъ, а главное, видѣвшимъ всякія перемены. Кое какія архивныя записи въ Куростровской церкви указываютъ подъ 1725-мъ годомъ, что тогда здѣсь были два священника, изъ коихъ нѣкто *Алексій Ивановъ* служилъ и въ 1706 г., по уже повидимому одинъ, такъ какъ на другого ничѣмъ не намекалось, но датѣ вездѣ упоминается о сложномъ штатѣ, и значить Михаилъ Васильевичъ крещенъ былъ отцомъ Алексѣемъ Ивановымъ при участіи какого-то дьячка *Сидора Панкратьевича*, если онъ былъ тотъ, который впоследствии училъ Ломоносова грамотѣ и своему дьячковскому дѣлу. Личность этого скромнаго воспитателя кратко воспроизведена у разныхъ авторовъ школьныхъ изданій о Ломоносовѣ, и поэтому говорить о ней въ данномъ случаѣ нѣтъ нужды. Крещеніе Михаила Васильевича, какъ перваго сына, конечно, составило очень радостное торжество въ домѣ Василія Ломоносова, и оно не обошлось безъ приглашенія гостей, безъ пиршества, ибо Василій Дорошевичъ оставилъ по себѣ живую память и какъ очень хлѣбосольный простякъ.

Въ заключеніе остается сказать, что, хотя и очень немного сохранилось въ народномъ преданіи земляковъ Ломоносова о рожденіи знаменитаго ихъ сообщественника, но въ цѣломъ и это небольшое драгоценно, ибо оно служитъ отображеніемъ того горячаго вниманія, съ какимъ теперь остались въ отношеніи къ Ломоносову его земляки, готовые отъ души сберечь и послѣднія мелочи, лишь бы въ концѣ не утратилось почему-то не пошедшее ни въ печать, ни въ церковную лѣтопись содержимое въ памяти народа. Вѣроятная причина жалкой растраты историческихъ и біографическихъ свѣдѣній о Ломоносовѣ на его родинѣ заключалась, какъ можно думать, въ полной неосвѣдомленности Холмогорцевъ о Ломоносовѣ въ періодъ его научной дѣятельности, а затѣмъ въ небрежности мѣстныхъ представителей, не взявшихъ на себя труда и попеченій о скорѣйшемъ розыскѣ всего, что могли дать архивы и рассказы старожиловъ.

Теперь возвратимся опять къ родителямъ Михаила Васильевича и заглянемъ пообстоятельнѣе въ ихъ семейный очагъ. Они жили въ прекраснѣйшихъ взаимныхъ отношеніяхъ и имѣли уже шестилѣтнюю дочь Марію, когда родился сынъ Михаилъ. Она вполне могла съ нимъ нянчиться, облегчая и безъ того довольно тяжелой хозяйственный трудъ матери, кстати и сама находясь подъ общимъ присмотромъ, ближе къ старшимъ, подалше отъ уличной жизни. Тихо и однообразно шли дни за днями въ раннемъ дѣтствѣ Ломоносова. Лачуга бѣдняка и домъ богатаго предоставлялъ дѣтямъ равныя условія: въ деревнѣ только кормить и поить ребенка, а относительно ума его заботъ не прилагаютъ. Больше благоприятныхъ условий тамъ, гдѣ при одномъ ребенкѣ имѣются постарше его братья или сестры. Дѣти въ деревняхъ Холмогорскаго округа минувшей поры зимою никогда не пользовались вѣшнимъ просторомъ, имъ предоставляли открытый воздухъ только въ теплое время года, и тогда они безпрепятственно ползали и барахтались, гдѣ бы только вздумалось. Для Михаила Васильевича Ломоносова не долго продолжалось это время безразличнаго состоянія, — всего пять лѣтъ. Онъ раз-

вивался скорѣе другихъ дѣтей, благодаря особому вниманію и попеченію матери, обладавшей лучшими душевными качествами и вачитанностью. Отецъ мало могъ быть дома, и какъ человѣкъ труда, кромѣ того слишкомъ односторонне развернутый на матеріальной почвѣ, едва-ли скоро ожидалъ по своему взгляду что либо дѣльное отъ сына, и поэтому не останавливалъ на семъ вниманія до возраста его, пригоднаго къ тяжелому занятію хозяйствомъ или промысломъ. Но мать, хотя одна несла на своихъ плечахъ всѣ заботы и по дому и инымъ добавочнымъ къ нему статьямъ, однако и въ этой, только деревенскому жителю понятной массѣ удручающаго дѣла, все таки изыскивала время на особыя занятія съ сыномъ и добилась того, что онъ уже *шести лѣтъ*, какъ увѣряетъ мѣстное преданіе, навѣкъ черезъ нее читать и коекакъ писать. Въ дальнѣйшемъ, обзавая отъ природы чистою религіозностью, она хотѣла тѣ же правила внушить и сыну, поставивъ его въ непосредственную близость къ храму Божію, и Ломоносовъ въ семилѣтнемъ возрастѣ сталъ бѣгать къ мѣстному дьячку на уроки закона Божія, славянскаго чтенія, письма и ариметики. Отсюда открылась Ломоносову совершенно иная дорога, чѣмъ прочимъ сотоварищамъ въ деревнѣ, и онъ замѣтно началъ выдѣляться прежде всего чрезвычайными успѣхами въ начальномъ обученіи, затѣмъ серьезнѣйшими отношеніями къ церкви, особымъ интересомъ ко всему, что разжигало любознательность, и далеко не дѣтскими проявленіями прекрасно сложившейся души, которая цѣлкомъ отображала въ себѣ высокій, но скромный и сосредоточенный характеръ матери, беззавѣтно отдавшей воспитательному долгу, которому и помогала дьячекъ, тоже вполне соответствовавшій своему великому ученику, если не количествомъ и силою познаній, то во всякомъ случаѣ внутреннею выдержанностію духа, на что указываетъ отчасти и преданіе, видѣвшее въ личности Сидора Панкратыча существо, благоговѣвшее передъ своимъ необычайнымъ воспитателемъ, точно по яркому предчувствію всей его свѣтлой будущности. И не напрасенъ былъ сердечный трудъ этихъ простыхъ доморожденныхъ воспитателей Ломоносова въ его дѣтскомъ возрастѣ. Онъ навсегда сохранилъ въ себѣ глубокую проникнутость религіознымъ чувствомъ; его душа обладала тончайшею гибкостью и отзывчивостью ко всему благородному и изящному, что довольно наглядно раскрывается въ его безсмертныхъ произведеніяхъ.

Скоро исчерпалъ и усвоилъ Михаилъ Васильевичъ всѣ познанія своею наставника: достаточно было двухъ лѣтъ съ небольшимъ. Но онъ не бросилъ его впоследствии и любилъ, какъ отца, постоянно навѣщая, тѣмъ болѣе, что помогать ему въ церкви. Мѣстные храмы тогда вполне могли занять душу Ломоносова. Они отличались полнотою благоустройства и еще за сто лѣтъ тому назадъ пользовались извѣстностью. Миронъ Вельяитовъ писалъ въ своей писцовой книгѣ 1623 года:— „Въ Куростровской волости погость, а на погостѣ церковь святого Стратотерица великомученика Дмитрія, а другая церковь великія Христовы мученицы Екатерины, съ трапезою, деревянная обѣ вверху, а въ церквахъ образа в свѣчи и книги и всякое строеніе приходное“. Спусти послѣ того 57 лѣтъ, Екатерининская церковь была вновь отстроена послѣ пожара, а въ 1709 году окончательно ремонтировалась вмѣстѣ съ появившимся тогда Дмитріевскимъ Храмомъ, и такимъ образомъ обѣ церкви, можно сказать, дышали свѣжестью. Къ тому же при нихъ служили два священника, и Ломоносову всегда имѣлось дѣло помогать

Панкратичу въ чтеніи и пѣніи, и въ услугахъ при алтарѣ, и звономъ на колокольнѣ, и въ переписываніи благослужбныхъ книгъ, о чемъ свидѣлствуютъ манускрипты, сберегающіеся въ Архангельскомъ музее, подъ которыми видна подпись Михаила Ломоносова, а не Дорооеева.

Здѣсь мы видѣли только одну часть занятій Михаила Васильевича въ его дѣтствѣ и началѣ отрочества. Другая заключалась дома. Деревенскія дѣти прежняго времени не располагали никакими средствами разнообразить свою жизнь въ стѣнахъ жилищъ. Они забавлялись чисто дѣловыми вещами, то помогая щипать дрова на лучину для свѣтца, то вращали маховикъ самопрядки, то отстругивали ножомъ, выдалбливали стамескою и долотомъ мелочныя деревянныя принадлежности кухни, то усиливались выработать точныя модели телѣгъ, сапей, домовъ, мельницъ и сельско-хозяйственныхъ инструментовъ, въ чемъ перѣдко помогали имъ и отцы, а чаще одряхлѣвшіе старики, исполнявшіе послѣдній въ своей жизни трудъ—доглядывать за лѣтворою. Этого рода кустарное дѣло и до сихъ поръ не брошено въ Холмогорахъ, только оно не присуще всѣмъ деревенскимъ дѣтямъ поголовно, но сосредоточивается въ рукахъ наиболее выдающихся самоучекъ. Михаилъ Васильевичъ имѣлъ возможность съ шестилѣтняго возраста помогать родителямъ въ сооруженіи сѣтей или починкѣ, сначала исполняя вехитрую работу кручения пряжи, а затѣмъ—и продуктивную—плетенія сѣтей, что нынѣ очень часто можно видѣть въ семьяхъ настоящихъ рыбаковъ. Онъ могъ кромѣ того наблюдать за дворовою птицею, за выкормкою разводившейся въ прудѣ различной рыбы, участвовать въ домашнихъ, полевыхъ и луговыхъ работахъ, быть на озерахъ и рѣкахъ при ловлѣ неводомъ и плавать въ морѣ, что все довольно живо подтверждается преданіемъ. Если къ тому прибавить вѣчно присущіе деревенской дѣтворѣ весенніе походы на рѣку, озера, котловины съ удочками, дощичками, вершами, лѣтнюю бѣготню за ягодами, осенью за грибами, и иное въ подобномъ родѣ, то выйдетъ, что ни одвого дня въ отроческомъ возрастѣ Ломоносова не оставалось безъ занятій, и черезъ это онъ скоро приобрѣлъ выносливую, закаленную въ трудѣ, живую энергичную натуру. Василій Дорооеевичъ не безучастно смотрѣлъ на успѣхи своего сына, только онъ цѣнилъ ихъ довольно своеобразно. Ему хотѣлось выработать изъ него дѣльнаго преемника въ хозяйствѣ, бойкаго помора, полезнаго грамотія,—и видя, какъ прекрасно справлялась съ этимъ мать, никогда не вмѣшивался въ ея личный воспитательный трудъ, что и было далеко не бесполезно.

Счастливіишіе годы Михаила Васильевича промчались крайне быстро; они не выступили и изъ первой половины отрочества. Сначала пришлось ему видѣть пожаръ родной Дмитріевской церкви въ 1718 году. Это прискорбное событіе глубоко отозвалось на сердцѣ Василя Дорооеевича; оно имѣло значеніе и лично для Михаила Васильевича, если принять во вниманіе его искреннѣйшую религиозную любовь, но въ глубинѣ здѣсь заключалась прелюдія вного тягчайшаго удара, раскрытіе которой послѣдовало нѣсколько позднѣе. Это было случаемъ только отвиѣ соприкоснувшимся, затронувшимъ дѣтское сердце мимоходомъ, надвигалось за симъ другое, въ корнѣ и круто измѣнившее всю жизненную обстановку. Когда Михаилу Васильевичу исполнилось девять лѣтъ, отецъ рѣшилъ познакомить его съ морскимъ плаваніемъ и взять съ собою на лѣтніе промыслы въ Бѣлое море и даже Ледови-

тый океанъ. Понятно, какое жгучее чувство удовольствія вызвало въ немъ это первое и далекое путешествіе на суднѣ. Онъ, съ легкою душою, жизнерадостный, оставилъ домъ, деревню, мать, сестру. Но мрачная грозная туча уже собиралась надъ семействомъ Ломоносова; ни отецъ, ни сынъ, уѣзжая, не замѣтили, что мать, какъ бы предчувствуя бѣду, что-то очень настойчиво удерживала ихъ; они оставили все это безъ вниманія, какъ проявленіе обычной женской нѣжности, однако въ сущности здѣсь дѣло заключалось не въ этомъ. Она испытывала, начинавшееся въ ней общее тяжелое недомоганіе, съ которымъ, можетъ быть, давно боролась, какъ это обычно для всѣхъ, преданныхъ труду, крестьянскихъ женщинъ. Ихъ удивительная выносливость непрѣдко цѣлыми годами превозмогаетъ тяжкія болѣзни. И весьма возможно, что пожаръ церкви, недалеко стоявшей отъ ихъ дома и грозившій всей деревнѣ бѣдою, могъ сильно испугать ее, какъ женщину впечатлительнѣе иныхъ сообщественницъ. Вслѣдствіе этого, она постепенно ослабѣвала и надрывалась, не желая видѣть какихъ-либо опущеній въ своемъ тяжеломъ и многостороннемъ хозяйственномъ трудѣ. Осенью она уже совсѣмъ изнемогла, и передъ самымъ возвращеніемъ домой мужа съ сыномъ слегла въ постель. Развертывая вышеприведенную трагическую картину, мѣстное преданіе говоритъ, что съ нею произошла очень тяжкаго вида горячка, которая не только по временамъ, но чуть ли не окончательно лишила ее сознанія и чувствъ. Михаилъ Васильевичъ вмѣсто всѣхъ радостей свиданія съ беззавѣтно любимою матерью, только нѣсколько дней чобылъ около нея въ крайнемъ горѣ и потрясеніи отъ видимо безнадежнаго состоянія больной, которая, и скончалась, неизвѣстно, успѣвши-ли почувствовать, что ее теперь видѣла и окружала вся семья сполна. И схоронили покойницу на берегу рѣки близъ церкви, а Михаилъ Васильевичъ положительно не сходилъ съ ея могилы, оплакивая крайне горькую утрату, такъ что мѣстное преданіе еще разъ указываетъ въ этомъ фактѣ, чѣмъ была родная мать Ломоносову, оставившая ему въ наслѣдіе и благословеніе всѣ лучшія качества облагороженнаго духа. Съ тѣхъ поръ Михаилъ Васильевичъ совсѣмъ порвалъ всѣ связи съ окружающими его радостями жизни, углубился только самъ въ себя, въ свою ужасную тоску, и никто не видѣлъ и не зналъ его развлекающимся среди сверстниковъ. Не дѣтскимъ, но зрѣлымъ умомъ сталъ смотрѣть онъ на окружающую жизнь, и это принесло ему такъ много отрады, что въ дальнѣйшемъ онъ съ благоговѣніемъ чтилъ свою родину, выразивъ восхищеніе ея картинами въ нѣкоторыхъ своихъ поэтическихъ трудахъ. Но родной домъ не открылъ ему ласкающей и согрѣвающей любви. Отецъ не думалъ разставаться съ морскимъ промысломъ, да и домашнее хозяйство всячески берегъ, поэтому онъ пережилъ вдовцомъ едва ли болѣе одной зимы, а затѣмъ женился снова, чтобы принятый порядокъ дѣлъ ни въ чемъ не измѣнялся.

Мачеха Михаила Васильевича Ломоносова, какъ говоритъ мѣстное преданіе, составила полнѣйшую противоположность его родной матери и имѣла отвратительный характеръ. Пришлось много горя и страданій пережить сиротамъ отъ дикихъ отношеній загрузѣлой во злѣ бабы. Свадьба отца была для нихъ тяжелѣе могильной плиты. Даже побои сыпались уже и такъ довольно ватерпѣвшемуся пасынку, душевныя терзанія котораго были вѣдомы только Богу. Однако, отецъ въ личномъ присутствіи своемъ не допускалъ произвола мачехѣ, и тогда семья изо-

бражала съ вѣншей стороны какъ будто мирную картину. Всего болѣе, по словамъ преданія, мачеха негодовала и свирѣпствовала изъ-за книжныхъ занятій пасынка, что являлось въ ея мнѣнїи никуда не нужною забѣвою бездѣльника. И эту мысль свою она усиливалась передать отцу, по той, или уважая память бывшей своей жены, или самъ дойдя до правильной оцѣнки пользы грамотности, или жалѣя сына и любя его усердіе ко храму,—никогда не подавался ни на какія доводы и рѣчи мачехи, а обходилъ ихъ лишь молчаніемъ, изрѣдка, впрочемъ, ограничивая чрезмѣрный пылъ самороднаго грамотѣя замѣчаніями о томъ, что онъ готовитъ его не въ поны и дѣяки, но къ простому сельскому труду съ прибавкою промысловаго дѣла, и на самомъ дѣлѣ поручая ему то тѣ, то другія занятія по дому и хлопоты въ морскихъ путешествіяхъ. Но это не могло поглотить всего времени у души, посвятившей себя иному назначенію, Полезная связь со старымъ воспитателемъ дѣячкомъ продолжалась. Благодаря ей, послѣдовательно росли и крѣпли всѣ заветныя стремленія будущей звѣзды науки, и старикъ Панкратычъ усердно продолжалъ въ отношеніи къ Ломоносову святое воспитательное дѣло, которому грозило значительнымъ ущербомъ сиротство его ученика.

Дѣйствительно, имѣя нѣкоторую возможность уйти отъ душной атмосферы родительскаго дома, Михаилъ Васильевичъ жилъ всѣми силами своихъ великихъ стремленій, и въ минутахъ одиночества находилъ достаточный просторъ и для занятій чтеніемъ и для свободныхъ душъ. Куростровъ и Холмогоры вообще изобиловали всѣми нужными къ тому удобствами. Чудные луга, непролазныя чащи вблизи озеръ и рѣкъ, восхитительныя еловаяя рощи на высотахъ Курострова, Матягоръ, Залывья, Ровдины и Быстрокурья, захватывающіе душу пейзажи самой причудливой смѣси зелени и воды, свѣта и тѣней, высоту и низинъ, лѣсовъ и простора, селеній и полей съ покосами трогало не только впечатлительную душу съ лучшими художественными задатками, но и мѣстные крестьяне никогда не могли досыта налюбоваться лѣтными картинами Холмогоръ прежняго времени. Впрочемъ и теперь безопадно время и варварскія руки всякихъ „хозяйствъ“ еще оставили кое какіе слѣды дивнаго величія прежнихъ видовъ Холмогорскаго округа, такъ что по нимъ можно представлять и давно минувшее; тогда же все это было живою трогательною дѣйствительностью. Въ безконечномъ множествѣ различныхъ уголковъ, урочищъ, холмовъ, площадокъ, ручьевъ, озеръ, рѣчекъ, логовинъ, покосовъ, нивъ, выгоновъ, песковъ, мысочковъ, острововъ, кулигъ, болотинъ каждое здѣсь имѣло прежде и теперь имѣетъ свое особое названіе, и осѣдленность въ этомъ крайне надобна мѣстному крестьянину, поэтому и Ломоносовъ находилъ тутъ много матерьяловъ и для развитія памяти, и для раскрытія внимательности, обязательно изучая весь этотъ огромный словарь, какъ и теперь его запоминаютъ обыватели холмогорскихъ пригородныхъ селъ. При этомъ нерѣдко о многихъ участкахъ сообщаются и занимательныя историческія, или бытовыя, или топографическія свѣдѣнія, за розыскомъ которыхъ въ прежнее время не нужно было далеко обращаться. И Михаилъ Васильевичъ, какъ можно думать изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его произведеній, дѣйствительно сосредоточивалъ и здѣсь вниманіе, тѣмъ болѣе, что прошлое въ Холмогорахъ полно живыхъ картинъ и историческаго разнообразія. Еще того болѣе доставляли пищу и умственному и художественному развитію Ломоносова его путешествія

въ Бѣлое море и Ледовитый океанъ; при чемъ обстановка мореходнаго дѣла, требующая особаго ума, энергій, здоровья, ловкости, сообразительности, хладнокровія, хорошей памяти, рѣшимости, выносливости, имѣла свое особое значеніе и въ геніальномъ духѣ Ломоносова развертывала чрезвычайно высокія свойства.

Такова была обстановка дѣтняго времени, зимою же подрастающій Ломоносовъ переходилъ къ труду исключительно домашнему, находя впрочемъ занятія и въ Денисовки, тоже не мало служившія къ его всестороннему саморазвитію.

Свящ. Арк. Грандилевскій.

Родина Ломоносова.

(Въ отношеніяхъ къ самому Михаилу Васильевичу Ломоносову).

Предыдущій отдѣлъ, имѣвшій цѣлью—дать краткій очеркъ тѣхъ бытовыхъ условій, среди которыхъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ началъ свою сознательную жизнь послѣ раннихъ годовъ дѣтства, касался исключительно домашняго очага его родителей. Но болѣе широкая сфера, гдѣ умственному развитію Ломоносова открывался наиболѣе благоприятный просторъ, заключалась въ прогрессивно разроставшейся тогда трудовой жизни Холмогорскаго края. Городъ Холмогоры начала

XVII вѣка переживалъ золотые годы процвѣтанія и былъ для нашего Сѣвера тѣмъ-же, что теперь Архангельскъ.

Прежде всего основной тонъ общему теченію мѣстной жизни общало въ тѣ времена торгово-мореходное судостроеніе. Центръ его сосредоточивался на Вавчужскихъ верфяхъ, стоявшихъ на правомъ берегу Двины въ какихъ либо восьми верстахъ къ востоку отъ Денисовки. Здѣсь гениальными любимцами Петра Великаго Бажениными, обезсмертившими свое имя, по мановенію Царя созидались начатки и первенцы русскаго торгово-мореходнаго флота. Работа шла съ лихорадочнымъ возбужденіемъ и притомъ въ широчайшихъ размѣрахъ. Тысячи трудовыхъ рукъ находили тутъ неисчерпаемое дѣло, и мѣстный край обогащался въ этомъ пунктѣ своей самой напряженной дѣятельности. Сюда могли поступать всѣ основные продукты и произведенія громаднѣйшей придвинской области:—хлѣбъ, мясо, сало, рыба, кожа, ленъ, пряжа, ткацкія издѣлія, готовая одежда, смола, деготь, пенька, шерсть и т. д. Сюда и Василій Дорошеевичъ прежде всякихъ иныхъ мѣстъ сбывалъ свои промысловыя выгоды, особенно звѣриное сало и ворвань, крайне нужныя при спускѣ кораблей. Часто могъ бывать здѣсь также Михаилъ Васильевичъ и видѣть лично всю кипучую жизнь, доки, судостроеніе, лѣсопильные заводы, мукомольныя мельницы, канатныя прядильни, гигантскія парусныя, ткацкія сооруженія, прекрасныя кузницы, слесарни, литейныя приспособленія, такелажные склады и т. д. Все это благоустройство Вавчуги находилось подъ внимательнымъ руководствомъ наилучшихъ мастеровъ и специалистовъ, частію иностранныхъ, частію своихъ, и представляло собою послѣднее слово совершенной высшей техники. Здѣсь Ломоносовъ не только мимоходомъ видѣлъ дѣло, но могъ и самъ кое-гдѣ поработать, особенно зимою, приходя на поденныя занятія со своими сверстниками; и такимъ образомъ картина образцоваго труда, внослѣдствіи много ему послужившая, когда онъ самъ пытался создавать свои техническія предпріятія,—была ему готова въ совершеннѣйшемъ видѣ.

Затѣмъ, нельзя опускать безъ вниманія, что и Куростровъ, современный Ломоносову, будучи вблизи центральнаго города и возлѣ цѣлаго трудового мірка, созданнаго Императоромъ Петромъ I-мъ чрезъ участіе Бажениныхъ, тоже не отставалъ отъ жизни и процвѣталъ по своей благосостоятельности. Еще за сотню лѣтъ до Ломоносова въ немъ были на виду морское дѣло, рѣчное судоходство въ цѣляхъ торга и провоза грузовъ, семужій промыселъ, мѣстное рыболовство, смолокуреніе, лѣсная рубка, охота всякихъ видовъ на звѣрей и птицъ, о чемъ писалъ Миронъ Вельяминовъ въ 1623 году, а внослѣдствіи къ тому прибавилось—плотничество, породившее профессиональную строительскую деревню, гончарное производство, создавшее анекдотически извѣстныя холмогорскіе горшки, отхожіи промыселъ, какое-то забытое преданіемъ еще одно проявленіе въ общественной жизни, давшее цѣлую колонію „кречатыхъ помытчиковъ“ и наконецъ разнovidнѣйшее множество всякихъ мелкихъ и одиночныхъ ремесленниковъ. Этими видами труда мѣстная жизнь достаточно наполнялась и разнобразилась, такъ что въ ней не было празднаго прозябанія, а Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ отсюда получалъ, конечно, очень широкую практическую и наглядную освѣдомленность, никогда никому не лишнюю, всегда полезную къ развитію умственныхъ способностей.

Какъ можно уже видѣть изъ изложеннаго, Денисовка при Ломоносовѣ совсѣмъ не представляла ту картину жалкой нищеты, которую усиленно раскрашиваютъ въ книжныхъ повѣстяхъ. Она располагала довольно состоятельнымъ населеніемъ. Въ Куростровѣ были даже и солидные богачи, до сихъ поръ оставившіе по себѣ имя отъ самаго начала XVIII вѣка. Это—Христофоровы, Дудины, Шубные, Тряпицыны, кои, сверхъ внушительнаго капитала и имущества, обладали и бібліотеками для чтенія, очевидно, будучи во всѣхъ отношеніяхъ передовыми людьми. Преданіе говоритъ, что видѣйшій магнатъ своего времени по Курострову—Христофору Игнатъевичъ Дудинъ имѣлъ особенно богатую бібліотеку и Ломоносову предоставлялъ свободный доступъ къ ней. Онъ же подарилъ ему извѣстныя грамматику и ариметику, съ которыми Михаилъ Васильевичъ впоследствии бѣжалъ въ Москву. Фамилія Дудиныхъ имѣла связи родственныя и вообще близкія къ знаменитѣйшимъ любимцамъ Петра Великаго Баженинымъ, Вавчужскимъ кораблестроителямъ; отъ нихъ даже до сихъ дней сбереглась часть нѣкогда громаднѣйшей бібліотеки. Могъ и отсюда, пользуясь покровительствомъ Дудиныхъ, черпать Михаилъ Васильевичъ всякіе матеріалы для чтенія и изученія, о чемъ достаточно говоритъ фактъ, будто бы Ломоносову попадали тогда въ руки даже латинскія печатныя изданія, о которыхъ Сидоръ Панкратъевичъ вель со своимъ питомцемъ довольно оригинальными бесѣды (Фурманъ). Подобно Дудинымъ принимали участіе въ Ломоносовѣ и Христофоровы, тоже княжыя и начитанныя люди.

Затѣмъ, подрастая и созрѣвая для жизни, Ломоносовъ имѣлъ полную возможность слышать образцы живого слова и ораторской рѣчи у Холмогорскихъ архіепископовъ, каедральный соборъ которыхъ отстоялъ отъ Денисовки только въ трехъ съ половиною верстахъ; могъ видѣть чины архіерейскаго служенія и разныя дѣйства, полныя самаго интереснаго разнообразія и смысла. Часто бывали епископы для богослуженія и въ подгороднихъ селахъ, откуда не исключался Куростровъ, который, можетъ быть, былъ наиболее посѣщаемъ, какъ ближайшій, потому что въ его церкви сбереглась старинная архіерейская абсида. Несомнѣнно, путешествовалъ Ломоносовъ на разныя мѣстныя богомолья, особенно въ монастыри Холмогорскій городской, Спасоприлуцкій и Чухчепемскій, прилегавшіе къ подгороднему району, а далѣе—въ Сійскій, Красногорскій, куда и теперь паломничаютъ лѣтомъ на разстояніи около сотни верстъ.

Далеко не послѣднимъ матеріаломъ для ума и чувства служили разныя преданія, былины, пѣсни, историческія повѣсти и сказки, составлявшія богатство прежней памяти народа. Особенно Холмогоры изобиловали цѣнными преданіями изъ области доисторической эпохи Заволоцкой Чуди, воспоминаніями о новгородской вольницѣ и полными суевѣрія легендами о древнихъ колдунахъ, шаманахъ и чудскихъ богатыряхъ. На это богатство указываютъ даже современные старожилы, увѣ! не удержавшіе ничего послѣдовательнаго и серьезнаго, кромѣ какихъ то отдаленныхъ и туманныхъ указаній, не объясняемыхъ, не подтверждаемыхъ.

Изъ пройденнаго обзора той половины отроческихъ лѣтъ Ломоносова, которую онъ посвятилъ книжному труду по смерти матери, видно, что они прошли для него въ подготовительной работѣ къ болѣе зрѣлымъ и рѣшительнымъ мѣтропріятіямъ на почвѣ самообразованія, и очень возможно,—уже съ выяснившимся намѣреніемъ поискать счастья въ

Москвѣ, которую Сидоръ Панкратьевичъ несомнѣнно указывалъ. Начало юношескаго возраста Михаила Васильевича было очевиднымъ временемъ послѣдняго и окончательнаго созрѣванія его идеи получить ту мудрость, о какой туманно и восторженно намекалъ ему воспитатель-дьячекъ.

Преданіе не указываетъ никакихъ особыхъ перемѣнъ въ обыкновенной домашней жизни Михаила Васильевича Ломоносова за послѣдніе годы его пребыванія на родинѣ. Только близъ пятнадцатаго года его возраста, отецъ выдалъ дочь свою Марію въ Матигоры въ крестьянина Евсевія Головина, и Михайлу Васильевичу Ломоносову его сиротство стало еще тяжелѣе, такъ какъ онъ оказался теперь весь въ рукахъ своей дикой и безчеловѣчной мачехи, чему прежде могла значительно мѣшать взрослая сестра. Но, кажется, характеръ мачехи едва-ли не благопріятствовалъ усердію Ломоносова въ занятіяхъ его любимѣйшими книгами, потому что эти препятствія лишь разжигали въ немъ рвеніе, которому не было границъ и среди всѣхъ деревенскихъ недосуговъ, уйти отъ которыхъ Михайлу Васильевичъ никакъ не могъ. Въ то время укладъ сельской жизни дѣлалъ вопіющимъ преступленіемъ даже и ничтожное противленіе дѣтей волѣ родителей, поэтому никакъ нельзя допустить даже мысль о какомъ-нибудь отказѣ Михаила Васильевича исполнить порученія отца или мачехи, хотя бы ради науки и иныхъ побочныхъ дѣлъ. Да и ему личнымъ опытомъ можно было знать, что покорность всего болѣе обезпечивала ему довѣріе отца, коимъ пользовался постоянно, а мачеха не имѣла лишнихъ основаній къ придиранію. Такъ побуждаетъ думать самый характеръ преданія о Ломоносовѣ, какъ личности выдержанной даже съ отрочества.

Конечно, тяжелую и мучительную жизнь несъ юный Ломоносовъ въ родной ему деревнѣ, когда отецъ сталъ направлять его къ своей профессіи, а мачеха—къ покорному батрачеству при домѣ, самъ же онъ сильнѣе и сильнѣе тяготѣлъ къ Москвѣ. Долго онъ терпѣлъ, страдалъ, молчалъ, наконецъ, во всемъ сознаніи сыновьяго долга, по обычаю того времени, и донинѣ хранимому, палъ въ ноги родителямъ съ просьбою принять его великую мольбу. Этимъ онъ показывалъ, что его мысли и намѣренія составляли крайне важный и серьезный жизненный шагъ. Минута священнаго обряда лала и Василию Доросеевичу соотвѣтственное настроеніе:—сынъ искалъ себѣ отпуска въ столицу для научнаго образованія. Само собою разумѣется, что отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный, ибо равно безграмотные отецъ и мачеха тутъ положительно ничего не разумѣли. Они видѣли въ книжной наукѣ только праздно времяпровожденіе и узкій свой взглядъ на жизнь продолжали внушать и сыну. Преданіе говоритъ, что подобная картина повторялась не одинъ разъ; Михайлу Васильевичъ пытался настаивать на своей рѣшимости, и можно думать, что его чуткая душа вѣроятно видѣла затаенную любовь и даже уступчивость отца, которую тотъ явно не обнаруживалъ, во-первыхъ, изъ за мачехи, во-вторыхъ,—изъ за отзывавшихся родныхъ и знакомыхъ, коимъ мысли Михаила Васильевича тоже могли казаться сумасбродными, наконецъ, изъ за естественнаго опасенія потерять своего сотрудника и преемника въ образцовомъ хозяйствѣ и предпріятіи. Словомъ, это дѣло представляло собою довольно сложную и въ высшей степени изъ ряда вонъ выходящую исторію. Однако Михайлу Васильевичъ и въ рѣшительный моментъ не потерялъ равновѣсія. Онъ и здѣсь сохранилъ почтеніе къ родительской власти, чѣмъ быть можетъ расположилъ отца по крайней мѣрѣ къ тайному соглашенію; ибо невозможно

представить, чтобы глубоко религіозный и благовоспитанный Ломоносовъ осмѣлился игнорировать отеческимъ благословіемъ. Будущее покажетъ, что Василій Дорошеевичъ не устроилъ погони за бѣглецомъ, хотя пасть его рѣшительно ничего не стоило. Дорога въ Москву была тогда изъ Курострова только одна въ видѣ прямого тракта по мало заселеннымъ мѣстамъ до Сійскаго монастыря, а далѣе — по безковчнымъ пустыннымъ дебрямъ. Нѣтъ вичего дивнаго, что наружнымъ отказомъ отецъ симулировалъ дѣло; иначе бы ему пришлось самому вытерпѣть массу насмѣшекъ за безсиліе удержать сына въ должныхъ границахъ повиновенія, а между тѣмъ, тогда онъ былъ однимъ изъ влиятѣйшихъ и почтеннѣйшихъ представителей Курострова. Сынъ могъ знать о негласной уступкѣ родителя и видомъ бѣгства тоже закрывать ее, однако борьба велась жестока и долгое время терзала она молодую душу то надеждами, то безнадежностью. Нужно было той и другой сторопѣ пережить самыя жгучія чувства не день, не два, но цѣлые годы. Развязка готовилась въ высшей степени медленно, по въ эту пору Михаилъ Васильевичъ еще болѣе крѣпъ въ своихъ душевныхъ силахъ.

Счастливый и почетный бракъ родной сестры Михаила Васильевича Ломоносова поднялъ имя отца его на особую высоту среди мѣстныхъ крестьянъ. Затѣмъ, преданіе указываетъ, что Ломоносовъ имѣлъ будто бы и еще сестру по имени Марю, выданную неизвѣстно когда въ замужество крестьянину Ивану Егоровичу Лопаткину, одного съ ними сельскаго общества. Семейные списки фамиліи Ломоносовыхъ по женской линіи совсѣмъ не упоминаютъ ея. Это была, очевидно, дочь второй жены Василія Дорошеевича, когда она вдовою выходила за него, и поэтому относилась къ посторонней фамиліи. Мужъ ея Иванъ Лопаткинъ вѣроятно былъ тогда въ годахъ солидныхъ, сверхъ того въ особенномъ почетѣ, такъ какъ получилъ по тому времени довольно видный выборъ въ строителя новой проектировавшейся каменной церкви и старостою существующей Екатерининской. Иванъ Егоровичъ своимъ положеніемъ и характеромъ вполне соотвѣтствовалъ нареченному тестю Василію Дорошеевичу. Оба они, — энергичные, дѣловые, честные, сообразительные и почтенные, — горячо припялись за святое дѣло и такъ углубились въ него, что Михаилъ Васильевичъ со своею мыслию о Москвѣ остался на полной свободѣ. Отецъ его собиралъ благотворительныя обѣды и на нихъ дѣлалъ сборы въ пользу храма по подписному листу. Здѣсь Михаилъ Васильевичъ видѣлъ лучшихъ людей своей родины, могъ еще разъ поближе войти въ интересы мѣстной жизни, особенно въ отношеніи къ церкви, и все эти картины общественнаго оживленія уже вскорѣ сдѣлались ему лишь какъ предметы прощальныхъ воспоминаній. Подъ этотъ шумокъ сердце юнаго Ломоносова окончательно укрѣпилось въ мысли покинуть для науки родное село, хотя самъ Сидоръ Панкратьевичъ противорѣчилъ ему, многозначительно говоря: — *далеко кулику до Петрова дня* (Фурманъ). Такъ по крайней мѣрѣ обрисовывалась внѣшняя сторона въ дѣлахъ Михаила Васильевича, а внутренняя, конечно, только въ немъ составляла картину торжествующей увѣренности.

Насталъ 1728 годъ, послѣдній для Ломоносова на его родинѣ. Весною весь Куростровъ былъ радостно вдохновленъ вѣстью о назначенномъ торжествѣ закладки каменнаго Димитріевскаго храма. На красивомъ пригоркѣ въ смежности со старымъ церковнымъ погостомъ,

только подалѣе отъ берега рѣки, виднѣлись первыя начала каменнаго основанія; здѣсь совершалось моленіе о будущемъ храмѣ, молились оба Ломоносовы, служеніе совершали нѣсколько священниковъ, и что тогда тайлось въ душѣ Михаила Васильевича, послѣдній разъ участвовавшего въ такой исключительной обстановкѣ, пусть подумаетъ самъ читатель. За симъ отецъ его обычнымъ порядкомъ отправился въ Бѣлое море, сыну же пришлось быть дома, такъ какъ и здѣсь были нужны крѣпкія рабочія руки. Все лѣто и осень прошли для Михаила Васильевича въ понятномъ каждому возбужденіи и волненіи духа при рѣшительности на крайне смѣлый жизненный шагъ съ неизвѣстнымъ будущимъ. Приблизилась зима жестокая и суровая. Василиій Дорощеевичъ давно возвратился, нѣколыскіе морозы въ началѣ декабря приготовили всѣ тракты и дороги. Около самаго праздника, т. е. дня Николая Чудотворца, какъ гласить мѣстное предаіе, Михаилъ Васильевичъ покинулъ родительскій домъ. Одѣвшись въ легкой нагольный тулупъ, безъ денегъ и провизіи на дорогу, только съ двумя книжками, увязанными въ платочекъ, онъ направился по московскому тракту, который вель первоначально къ Сійскому монастырю. Никто не гнался за бѣглецомъ, хотя это было и доступно, и вотъ пришелъ Ломоносовъ въ Сійскую обитель. Здѣсь онъ сдѣлалъ остановку для молитвы и отдохновенія, потому что отшагалъ почти 90 верстъ; сверхъ того, на этомъ первомъ путешествіи средоточіи ему легче всего было найти себѣ попутчиковъ—ѣздоковъ въ Москву, а въ нихъ тогда не бывало недостатка, и онъ, выждавъ обозъ, пошелъ за нимъ въ столицу. Погонщики безвозмездно кормили его и везли, согрѣвали и ютили въ постоялыхъ дворахъ, пока не доставили къ мѣсту всѣхъ его завѣтныхъ стремленій.

Такъ оставилъ родину свою будущій отецъ русской литературы, унеся отсюда съ собою живую готовность отдать себя на служеніе наукъ. Не лихою мачехою оказалась для него его родина, она матерински воспитывала, заботливо доставивъ и открывъ все ея содержимое богатство, и онъ нашель къ нему свободный доступъ, и взялъ сокровища, всѣмъ остальнымъ со внѣ доступныя, внутри же непонятныя, чтобы впослѣдствіи запечатлѣть въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ. Михаилъ Васильевичъ любилъ свою родину, часто вспоминалъ о ней, при чемъ, разрабатывая формы родного языка, вносилъ въ его литературныя отличія и тѣ особенности, какими до сихъ поръ отличается мѣстный говоръ холмогорскихъ крестьянъ. (См. Изд. Импер. Акад. Наукъ 1907 г. „Родина Ломоносова“. А. Грандильевскій).

Что же самъ оставилъ въ память о себѣ своей любимой родинѣ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ? Со внѣ, тамъ нѣтъ ничего о немъ неотразимо говорящаго, реликвій никакихъ, родственниковъ тоже не сбереглось, существуютъ лишь фамиліи, связанныя отдаленнѣйшимъ родствомъ съ потомками родной сестры Михаила Васильевича, именно, — въ Куростровѣ Дьяконовы и Лопаткины, въ Матигорахъ, часть семьи Лопаткиныхъ, переселившаяся изъ Курострова, въ городѣ Холмогорахъ Третьяковы, Авксентьевы, въ Архангельскѣ Ершовы и еще десятокъ фамилій (Тарховы, Титовы, Галовы, Головины въ Матигорскомъ селеніи, Паньяковы, Засухины, Шубные, Ивановскіе въ Архангельскѣ, Шубные, Дорощеевы — въ Куростровѣ, Шубные въ Ровдинѣ), о которыхъ надобно сдѣлать особыя справки, такъ какъ лично мнѣ ничего болѣе того неизвѣстно, какъ одно предположеніе народной молвы, буд-

то всё они имѣютъ что-то общее съ потомками Ломоносовыхъ и, разумеется, тоже въ отдаленнѣйшемъ видѣ.

Василій Дорошеевичъ Ломоносовъ жилъ только десять лѣтъ послѣ бѣгства сына своего въ Москву и трагически погибъ въ Бѣломъ морѣ, о чемъ существуетъ трогательная повѣсть, пѣкогда переданная самимъ Михаиломъ Васильевичемъ, и затѣмъ вошедшая въ біографическіе очерки о немъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Василій Дорошеевичъ получалъ вѣсти о сынѣ своемъ черезъ ѣдущихъ изъ Москвы и самъ туда отпращивалъ случайные наказы, такъ что обмѣнъ отношеній поддерживался включительно по 1739 годъ, когда Михаилъ Васильевичъ послалъ на родину свое уже послѣднее письмо съ распоряженіями относительно розыска тѣла его отца, годъ тому назадъ утонувшаго, и о похоронахъ его. О возможности переписки между Василіемъ Ломоносовымъ и Михаиломъ Васильевичемъ долженъ свидѣтельствовать сверхъ даннаго и тотъ фактъ, что, воспитанный въ строгихъ пачалахъ современнаго ему деревенскаго этикета, юный Ломоносовъ долженствовалъ первѣйшимъ порядкомъ послать къ родителямъ письмо или словесный наказъ изъ Москвы съ просьбою о заочномъ родительскомъ благословеніи, безъ коего онъ не имѣлъ бы права разсчитывать на законность своего начинаемаго поваго образа жизни, а равно и въ душѣ своей не находилъ бы драгоценнаго покоя. На такія письма, или устно, черезъ другихъ передаваемые наказы, обыкновенно и теперь слѣдуютъ со стороны родителей и старшихъ обязательные отвѣты въ томъ или иномъ характерѣ, т. е. въ томъ благопожеланія, а если нѣтъ, то въ видѣ запрещенія или увѣщанія. По общей обстановкѣ дѣла, обрисованной преданіемъ, а потомъ и документально, есть полная возможность думать, что Василій Дорошеевичъ зналъ о школьныхъ успѣхахъ своего сына и уже предчувствовалъ зарождавшуюся въ нихъ зарю свѣтлой будущности своего бѣглеца, поэтому не возражалъ ему и не тянулъ къ себѣ на родину. Могъ въ ту же сторону клонить Василя Дорошеевича и Сидоръ Панкратьевичъ, душевно преданный своему бывшему воспитаннику.

Въ дальнѣйшемъ кончили свою жизнь и мачеха Михаила Васильевича, ея зять Иванъ Егоровичъ Лопаткинъ и дочь Марса, не оставивъ по себѣ никакого преемства. Осталась только Марья Васильевна Головина въ Матигорскомъ селеніи, въ деревнѣ Водниковской-Ивановской. О всемъ ея ближайшемъ и послѣдующемъ потомствѣ свидѣлствуютъ три документа, хранящіеся въ архивѣ Архангельскаго губернскаго правленія, значущіеся подъ 1798-мъ годомъ за различными номерами дѣлъ Архангельскаго губернатора. Эти документа представляютъ собою фамильные реестры подъ общимъ заглавіемъ:—*Списокъ о родѣ сочинителя Михаила Васильевича Ломоносова*. По нимъ звачится, что его родная замужняя сестра Марья Васильевна имѣла четверехъ дѣтей: Петра, Михаила, Матрону, Анну отъ Евсевія Головина. Михаилъ умеръ холостымъ, прочіе же имѣли преемство. Петръ Евсеевичъ обладалъ многочисленною семьею отъ жены своей Евдокіи. Были у него три сына: Василій, Иванъ, Григорій, отъ коихъ не уцѣлѣло преемства и пять дочерей: *Матрона, Анна, Анастасія, Дарья, Параскева*; послѣдняя неизвѣстно какъ кончила жизнь въ Петербургѣ. *Матрона* вышла замужъ въ Куростровѣ за крестьянина *Дьяконова*, поколѣніе которыхъ, безнадежно доживающее дни свои въ Палишинской деревнѣ, прежде было крѣпостнымъ на вотчинѣ холмогорскихъ архіепископовъ.

Анна Петровна Головина вышла замужъ въ городъ Архангельскъ за купца Пальянова и дѣтей не имѣла. Анастасія была въ бракѣ съ Матигорскимъ крестьяниномъ Галовымъ, и о фамилии ихъ свѣдѣній не имѣю. Дарья состояла въ супружествѣ за холмогорскимъ мѣщаниномъ Третьяковымъ, потомство коего и теперь пользуется извѣстностью.

Осталась въ родномъ Ломоносову Куростровѣ лишь одна женская линія послѣ Марьи Васильевны, сестры его, отъ старшей дочери ея Матроны Евсеевны. Ея мужемъ былъ Куростровскийъ крестьянинъ Оедоръ Яковлевичъ Лопаткинъ, его семейный списокъ ведется со всею полнотою въ духовной росписи мѣстной церкви, начиная съ экземпляра 1770-го года (листъ 9-й). Въ этомъ году они оба значились двадцатисти-лѣтними, дѣтьми ихъ были Иванъ, Егоръ, Припа. Иванъ Оедоровичъ Лопаткинъ оставилъ въ Куростровѣ глубокую память, какъ рѣдкостный и образцовый землепашецъ-скотоводъ, сверхъ того, какъ даровитѣйшій токарь изящныхъ издѣлій изъ кости, каковому искусству онъ обучалъ и всѣхъ желающихъ. Въ цѣляхъ развитія и поддержанія этого дѣла онъ имѣлъ мастеровыхъ, при чемъ его собственныя работы были удостоены высочайшаго вниманія, награждены премією отъ имени его величества, именно-золотыми карманными часами съ цѣпочкою. Нѣкоторыя его костяныя вещицы будто-бы удостоены помѣщенія въ Эрмитажъ, какъ рѣдкостные виды мастерства и художества. Среди своихъ крестьянъ онъ пользовался глубочайшимъ уваженіемъ; въ волостномъ правленіи подавали ему почетное кресло, и о немъ до сихъ поръ хранится живѣйшая память. Онъ былъ первымъ насадителемъ въ Холмогорахъ извѣстной донынѣ рѣзбы вещей по кости, пользовавшейся въ свое время милостивымъ покровительствомъ въ Бозѣ почившаго великаго князя Владиміра Александровича. Иванъ Оедоровичъ имѣлъ трехъ сыновей и дочь, которую выдалъ замужъ въ Холмогоры за мѣщанина Авксентьева, оставившаго поколѣніе и до сихъ поръ. Самъ онъ жилъ недолго, и умеръ въ 1827 году, а Матрена Евсеевна, его супруга, пережила только до 1828-го года. Прямымъ и единственнымъ наслѣдникомъ ихъ остался въ Куростровѣ только Илья Ивановичъ Лопаткинъ. Родной братъ его Егоръ, имѣвшій семью, умеръ рано, и вся эта семья въ 1862-мъ году переписалась на всегдашнее жительство въ Матигорское сельское общество, гдѣ и теперь пребываетъ. Дальнѣйшую линію, послѣдовавшую отъ Ильи Лопаткина, можно видѣть въ подлинникахъ духовныхъ росписей Куростровской церкви съ 1832 года, въ которомъ онъ женился на какой-то Ульянѣ Михайловнѣ. Отъ него было два сына и двѣ дочери, кои въ 1848-мъ году за смертью отца осиротѣли. Черезъ годъ мать вышла замужъ за сосѣдняго крестьянина Михаила Доросеева, и чуть-ли не здѣсь кроется фактъ, почему это семейство признается родственнымъ Ломоносову, помимо извѣстнаго уже иного опыта выяснить туманно сознаваемое народомъ отношеніе Доросеевыхъ къ Ломоносовымъ. Впрочемъ, и тутъ сознательно толкующіе дѣло старожилы едва-ли поддавались промаху, такъ какъ извѣстный портной Матвѣй Михайловичъ Доросеевъ считается ими какъ сынъ покойнаго Михаила Доросеева, только соприкасающагося съ Лопаткинымъ, а больше ничего. Преемникомъ Ильи Ивановича Лопаткина явился сынъ его Михаилъ, женившійся на Иринѣ Михайловнѣ, которую въ 1881-мъ году онъ оставилъ вдовою при двухъ сыновьяхъ Петрѣ и Дмитріи. Нынѣ Ирина Михайловна Лопаткина имѣетъ холостого сына Дмитрія, и содержитъ при себѣ семью старшаго сына своего Петра, убитаго на желѣзной

дорогѣ: жену его, вдову Параскову Оедоровну и дѣтей ея—Аоима, Елисавету, Аину, здравствующихъ и сейчасъ, съ престарѣлою бабкою во главѣ.

Что-же произошло съ остальными дѣтьми Матрены Евсевіевны Лопаткиной?—Другой сынъ ея, Егоръ Оедоровичъ Лопаткинъ, хотя имѣлъ и значительную семью, но ея преемство почему-то очень скоро пресѣклось. Одна изъ его дочерей была замужемъ въ Матигорахъ за крестьяниномъ Тарховымъ. Старшая дочь Матрены Евсевіевны—*Прина* была отлана замужъ въ городъ Архангельскъ за мѣщанина Ершова, а потомъ этотъ Ершовъ породнился съ купеческою фамиліею Засухинныхъ, тоже выдавши въ замужество дочь. Послѣдняя дочь Марьи Васильевны Головиной *Анна* Евсевіевна осталась въ родныхъ ей Матигорахъ замужемъ за крестьяниномъ Николаемъ Павловымъ Титовымъ, занимавшимся мѣдничествомъ. Опъ имѣлъ дѣтей, и оставилъ ли потомство, въ настоящее время, къ сожалѣнію, я не освѣдомленъ.

Рожденный отъ сестры Михаила Васильевича Ломоносова, сынъ Петръ Евсевіевъ Головинъ съ дѣтьми и всѣмъ своимъ потомствомъ по высочайшему указу, состоявшемуся 21 августа 1798 года, былъ всемилостивѣйше освобожденъ отъ рекрутскаго набора и подушнаго оклада. Неизвѣстно, съ какой поры, всѣ ли потомки Марьи Васильевны Головиной или часть ихъ, стали проживать въ Архангельскѣ, и въ 1865-мъ году послѣдняя представительница ихъ, тоже Марья Васильевна Головина, участвовала въ юбилейномъ торжествѣ столѣтія отъ дня кончины Ломоносова и затѣмъ умерла въ 1872 году. Ея могила, съ соотвѣтствующею надписью о родствѣ съ Ломоносовымъ, находится на городскомъ кладбищѣ въ Архангельскѣ.

Изъ общаго обзора этого перечня только издали соприкосновенныхъ Ломоносову фамилій видно, что родная деревня оставила Михаилу Васильевичу лишь драгоценнѣйшій прахъ его матери, а въ живыхъ только какую-то далекую и уже расплывающуюся тѣнь родства цѣлой плеяды всевозможныхъ искателей чести этого вида.

Но ужели можно упустить изъ мысли и еще одно лицо, очень дорогое для памяти о Ломоносовѣ на его родинѣ,—это *дьякъ воспитателя*? Народное преданіе не сохранило о немъ ничего болѣе, что уже было сообщено, однако, находятся кое-какія даты, дозволяющія нѣсколько проникнуть и въ фамильныя подробности. Пусть имя его и отчество будетъ тѣмъ-же, какъ и по Фурману, т. е. уже разъ обусловленное—*Сидоръ Панкратьевичъ*, ибо ни преданіе, ни иное что-либо и отрицать и утверждать это не берется. Касательно же фамиліи его хранятся особые намеки въ архивѣ Куростровской церкви; пользоваться ими не безынтересно. Вѣроятно въ XVII-мъ вѣкѣ и XVIII-мъ часто бывалъ переходъ церковно-служительскихъ фамилій въ крестьянскія и крестьянскихъ—въ списки дьячковъ и пономарей, потому что перѣдко можно найти среди крестьянскихъ именъ тѣ, которые исключительно держатся среди духовенства. Также и въ Куростровѣ нѣкоторые дьячковскія фамиліи сдѣлались крестьянскими, напримѣръ, Коротаевы, Колчины, Петровскіе, Катаевы, и списки ихъ значились то среди церковно-служителей, то среди крестьянъ, и, съ преемствомъ послѣдняго рода, исчезали изъ состава Куростровскаго сельскаго общества. Наболѣе давнее въ этомъ подборѣ является фамилія *Колчиныхъ*. Она повсюду въ Архангельской епархіи признается духовною, но въ Куростровѣ приходо-расходная книга 1751 года упоминаетъ ее безъ этого обозна-

ченія, уже какъ бы крестьянскаго. Далѣе этого года о ней ничего неизвѣстно, и духовныя росписи съ 1770 года совсѣмъ не упоминають. Должно быть, такая фамилія пресѣклась вскорѣ послѣ 1757 года или выбыла изъ Курострова. Если-же Колчины въ то время уже не состояли въ церковномъ штатѣ, то очевидно ихъ ближайшій родоначалникъ умеръ когда-то многимъ раньше, а прочіе переписались въ ряды землепашцевъ. Далѣе, затѣмъ другой документъ, именуемый церковнымъ синодикомъ, и еще къ тому-же духовныя росписи довольно ясно показываютъ, что при Куростровской церкви съ 1743 года по 1753-й годъ служилъ дьячкомъ Оеофилактъ Карасовскій, а его сотоварищами были пономарь Алексѣй Катаевъ, до него дьячекъ Семень Яковлевичъ Сабельниковъ. Такимъ образомъ на долю Колчина падаетъ все время до 1743-го года; съ 1717-го года онъ, при увеличеніи штата священнослужителей, имѣлъ сотоварищемъ молодого Сабельникова; а въ дѣтскіе и отроческіе годы Михаила Васильевича Ломоносова могъ быть и одинъ и съ пономаремъ, послѣднее всего вѣрнѣе. Итакъ, воспитателемъ юности сего гениальнѣйшаго русскаго ученаго теперь вполне возможно признать Куростровскаго дьячка *Сидора Панкратьевича Колчина*, на долю коего выпало счастье обосновать въ этой научной звѣздѣ первая начала лучшихъ знаній и готовность открыть душу къ безконечному совершенствованію. Да будетъ легка ему земля родная, пусть онъ мирно пользуется въ ней покоемъ за свою высокую, хотя и простую, трудовую жизнь. Это вторая драгоценнѣйшая могила, какую хранить и беречь въ родина Ломоносова для лучшей памяти о немъ!

Остается перейти къ памятникамъ болѣе живымъ, пригоднымъ послужить нагляднѣйшими пособіями къ выясненію того, что можетъ принести въ знакъ памяти о Ломоносовѣ родная ему Денисовка и Куростровъ. 1) Отъ знаменитой Ломоносовской усадьбы, нѣкогда имѣвшей прудъ, осталась только безформенная грязная болотная трясина, заваленная мусоромъ, какъ бы въ печальное доказательство, что до иного земляки Михаила Васильевича не додумались, а реставрировать прудъ между тѣмъ очень легко и ничего особеннаго не стоитъ; тогда и школьная усадьба выглядѣла бы солиднѣе, да и о Ломоносовѣ имѣлось бы особое живое, осязательное напоминаніе... Впрочемъ, вопросъ подобнаго рода не первый, существуютъ и еще ему подобные. 2) Мѣсто дома Ломоносова, уже довольно достаточно опредѣляемое преданіемъ, до сего дня ничѣмъ особеннымъ не обозначено, и ждетъ, повидимому, скоро ли окажутъ ему вниманіе. 3) Каменная церковь, на закладкѣ которой молился Михайлъ Васильевичъ съ отцомъ своимъ, и нынѣ существуетъ въ своемъ современномъ Ломоносову планѣ и первичномъ видѣ. Ея внутренность обставлена иконами, знакомыми Михайлу Васильевичу, и постоянно бывшими предметомъ заботъ его о чистотѣ и порядкѣ. 4) Въ алтарѣ Дмитріевскаго храма сохранился на престолѣ антиминсъ 1706 года, опередившій на 5 лѣтъ день рожденія Ломоносова. Сбереглись оловянные сосуды, наиримѣръ, чаша, изъ которой причащался Ломоносовъ Святыхъ Таинъ. 5) На колокольнѣ виситъ семипудовый всеневный колоколь, отлитый въ 1638 году, и онъ часто въ свое время оглашалъ окрестности рукою Михаила Васильевича. 6) На вершинѣ холма, набросаннаго надъ тремя Чудскими князьями, — и донынѣ съ 1678-го года стоитъ большой деревянный крестъ, передъ которымъ Ломоносовъ молился въ крестохожденіяхъ 9 мая и въ Петровъ постъ, при чемъ древнѣйшій финифтяный ковшъ, уже хранимый въ церкви, бывалъ

въ рукахъ Михаила Васильевича, когда онъ подавалъ священнику для кропленія святуя воду, наливая изъ большой чаши въ блюдо. 7) Уцѣлѣлъ еще старый церковный погостъ съ могилами современниковъ Ломоносова, его родныхъ и знакомыхъ; на пемь четыре года тому назадъ въ рѣчномъ обрывѣ видѣлись остатки деревяннаго фундамента прежней церкви, неизвѣстно какой изъ двухъ, но несомнѣнно той, въ которой молился Михаилъ Васильевичъ. Если-бы этимъ памятникамъ дать приличный порядокъ, то незначительное лишь оживленіе сдѣлало бы нынѣшнюю Ломоносовку далеко не тою картиною пустоты, какую теперь она представляетъ въ отношеніи памяти о Ломоносовѣ. 8) Не излишне пожалѣть о томъ, что сравнительно еще недавно варварски истребленъ остатокъ Палипинской оловой рощи въ Куростровѣ, которая по близости своей къ Денисовкѣ служила всегдашнимъ мѣстомъ веселыхъ игръ и прогулокъ Михаила Васильевича въ его дѣтствѣ и отрочествѣ. 9) Той же участи подвергся и знаменитый Куростровскій ельникъ противъ Холмогоръ, о которомъ упоминалъ Ломоносовъ въ своихъ сочиненіяхъ, и гдѣ самъ бывалъ то при дѣтнемъ ионьскомъ крестохожденіи на озеро при ельникѣ, то при народныхъ гуляньяхъ, тамъ издавна водившихся, и, наконецъ, вообще восхищаясь особенною дикою красотой этого мѣста, поражающею въ свое время даже ко всему апатичныхъ мужиковъ.

Теперь присоединимъ нѣсколько словъ о родинѣ Ломоносова въ ближайшее время за бѣгствомъ въ Москву. Сначала здѣсь трудовая жизнь была ключемъ, особенно судостроеніе поглощало все вниманіе и всѣ запасы силъ. Оно приняло съ теченіемъ времени такой широкой объемъ, что Вавчуга не могла вмѣщать общую массу дѣла, хотя и вела колоссальнѣйшее предпріятіе. Поэтому стали появляться дополнительныя корабельныя верфи, папримѣръ, Негодяевыхъ въ Ровдинѣ, верстахъ въ шести—семи отъ Курострова на одномъ съ нимъ берегу Курополки, и Жидиловыхъ въ самомъ Куростровѣ, на окатѣ Затѣскаго озера. Разросшійся выгодный трудъ, свободнѣйшій сбытъ всѣхъ произведеній края и его выгодъ достаточно обогащали мѣстное населеніе, пока не взялъ перевѣсъ городъ Архангельскъ съ основаннымъ въ пемь морскимъ портомъ. Тогда постепенно началось во всемъ торгово-промышленномъ положеніи Холмогорскаго края наблюдаться сокращеніе энергій; центры наиболѣе широкаго труда передвинулись къ портовому городу, а за этимъ убавились заказы въ Вавчугу и другія верфи Холмогорскаго округа. Кончина Ломоносова приходилась какъ разъ на первые признаки бытового кризиса его родины, который въ концѣ XVIII-го вѣка разрѣшился быстрымъ упадкомъ жизнедѣятельности края, а въ началѣ XIX столѣтія уже и полнымъ прекращеніемъ всѣхъ наиболѣе важныхъ функций. Тогда Холмогоры приняли видъ деревни, а ихъ цвѣтуція предмѣстья превратились въ очень типичныя захолустья, особенно же Куростровъ, обѣднѣніе котораго зашло еще дальше, чѣмъ въ большинствѣ сосѣднихъ селъ. Это послѣднее, зависѣвшее отъ безпечности привыкшихъ къ легкому заработку, отъ пьянства, съ симъ неизбежно связаннаго, вѣроятно и дало представленіе многимъ, да и самимъ куростровцамъ, о ихъ будто бы вѣчной нуждѣ, заброшенности и приниженности, тогда какъ живая дѣйствительность говоритъ совершенно другое.

Вотъ съ чѣмъ остались Холмогоры, Куростровъ и Денисовка послѣ Ломоносова, и дивно-ли, что окупившійся въ нужду, пьянство и

другіе пороки мѣстный людъ могъ забыть о Ломоносовѣ, такъ какъ включительно до пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка въ Куростровѣ не только не было школы, но даже и не заводилась рѣчь о ней. Гдѣ же послѣ этого сберечься памяти о Ломоносовѣ, какъ не растратиться всякимъ повѣствованіямъ о немъ на его родинѣ?!

Свящ. Арк. Грандилевскій.

Родина Ломоносова.

Вслѣдъ за кончиной Михаила Васильевича Ломоносова обнаружались на его родинѣ нѣкоторые признаки грозившаго упадка ея крайне напряженной дѣятельности. Начало XIX вѣка сдѣлалось началомъ столь быстрого разложенія прежде цвѣтущей мѣстной жизни, что къ пятидесятымъ годамъ родина Ломоносова отражала въ себѣ полдлинную картину нищеты.

Всѣ корабельныя верфи закрылись, и ежедневный денежный заработокъ для холмогорскаго населенія исчезъ навсегда. Другихъ источниковъ побочной наживы здѣсь не существовало; жестокая необходимость гнала лишь къ очень скудной и тяжелой наживѣ черезъ земледѣльство, скотоводство, сѣнную торговлю. Свободные земельные участки общество не умѣло держать въ рукахъ: за водку и пичтожныя подачки оно съ легкою душою отдавало ихъ богачамъ, кулакамъ, всякимъ ловкачамъ. Тѣ, конечно, своихъ же сообщественниковъ втягивали на услуги по разработкѣ этихъ выдѣловъ, завлекали ихъ въ долги, скупали у нихъ поля и покосы прежде всякихъ урожаевъ, довершая подобными вещами общее раззореніе бѣднѣйшихъ. Прижатый людъ не проявлялъ никакой самостоятельности, и, точно въ тяжеломъ полуснѣ, влачилъ свои дни когда сытъ, когда голоденъ. Дикому кулачеству здѣсь открывался величайшій просторъ, ему содѣйствовала и полнѣйшая безграмотность населенія. Куростровъ нѣ имѣлъ хорошаго училища, хотя и сознавалъ въ немъ острую нужду. Церковь стояла въ запусѣннѣ, такъ какъ народъ былъ до мозга костей проникнутъ духомъ раскола, и холмогорскіе капиталисты, придерживавшіеся старообрядчества, щедро снабжали и деньгами, и одеждою, и провизіею всякаго, кто-бы только заявлялъ себя предъ ними старовѣромъ. Разумѣется, опыты обученія дѣтей грамотѣ при церкви подвигались плохо, и жалкое положеніе земляковъ Ломоносова этимъ еще болѣе увеличивалось. Родина перваго русскаго ученаго была тогда ниже и хуже всякаго захолустья, сколько-нибудь неиспорченнаго водкою да лѣнью. Удивительно, что и промышленное дѣло—ремесленное, кустарное—тогда не находило мѣста въ Куростровѣ, точно жили здѣсь бродячіе инородцы, готовые во всякую минуту кинуть мѣсто и занять другое, лишь бы не пришлось приобучиться руководѣлью. Но къ счастью земляковъ Ломоносова такое состояніе ихъ общаго свѣа продолжалось не слишкомъ долго: нашлись люди и средства разшевелить закоснѣвшую деревню, и она, дѣйствительно, начала пробуждаться уже со второй половины XIX вѣка, приблизительно черезъ столѣтіе по кончинѣ Михаила Васильевича Ломоносова. Это пробужденіе прежде всего выразилось и началось въ заботахъ о насажденіи грамотности.

Съ незапамятныхъ поръ насадителями грамоты были церковные дьячки, умѣвшіе исключительно читать и писать, но не воспитывать людей. Крайне немногіе и исключительные самородные воспитатели проглядывали случайно, между сотнями по одному, и вносили въ крестьянскую общину мало пользы и свѣта потому, что ихъ труды скоро исчезали въ непроглядномъ мракѣ, царившемъ надъ деревнею. Когда же въ Куростровѣ появилась школа съ болѣе или менѣе правильною организаціею? Особыхъ документальныхъ датъ для выясненія этого вопроса не имѣется. Существуютъ лишь общія свѣденія о томъ, что въ началѣ

XIX вѣка по Холмогорскому округу лишь только зарождались еще виды школъ грамоты при церквахъ, руководимыя уже приходскими священниками. Такая школа была и въ Куростровѣ, и, какъ видно изъ памятной церковной книги (1887 г. листъ 65), едва ли не раньше 1837 года. Однако ея существованіе еще далеко не обезпечивало всю нужду и мало говорило за успѣхъ. Мѣстному священнику пришлось очень много поработать лишь для одного разъясненія всей пользы грамотности, не говоря уже о лучшей организаціи училища, потому что и въ ту примитивную школу ходили учиться со слезами и посылали съ воємъ, точно въ старинную двадцатипятилѣтнюю солдатчину. Ухудшалось учебное дѣло и ярмъ пристрастіемъ крестьянъ къ расколу, который горячо отстаивалъ свою темноту. Однако полувѣковое служеніе родинѣ Ломоносова священника Іоанна Васильева, имѣвшаго особый заслуженный авторитетъ, оказалось достаточнымъ, чтобы смягчить безчувственную, загрузѣвшую толпу, и въ пятидесятыхъ годахъ возникло движеніе въ пользу открытія хорошей благоустроенной школы. Навстрѣчу этому благому начинанію выступила Архангельская палата государственныхъ имуществъ, учредившая въ 1850 хъ годахъ для жителей Куростровскаго селенія официально признанную начальную школу и ввѣрившая ее руководству мѣстнаго священника. День открытія сего училища состоялся 8-го ноября и былъ ознаменованъ торжественнымъ богослуженіемъ въ храмѣ съ крестнымъ ходомъ въ школу и цѣлымъ рядомъ убѣдительноѣйшихъ рѣчей о смыслѣ сдѣланнаго въ районѣ Ломоносова просвѣтительнаго благодѣанія. Крестьяне, видимо, оцѣнили услугу и ежегодно присылали въ школу не менѣе сорока дѣтей, что для Курострова того времени было даже очень много; учебный же успѣхъ всецѣло поддерживался трудами и заботами отца Іоанна Васильева, который весь отдавался интересамъ школы. Такимъ образомъ возникшее сельское училище существовало 19 лѣтъ. Особаго учителя не было: священникъ получалъ за трудъ годовыхъ 100 руб., на письменныя принадлежности учащимся 12 руб. въ годъ, на все хозяйственное содержаніе училища, прислугу и квартиру—60 руб., а книги высылались палатою. (Сам. книга Куростр. ц. 1867 г. листъ 65). Отъ сельскаго общества никакихъ пожертвованій не поступало; ихъ пужно было ждать почти два десятилѣтія. Но приближалось событіе, которое такъ встряхнуло мирно спавшія Холмогоры, что они послѣ того уже не погружались въ прежнюю дремоту, а постепенно двинулись навстрѣчу къ жизни, хотя сперва курными шагами.

Это событіе заключалось въ столѣтнемъ юбилеѣ отъ дня кончины Ломоносова и относилось къ 5 апрѣля 1866-го года. Оно приблизило къ Холмогорамъ вниманіе всѣхъ вѣдомствъ, соприкасавшихся съ родиною Ломоносова, и побудило ихъ, въ память о великомъ геніѣ, предпринять то или другое предначинаніе, способное къ услугѣ въ будущемъ. И, дѣйствительно, Куростровъ первый сталъ центромъ всеобщихъ заботъ, сосредоточившихся на училищѣ, ремеслахъ, и сельскомъ хозяйствѣ.

Не безынтересно отмѣтить, какъ протекло самое событіе юбилея, составившее на родинѣ Ломоносова цѣлую эпоху, а затѣмъ уже перейти и на всѣ прочіе матеріалы, характерно зависѣвшіе отъ этого чрезвычайнаго тогда торжества. Холмогоры повидимому, не дѣлали особыхъ серьезныхъ приготовленій, также и Куростровъ. Его предуготовительныя заботы сказались только въ одномъ денежномъ сборѣ, неиз-

вѣстно какими путями состоявшемся, добровольно или же по предложенію властей. Вѣрнѣе, конечно, послѣднее, такъ какъ ипаче никакой мужикъ не додумался бы до пожертвованій, а всѣхъ средствъ собрано было отъ крестьянъ количествомъ 150 рублей, и они цѣликомъ послѣдовали на угощеніе и другіе праздничные расходы, что едва-ли не вошло въ главную ихъ цѣль, какъ покажетъ дальнѣйшее. Въ необыкновенной для Курострова щедрости крестьянъ были видны свои расчеты, довольно ярко говорившіе сами за себя. Тогда юбилейное 1-е апрѣля пришлось во второй день Пасхи и въ Куростровъ собрались ближайшіе представители мѣстныхъ гражданскихъ учреждений, холмогорское городское и окружное духовенство, учащіеся и крестьяне. По окончаніи литургии, совершавшимъ ее протоіереемъ Холмогорскаго собора Іаковомъ Ключаревымъ была произнесена приличная дню проповѣдь, а затѣмъ пасхальное молебствіе и крестный ходъ въ д. Денисовку на мѣсто дома Ломоносова. Здѣсь, при молебствіи, слѣдовалъ цѣлый рядъ рѣчей, соотвѣтственныхъ торжеству, и церковная процессія опять возвратилась въ храмъ. По устройству же дальнѣйшаго порядка въ празднованіи существовала особая коммиссія, которая избрала подъ помѣщеніе для юбилейныхъ торжествъ ближайшій къ Ломоносовской усадьбѣ домъ крестьянина Шубнаго. Программа была составлена коммиссіею при участіи преосвященнаго Наванайла, епископа архангельскаго и начальника губерніи Гартинга. По этой программѣ сначала слѣдовала раздача печатныхъ біографій Ломоносова учащимся, а народу-краткихъ брошюръ о Ломоносовѣ. Учащіеся угощались сбитнемъ, закусывая его бѣлымъ хлѣбомъ, пряниками и пасхальными яйцами. Духовенству и всѣмъ высшимъ участникамъ торжества былъ предложенъ чай и закуска, а народу, во множествѣ окружавшему Ломоносовскую усадьбу, были поставлены передъ домомъ Шубнаго водка и пиво цѣлыми ушатами и кадками. Пили—кто сколько могъ; многіе до „продова умертвія“. Попойка превратилась въ дикую оргію; мужики, потерявшіе сознаніе, слошались, бессмысленно болтались повсюду, иные безпомощно лежали распростертыми близъ пива и вина; нѣкоторые, запустивъ руку въ кадку или ушатъ, оставались въ этомъ состояніи, точно мертвые; иные, не найдя ковши или чашки, черпали хмельную влагу шапками и просто пригоршнями. Шапки плавали въ винѣ и пивѣ. Неоказавшіеся способными уснуть, ползали на четырехъ конечностяхъ, какъ отравленные тараканы, иные начинали горѣть съ вина; псаломщикъ Быстрокурской церкви чуть-было не заплатилъ жизнью: едва съ нимъ отводились, и бѣднягѣ, какъ говорятъ, пришлось извѣдать за это удовольствіе перемѣщеніе въ другой приходъ. Не безслѣдно прошла эта дикая попойка. О ней съ величайшимъ восхищеніемъ и донынѣ вспоминаютъ старики, когда-то принимавшіе участіе въ юбилѣѣ. Повидимому, этого же наслажденія ждуть мѣстные крестьяне и въ предстоящій юбилей, уже довольно примитивно вопрошая: —„такъ ли выпьемъ мы въ 1911 году, можетъ быть, не менѣе того?!!!“

Близъ дома Шубнаго былъ поставленъ изящный бюстъ Ломоносова, работы Тышинскаго. Деревянный пьедесталь этого временнаго монумента, изящно сработанный, былъ весь изукрашенъ живою орнаментировкою, сквозь которую виднѣлись надписи въ честь Ломоносова. Около этого бюста сосредоточилась вся толпа, особенно же молодежь обо его пола. Устраивалось шумное и веселое народное гулянье съ пѣснями, играми, пляскою, иллюминаціею; учредителями этого отдѣла въ празд-

нествѣ были холмогорскіе военные и гражданскіе представители. Они для оживленія массы кидали изъ оконъ дома Шубнаго сласти и всякіе безцѣлушки въ толпу дѣвиць, бабъ, парней, какъ говорятъ въ деревнѣ, „на драку“, и тогда происходила невообразимая свалка, возня, крикъ, визгъ, хохоть, ругань, тоже оставившіе по себѣ неизгладимыя воспоминанія. Такъ прошелъ юбилейный вечеръ и ночь, начиная отъ двухъ часовъ дня, когда все духовенство обособилось въ священнической квартирѣ и тѣмъ дало совершеннѣйшій просторъ всѣмъ, не напоминая собою о духовномъ началѣ торжества. Позднею ночью молодежь изготовила на рѣкѣ карбаса. Дѣвицы подхватили съ пьедестала бюсть Ломоносова и съ пѣснями, шутками и смѣхомъ размѣстились въ суднѣ. Затѣмъ, водрузивъ посрединѣ бюсть, взяли весла, отчалили отъ берега и запѣли: *„отъъзжаетъ мой миленькій во дороженьку“*. Подъ звуки этой пѣсни бюсть Ломоносова привезенъ былъ въ Холмогоры; дальнѣйшая судьба его осталась для холмогорцевъ неизвѣстною, но, какъ видно изъ дѣйствительности, позднѣе открывшейся бюсть этотъ хранился въ городѣ Архангельскѣ. Пьедесталъ не плѣнилъ своимъ художественнымъ видомъ мужицкую душу; онъ постоялъ немного времени и былъ затѣмъ изломанъ и изрубленъ на дрова, которыя въ Куростровѣ составляютъ вѣчно острый вопросъ.

Такъ прошелъ юбилей на родинѣ Ломоносова во виѣшней своей обстановкѣ, но внутренняя сторона имѣла совсѣмъ другое направленіе и была полна серьезнѣйшихъ матеріаловъ. Ихъ разработка только предначертывалась вблизи 1865 года, осуществилась же позднѣе. Насколько видно по всему ходу сообщенія о празднованіи столѣтія отъ дня кончины Ломоносова, тамъ не замѣтно было участія ни одного представителя отъ города Архангельска; родина Ломоносова въ своемъ юбилейномъ торжествѣ ограничивалась только своими людьми. Архангельская администрація и другіе представители отозвались по отношенію къ событію нѣсколько позднѣе, и, надобно сказать, съ величайшею сердечною. Они въ отношеніи къ памяти Ломоносова сдѣлали столько, что и теперь не утратилась ни одна доля ихъ заботъ, а, напротивъ, съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени, симпатичныя начинанія сами собою развернулись въ широкое дѣло, открывая вновь свѣтлый просторъ для прогрессивнаго развитія.

Здѣсь опять возвратимся къ школѣ. Въ ознаменованіе памяти Ломоносова на его родинѣ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ томъ же юбилейномъ году, Архангельскій губернскій статистической комитетъ открылъ всероссійскую подписку на памятникъ Ломоносову. Черезъ годъ получила сумма въ 7000 рублей, изъ коей четыре тысячи были выдѣлены для вклада въ государственный банкъ, чтобы своими процентами давали стипендію въ Архангельской мужской гимназіи одному изъ крестьянскихъ мальчиковъ куростровскаго сельскаго общества, достойному принятія въ средне-учебное заведеніе. Затѣмъ сборъ еще продолжался съ сентября мѣсяца 1868 года и достигъ цифры въ восемь съ половиною тысячъ рублей. Начались толки и споры относительно того, какой памятникъ воздвигнуть Ломоносову. Одни предлагали школу, другія часовню, третьи—монументъ. Послѣднее не имѣло уснѣха, потому что какъ разъ послѣ юбилея въ 1865 году открылась въ Куростровѣ страшная эпизоотія, которую приписали, отчасти и памятнику Ломоносова, будто бы символизировавшему языческое идолобъсіе, когда вокругъ него 5-го апрѣля централизовалось юбилей-

ное веселье, а затѣмъ послѣдовала и боязнь градобитія по той же причинѣ, такъ что о монументѣ положительно ничего нельзя было думать и говорить. Проектъ о часовнѣ Архистратигу Михаилу, ангелу Ломоносова, тоже почему-то не нашель сочувствія, осталась *школа*, за оборудованіе которой и взялся архангельскій губернской статистическій комитетъ. Сначала отвели мѣсто новому училищу въ наемной квартирѣ за 70 руб. въ годъ, учителю и законоучителю опредѣлили жалованіе въ 300 руб., на учебныя матеріалы ассигновали ежегодно отпускать по 40 руб., и днемъ открытія было назначено *третье октября 1868 года*. Онъ прошелъ едва-ли не солиднѣе юбилея 1865 года.

Къ литургіи пожаловали въ Куростровъ начальникъ губерніи, князь Гагаринъ, директоръ народныхъ училищъ, члены Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета, ректоръ семинаріи архимандритъ Донатъ, холмогорское городское и окружное духовенство, учащіе, учащіяся, сельскія власти. Послѣ обѣдни ректоромъ и всѣмъ прибывшимъ духовенствомъ была совершена по Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ трогательная, торжественная панихида, начатая рѣчью о цѣляхъ открытія новой школы. Затѣмъ послѣдовалъ крестный ходъ къ мѣсту дома Ломоносова, гдѣ была совершена заупокойная литія по Ломоносовѣ и дальѣ процессія двинулась до училища. Здѣсь архимандритъ Донатъ произнесъ рѣчь и началъ молебное пѣніе на обученіе отроковъ. Послѣ молебствія слѣдоваль цѣлый рядъ рѣчей, открытій директоромъ народныхъ училищъ, а секретарь комитета Чубинскій произнесъ особые стихи, составленные имъ на день открытія сей школы. Губернаторъ князь Гагаринъ подарилъ училищу образъ Спасителя, княгиня-изготовила гостинцы дѣтямъ, директоръ училищъ подарилъ коллекцію историческихъ картинъ, архимандритъ Донатъ—вѣсколько книгъ и свой портретъ. За симъ, начальникъ губерніи отбылъ въ Холмогоры, а оставшійся при школѣ народъ получилъ угощеніе виномъ; вечеромъ была устроена при школѣ иллюминація, широкое общественное гулянье съ пѣснями и играми солдатъ и молодежи обоого пола.

Торжество открытія школы усиливалось еще и особою Высочайшею милостию, въ это же время дарованною. Въ память о Михаилѣ Васильевичѣ Государь Императоръ соизволилъ повелѣть *Денисовку* именоваться *Ломоносовскою деревнею* и Вашкаринской волости, къ которой принадлежалъ Куростровъ—*Ломоносовскою*.

Черезъ годъ Ломоносовка была удостоена посѣщенія новымъ начальникомъ губерніи Качаловымъ, который также близко принялъ къ сердцу ея нужды, какъ и князь Гагаринъ. Первымъ предметомъ попеченія было изысканіе средствъ на постройку собственнаго школьнаго зданія. Въ 1870 году 24 іюня Ломоносовское училище имѣло счастье принять Великаго Князя Алексія Александровича. Губернаторъ Качаловъ глубоко заинтересовалъ выскаго гостя и школою и родиною Ломоносова вообще; Алексій Александровичъ здѣсь же благоволилъ подарить училищу 400 рублей на приобрѣтеніе своего помѣщенія, и дѣло двинулось впередъ крупными шагами. Къ этимъ деньгамъ присоединилось 170 рублей отъ Куростровскаго сельскаго общества, 200 р. 50 к. отъ Архангельскаго статистическаго комитета, и лѣтомъ 1871 года въ Куростровѣ, близъ Ломоносовской усадьбы, быстро выросло обширное деревянное школьное зданіе, цѣликомъ перевезенное изъ села Емецкаго, гдѣ было оно прежде женскимъ ремесленнымъ училищемъ. Восьмого сентября опять праздновали во всю ширь освященіе новоустроенной шко-

лы. Къ литургіи прибыли начальникъ губерніи, уже Н. П. Игнатьевъ, директоръ народныхъ училищъ, мировые посредники Холмогорскаго и Пинежскаго уѣздовъ, холмогорскій исправникъ, духовенство. Затѣмъ изъ храма всѣ съ крестнымъ ходомъ пришли въ училищное зданіе, гдѣ торжественное молебствіе предварялось проповѣдію мѣстнаго священника и сопровождалось рѣчами губернатора, директора и отчетомъ холмогорскаго посредника.

Этимъ дѣло далеко не кончилось. Новое зданіе оказалось холоднымъ и неудобнымъ, къ тому же оно и въ Емецкомъ постояло довольно времени, такъ что нуждалось въ частыхъ ремонтахъ. Надобно было готовить средства къ перестройкѣ его на лучшей ладъ. За этимъ дѣло не удерживалось и въ 1892 году 24 іюня было получено Высочайшее соизволеніе на безпошлинную вырубку лѣса для новаго школьнаго зданія на рощѣ Ломоносова. Въ томъ же году послѣдовала и постройка, а затѣмъ, 8-го января—торжество освященія уже при участіи только холмогорскихъ представителей. Эта школа существуетъ и по настоящее время. Она была принята въ лучшую пору своего процвѣтанія подъ особое покровительство начальника губерніи князя Голицына, который неоднократно посѣщалъ ее; однако, вопль соответствовать своему назначенію—*быть памятникомъ Ломоносову* она не могла. Съ внѣшней стороны ея изолированное положеніе на сухомъ бугрѣ близъ бывшаго Ломоносовскаго пруда и аллея по фасаду, обсаженная разными породами мѣстнаго лѣса, сравнительно приличная, хотя и очень простая архитектура зданія, въ общемъ, имѣли живую и отчасти внушительную картину, внутри же домъ этотъ что-то очень скоро испортился, потому и садъ запустѣлъ, изгородь рассыпалась, прудъ сдѣлался мѣстомъ для грязи и мусора, такъ что въ 1901 году такое жалкое состояніе памятника—школы показалось академику Алексѣю Александровичу Шахматову, при посѣщеніи имъ Ломоносовки, настолько убогимъ и печальнымъ, что онъ въ первомъ же порядкѣ вещей счелъ обязательнымъ долгомъ позаботиться о немедленной реформѣ училища, къ чему и было приступлено съ іюня мѣсяца того же года. Эта реформа школы составила цѣлую эпопею, и о ней была бы въ дальнѣйшемъ обширная повѣсть, но здѣсь говорить всего не будемъ....

Такъ или иначе, сельское училище имени Ломоносова достаточно организовалось; даже оно не ограничилось одною первичною установкою: рядомъ съ начальнымъ обученіемъ слѣдовалъ ремесленный классъ рѣзбы по кости. Этою отраслью, равно какъ и всѣми функціями училища по хозяйственной части завѣдывалъ Архангельскій статистическій комитетъ, хранившій въ рукахъ своихъ и запасный фондъ на нужды училища, именованій Ломоносовскимъ капиталомъ; избытокъ средствъ и выдѣлялся на ремесло. Почему и какъ возникъ здѣсь именно классъ рѣзбы по кости, памятная книга Куростровской церкви говоритъ слѣдующее.

По почину, сдѣланному уже извѣстнымъ токаремъ костяныхъ издѣлій Иваномъ Оедоровичемъ Лопаткинымъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, Куростровъ постепенно двинулся впередъ и къ точенію кости стали присоединять художественныя рѣзные вещи изъ того же матеріала; появлялись очень даровитые мастера, наиримѣръ Гавріиль Шубный, издѣлія котораго нашли себѣ мѣсто въ эрмитажѣ. Куростровъ въ этомъ отношеніи стоялъ ничуть не ниже Москвы и онъ готовилъ не мало новинокъ по отдѣльнымъ заказамъ для Высочайшихъ особъ. Вы-

годное дѣло интересовало населеніе, однако лучшихъ художниковъ являлось немного, такъ какъ развитіе мастерства требовало долговременнаго и настойчиваго изученія, а на это въ то время не высккивалось много досужныхъ рукъ въ деревнѣ; большинство ограничивались кое-какимъ навыкомъ выдѣлыватьужи, ложки, вилочки, черепки, рукоятки, гребни. Куростровъ, видимо, нуждался въ особомъ упорядоченіи рѣзбы по кости.

Въ 1885 году 13-го іюня, совершилось очень знаменательное событіе. Въ девять часовъ утра родину Ломоносова посетилъ Его Императорское Высочество, въ Бозѣ почившій Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Подъ звонъ колоколовъ и народный кличъ промчалась коляска съ высокимъ гостемъ между домами Ломоносовки, нестрѣвшею флагами, живою зеленью, цвѣтами, и направилась въ разукрашенную школу, еще болѣе того привлекавшую взглядъ, благодаря своевременно устроенной аллеѣ со всевозможными гирляндами и другою декоративною отдѣлкою. При входѣ въ школу мѣстный волостной старшина поднесъ Великому Князю отъ имени крестьянъ Ломоносовской волости хлѣбъ и соль на очень цѣнномъ рѣзномъ блюдѣ изъ слоновой кости; затѣмъ учащіяся пропѣли встрѣчное *Спаси Господи*. Его Высочество и свита внимательно знакомились со школою и вообще родиною Ломоносова. Особенное вниманіе сосредоточивалось на рѣзбѣ по кости; Великому Князю было благоугодно выразить пожеланіе, чтобы при школѣ имѣлся и отдѣльный ремесленный классъ рѣзбы по кости. Высокое соизволеніе осуществилось въ томъ же 1885 году; 10-го декабря ремесленный классъ былъ торжественно открытъ, а затѣмъ нѣсколько разъ кряду удостоивался посѣщеній начальниковъ губерніи. Съ тѣхъ поръ училище имени Ломоносова двинулось широкою дорогою. Окончившіе курсъ мальчики, по желанію, могли поступать въ ремесленное отдѣленіе, гдѣ полный кругъ дѣла усвоился въ трехгодичный періодъ. Сначала выработывались гладкія и простѣйшія вещи изъ обыкновенной кости, затѣмъ шли работы граверныя, ажурныя и чеканныя, далѣе переходили къ цѣнностямъ изъ моржовой, слоновой и мастодонтовой кости. Работали ножи для разрѣзыванія бумаги, брошки, бирюльки, заправки, коробочки, портмона, вѣеры, рукоятки всякаго рода, подчасники, украшенія къ переплетамъ, набалдашники къ тростямъ, вещи для солильных подношеній, аптекарскія принадлежности, домино, блюда, рабочіе пессерсы, чернильные приборы, шахматы, мозаику и другія отдѣлки будуаровъ, кабинетовъ, столовъ и т. д. Въ первое время этотъ классъ рѣзбы представлялъ собою кипучій центръ школьнаго руководѣнія и давалъ очень даровитыхъ мастеровъ, но затѣмъ онъ скоро потерялъ свой обаятельный усиѣхъ, потому что оказался открытымъ уже въ періодъ послѣдняго интереса къ рѣзбѣ по кости. Пока въ этомъ отношеніи шло дѣло хорошо, Ломоносовка пользовалась чрезвычайнымъ вниманіемъ всѣхъ.

Не забыта была родина Михаила Васильевича и въ экономическомъ отношеніи. Лучшею стороною сельскаго хозяйства тамъ являлись рѣдкостные сѣнокосы и свободные луга. Сюда около шестидесятихъ годовъ направляли цѣлыми подборами виднѣйшія породы голландскаго скота, и холмогорскія племенные коровы обогащали крестьянъ, служа предметомъ выгоднаго торга, громаднмъ подспорьемъ къ пропитанію и производительною статьею маслодѣлія. Были опыты централизаціи скотопрмышленнаго дѣла въ видѣ сельско-хозяйственныхъ фермъ. Одна изъ

нихъ, соприкосновенная родинѣ Ломоносова, имѣлась въ Творенскомъ селеніи подъ завѣдываніемъ мѣстнаго волостного правленія, учреждена же была палатою государственныхъ имуществъ и имѣла своею задачею—дать образцовую постановку сельскаго хозяйства по всѣмъ новѣйшимъ приѣмамъ земледѣлія и скотоводства. Какъ она и долго-ли функционировала, свѣдѣній не оказалось, только извѣстно, что была сравнительно немного времени цвѣтущею, а послѣ вдругъ дошла до полного закрытія.

Холмогорскій мировой посредникъ Семень Ивановичъ Личиковъ душевно искалъ оживленія трудовыхъ силъ своего округа и знакомилъ его съ сельско-хозяйственными машинами, иными изобрѣтеніями, лично содѣйствуя интересующимся. Сверхъ того Холмогоры, по его настоянію, часто фигурировали своими экспонатами на всевозможныхъ выставкахъ, и къ ихъ чести слѣдуетъ сказать, что родина Ломоносова повсюду находила то похвальные листы, то преміи, то наградныя медали за трудолюбіе и искусство.

Общественная жизнь, получивъ толчекъ въ юбилейныхъ хлопотахъ, выдвинула на видѣйшія мѣста всѣхъ лучшихъ людей, и вокругъ нихъ скоро организовалась самая разнохарактерная дѣятельность. Родина Ломоносова въ концѣ ковцовъ сознательно взглянула на свое положеніе и озаботилась не только вспомнить прославившее ее имя, Михаила Васильевича, но и себя въ возможной мѣрѣ придвинуть къ чести быть дѣйствительно ему родною. Въ 1872 году школу имени Ломоносова Холмогорскій край украсилъ солидною иконою Архистратига Михаила, а водость Ломоносовская учредила къ ней лампаду, ежегодно жертвуя по 25 рублей. Пятнадцатаго сентября, при участіи мирового посредника Личикова и другихъ представителей, эта икона была торжественно освящена, а восьмого ноября предъ нею первый разъ при такой же обстановкѣ совершилось молитвенное поминованіе Михаила Васильевича Ломоносова. Съ этихъ поръ и навсегда въ Ломоносовскомъ училищѣ установилось празднованіе Архистратигу Михаилу съ совершеніемъ все-нощнаго бдѣнія, молебствія Архангелу и возглашеніемъ вѣчной памяти Ломоносову. Крестьяне, переживъ цѣлый рядъ самыхъ трогательныхъ моментовъ въ жизни своего селенія и училища, стали имѣть ко всему этому чрезвычайное вниманіе, такъ что настало время не только искать для школы желающихъ въ ней учиться и побуждать кого-либо отдавать въ нее дѣтей, но пришлось подумывать о расширеніи существующаго училища, которое сдѣлалось и тѣснямъ и неудобнымъ отъ первоначалнаго.

Въ отношеніи къ личной своей жизни куростровцы тоже замѣтно измѣнились, благодаря нѣсколько пролившемуся на нихъ свѣту въ тѣхъ же шестидесятихъ годахъ. Общій подъемъ хозяйства далъ имъ средства улучшить свой бытъ, открылъ глаза на необходимость бросить лѣнь и праздность; съ другой стороны, постепенное увеличеніе народа и сокращеніе земельныхъ надѣловъ указывало, что уже плохо рассчитывать на одни хлѣба и покосы, что поднятое заботами властей ихъ домоводство будетъ лишь временнымъ подспорьемъ, и отсюда безусловно необходимымъ переходъ къ ремесламъ, промысламъ и другимъ побочнымъ занятіямъ. Въ этомъ сознаніи очень многіе ушли на заработки въ дальніе города, другіе разошлись по ближайшимъ мѣстамъ, третьи дома взялись за прохожденіе разныхъ ремесленныхъ специальностей, открылся живой горячій трудъ, готовившій родинѣ Ломоносова давно уже желательное ей благоустройство. Такъ прошла вся вторая половина XIX-го столѣтія.

Современный нашъ Куростровъ представляетъ собою уже далеко болѣе жизненный пунктъ. Возвратившіеся изъ отлучекъ „бурлаки“, частію еще служащіе, однако состоятельные, понастроили много новыхъ домовъ и снабдили ихъ хорошею обстановкою; мѣстные осѣдлые жители, побросавъ прежнія лачуги, живутъ въ благоустроенныхъ просторныхъ хатахъ. Все вездѣ дышетъ свѣжестью, новизною. Достаточно украшена, исправлена и обезпечена церковь, при ней находятся прекрасныя причтовые усадьбы съ новыми домами, на постройку которыхъ были даны значительныя жертвы отъ крестьянъ. Школа выдвинула многихъ въ штатъ служилыхъ людей, и вы можете ихъ видѣть то присяжными въ холмогорскомъ казначействѣ, то въ городѣ Архангельскѣ, то членами волостного правленія, то за приказчинымъ прилавкомъ, то въ подрядныхъ наймахъ, то занятыхъ торговлею, поставкою разныхъ матеріаловъ и т. д. Существеннѣйшимъ и доходнѣйшимъ дѣломъ земляки Ломоносова считаютъ желѣзно-кровельное мастерство, и отъ него, дѣйствительно, имѣютъ вѣрное обезпеченіе. Затѣмъ, существуютъ цѣлыя семьи сапожниковъ, портныхъ, слесарей, маляровъ, столяровъ, множество плотниковъ, имѣются мѣдники, кузнецы, мастера саней, телѣгъ, горшечники, бондари, печники, мясники, порубщики лѣса. Не исчезли вѣрные традиціи старины чистокровныя земледѣльцы, находятся и землевладѣльцы, пользующіеся услугами наемныхъ людей, скотопрмышленники, занятыя выкормкою и продажею коровъ; среди другихъ занятій многіе берутся за зимній гужевой провозъ клади отъ торговыхъ центровъ въ Архангельскъ, всѣмъ достаточно помогаетъ машинная выдѣлка сливочнаго масла, и въ общемъ каждому, болѣе или менѣе трудолюбивому человѣку, вездѣ теперь открытъ широкій доступъ во всѣ виды крестьянскихъ занятій, изъ коихъ можно выбирать любое и по вкусу и по силамъ. Очень симпатичнымъ явленіемъ послѣдняго времени наблюдается въ Ломоносовкѣ большая сознательность крестьянъ въ отношеніи къ запросамъ будущаго и ихъ видимая готовность сбросить съ себя легкую податливость на удочки своихъ же собственныхъ крючкотворовъ, аблакатовъ, мірофдовъ и сторонниковъ темнаго кулачества. Начинаясь въ этомъ отношеніи опыты мирнаго отказа разбрасывать за водку земельные надѣлы имѣли очень отрезвляющее дѣйствіе на всѣхъ, независимое обсужденіе важнѣйшихъ нуждъ общества, игнорировавшее отчаянные вопли горлодеровъ, тоже пріобрѣло свою цѣнность;—но это еще—только отдаленные проблески ума, которые будутъ долго бороться со всякими соблазнами, болѣе всего съ казенкою. Слишкомъ хвалить ломоносовцевъ нельзя, потому что они такъ далеки отъ идеала, какъ полюсы земли между собою. Въ нравственномъ отношеніи имъ нужно очень много пожелать; честность держится въ карманѣ, совѣсть—на кончикѣ языка, воздержность—пока нѣтъ соблазна. И вотъ, единственная вѣрная надежда достигъ сколько-нибудь лучшаго поворота вещей—теперь всецѣло ожидается отъ школы, приведенной за послѣднее время къ возможной высотѣ.

Еще въ самомъ началѣ, когда училище на родинѣ Ломоносова лишь только что сформировалось въ свой лучшей типъ и сосредоточило на себѣ вниманіе крестьянъ, мѣстный мировой посредникъ Личиковъ озаботился привлеченіемъ всего народа въ образовательные интересы школы и съ 1872-го года устроилъ здѣсь публичныя чтенія съ участіемъ способныхъ послужить дѣлу ея, въ какихъ недочета не оказалось. Училище переполнялось народомъ, и слышались безчи-

сленныя благодарности крестьянъ. Видимо, обнаруживалась крайняя нужда связать плотнѣе жизнь школы съ жизнью крестьянъ всѣхъ возрастовъ. Навстрѣчу этому запросу двинулась уже Петербургская Императорская академія наукъ, которая, назадъ тому три года, реформировала начальную сельскую школу имени Ломоносова въ *двухклассное училище* со столярнымъ ремесленнымъ отдѣленіемъ. Это училище сейчасъ находится въ особомъ громадномъ деревянномъ зданіи, получившемъ прозвище *Ломоносовскаго дворца*. Постройка этой школы—памятника переполнена массою темныхъ дѣлишекъ и исторій; подробности ихъ обширны, и на страницахъ „Извѣстій Общества изученія Русскаго Сѣвера“ въ настоящее время непомѣстимы; они частію проникли въ мѣстныхъ газеты, частію составляютъ ходячую молву, частію лежатъ докучительно въ извѣстныхъ миѣ рукахъ.

Впрочемъ, пусть это такъ остается совнѣ, внутренно же реформированное училище уже замѣтно служить назначенію. Первый его выпускъ далъ учениковъ, достигшихъ средне-учебныхъ заведеній; притокъ ищущихъ здѣсь пути на лучшую китайскую дорогу очень замѣтенъ; прежняя школа, оставшаяся въ своемъ начальномъ видѣ, несетъ широкую вспомогательную службу, и ея зданіе подновлено, расширено, украшено прилично имени Ломоносова. Ремесленный классъ рѣзбы по кости уже давно покончилъ жизнь, такъ какъ никто не пожелалъ учиться по причинѣ слабаго спроса на костяныя издѣлія, вздорожанія кости, и крайней кропотливости работы, изъ-за которой непроизводительно тратилось время, очень выгодное во всякомъ другомъ ремесленномъ производствѣ. Сверхъ того явились конкуренты этому занятію въ видѣ мастеровъ роговыхъ издѣлій, уже насаждающихъ въ Куростровѣ свое новое производство. Теперь столярный классъ пользуется особою симпатіею и, вѣроятно, будетъ многимъ продуктивнѣе, чѣмъ преждее художественное руководѣлье. Онъ ближе привлечетъ интересы крестьянъ къ школѣ и практически покажетъ имъ, что учебное дѣло хорошо обоснованнаго училища—это далеко не поверхностный придатокъ, откуда-то навязанный въ деревню, но въ высшей степени драгоценный трудъ, безусловно необходимый вездѣ раше всякаго другого обученія.

Такое сознаніе уже начало расти. Количество учащихся само говорить за себя. Что же нынѣ скажутъ о Ломоносовѣ его кровные земляки, когда въ нынѣшнемъ году будетъ имъ опять повторена та повѣсть, которая здѣсь вѣчно долженствуетъ имѣть неизсякаемый интересъ?! Окажутся ли въ силахъ современные намъ жители Ломоносовки пообстоятельнѣе прежняго восчувствовать, какую честь имъ дѣлаетъ имя Михаила Васильевича Ломоносова?

Свящ. Арк. Грандильевскій.